

ВЕСТНИК
Красноярского
государственного
педагогического
университета
им. В.П. Астафьева

2009 (2)

Главный редактор:

Н.И. Дроздов

Редакционная коллегия:

В.Р. Майер, Я.М. Кофман, А.А. Баранов, А.М. Гендин, А.Ж. Жафяров,
А.И. Завьялов, Т.Г. Игнатьева, М.П. Лапчик, М.И. Лесовская,
Н.И. Пак, В.Е. Пэшко, Л.Г. Самотик,
Н.Т. Селезнева, А.Н. Фалалеев, О.В. Фельде,
Т.В. Фуряева, С.П. Царев, В.П. Чеха, М.И. Шилова, Л.В. Шкерина,
С.П. Васильева (*ответственный секретарь и редактор*)

Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2009 (2) / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2009. – 164 с.

Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-29950 от 19 октября 2007 г.

© Красноярский
государственный
педагогический
университет
им. В.П. Астафьева, 2009

Содержание

ФИЛОЛОГИЯ.....	10
А.Б. БУШЕВ.....	10
ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ В БЛОГОСФЕРЕ.....	10
С.В. КИПРИНА.....	16
ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОВЕСТИ ДЖ. ОЛДРИДЖА «ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ПЛЕВАКИ МАК-ФИ».....	16
Е.И. ПИНЖЕНИНА.....	22
КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В ПОНИМАНИИ ГЕРОЕВ РОМАНА И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ».....	22
И.В. РЕВЕНКО.....	28
РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТОВОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В РАССКАЗЕ В.П. АСТАФЬЕВА «ТРОФЕЙНАЯ ПУШКА».....	28
А.О. ТОЙТУКОВА.....	32
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ИМЕНОВАНИИ ЛИЦ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО ПОЛА.....	32
ФИЛОСОФИЯ.....	39
И.С. БАРСУКОВ.....	39
ГРАНИЦЫ ДИАЛЕКТИКИ И. КАНТА.....	39
Ю.А. БОНДАРЕНКО.....	45
АВТОРИТАРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ.....	45
А.В. ЗБЕРОВСКИЙ.....	49
АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ МЕТОДАМИ КУЛЬТУРОЛОГИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.....	49
М.Ю. ЗЫРЯНОВ.....	55
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ).....	55
Л.А. КОРОЛЕВА, А.А. КОРОЛЕВ.....	62
МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В СССР. 1940–1980 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ).....	62
Л.В. ЛОГУНОВА.....	68
СВОБОДА И ЦЕННОСТЬ ПРОШЛОГО.....	68
К.А. ХЛОПКОВ.....	72
ЗНАЧЕНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ МАНИПУЛЯЦИИ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ.....	72
М.Б. ЩАВЕЛЁВА.....	77
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ.....	77
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ.....	82
Н.Л. КОЛЬЧИКОВА.....	82
ЭТНОКУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД В СИСТЕМЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ШКОЛАХ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ.....	82
Н.Т. СЕЛЕЗНЕВА, Е.А. КУРКОТОВА.....	87

ЗНАЧЕНИЕ ПСИХОЛОГО-АКМЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДОМИНАНТЫ В РЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	87
Т.Ю. ТОДЫШЕВА.....	91
ЛИЧНОСТНАЯ ГИБКОСТЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ.....	91
С.Н. ЦЕНЮГА.....	95
К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕДОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ СИБНАРОБРАЗА 20–30-Х ГГ. XX В.....	95
Е.В. ЧЕЛАЗНОВА.....	101
ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ МЕЖДУ КРЕАТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫМИ ПАРАМЕТРАМИ ИМИДЖА РУКОВОДИТЕЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ И ЕГО САМООЦЕНКОЙ.....	101
Е.А. ЧЕРЕНЁВА.....	105
РОЛЬ РЕЧИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОИЗВОЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	105
Е.Ю. ЯБЛОКОВА.....	109
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА СТУДЕНТАМИ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	109
ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ.....	115
Э.А. БАБАЕВ.....	115
ОФИЦИАЛЬНЫЙ ВИЗИТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР А.Н. КОСЫГИНА В КАНАДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ).....	115
Л.Г. ЛИСИНА, И.М. ЧУДИНОВА.....	121
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ-ПОЛИТОЛОГОВ).....	121
ЭКОНОМИКА.....	126
Г.И. ПОПОДЬКО, О.С. НАГАЕВА.....	126
МЕХАНИЗМ СОГЛАСОВАНИЯ ПОТРЕБНОСТИ В КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРАХ С НАПРАВЛЕНИЯМИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗ- ВИТИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ.....	126
РЕЦЕНЗИИ.....	132
А.Д. ВАСИЛЬЕВ.....	132
РУССКОЕ ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.....	132
АННОТАЦИИ.....	136
А.Б. БУШЕВ.....	136
С.В. КИПРИНА.....	136
Е.И. ПИНЖЕНИНА.....	136
И.В. РЕВЕНКО.....	136
А.О. ТОЙТУКОВА.....	137
И.С. БАРСУКОВ.....	137
Ю.А. БОНДАРЕНКО.....	137
А.В. ЗБЕРОВСКИЙ.....	137
М.Ю. ЗЫРЯНОВ.....	137
Л.А. КОРОЛЕВА, А.А. КОРОЛЕВ.....	138

Л.В. ЛОГУНОВА	138
К.А. ХЛОПКОВ	138
М.Б. ЩАВЕЛЁВА.....	138
Н.Л. КОЛЬЧИКОВА.....	139
Н.Т. СЕЛЕЗНЕВА, Е.А. КУРКОТОВА.....	139
Т.Ю. ТОДЫШЕВА.....	139
С.Н. ЦЕНЮГА.....	139
Е.В. ЧЕЛАЗНОВА.....	140
Е.А. ЧЕРЕНЁВА.....	140
Е.Ю. ЯБЛОКОВА.....	140
Э.А.БАБАЕВ	140
Л.Г. ЛИСИНА, И.М. ЧУДИНОВА.....	141
Г.И. ПОПОДЬКО, О.С. НАГАЕВА.....	141
А.Д. ВАСИЛЬЕВ.....	141
ABSTRACTS.....	141
A.V. BUSHEV.....	141
S.V. KIPRINA.....	142
E.I. PINZHENINA.....	142
I.V. REVENKO.....	142
A.O. TOITUKOVA.....	142
I.S. BARSUKOV.....	143
YU. A. BONDARENKO.....	143
A.V. ZBEROVSKIY.....	143
M. YU. ZYRYANOV.....	143
L.A. KOROLYOVA, A.A. KOROLYOV.....	144
L.V. LOGUNOVA.....	144
K.A. KHLOPKOV.....	144
M.B. SHCHAVELYOVA.....	144
N.L. KOLCHIKOVA.....	145
N.T. SELEZNEVA, E.A. KURKOTOVA.....	145
T.YU. TODYSHEVA.....	145
S.N. TSENYUGA.....	145
E.V. CHELAZNOVA.....	146
E.A. CHERENYOVA.....	146
E.YU. YABLOKOVA.....	146
E.A. BABAЕV.....	146
L.G. LISINA, I.M. CHUDINOVA.....	147
G.I. POPODKO O.O. NAGAEVA.....	147
A.D. VASILEV.....	147
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	148
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО.....	152
ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ.....	153

Contents

PHILOLOGY

A.B. Bushev	
SOCIAL AND CULTURAL PHENOMENON OF COMMUNICATION IN BLOGS.....	7
S.V. Kiprina	
HUMANISTIC TRADITION IN THE NARRATIVE «THE TRUE STORY OF SPIT MACPHEE» BY JAMES ALDRIDGE.....	14
E.I. Pinzhenina	
CONCEPT OF «HAPPINESS» IN THE PERCEPTION OF THE CHARACTERS OF I. GONCHAROV'S NOVEL OBLOMOV.....	21
I.V. Revenko	
TEXT TEMPORAL CATEGORY REALIZATION IN THE STORY BY V.P. ASTAFIEV «CAPTURED CANON».....	28
A.O. Toitukova	
LEXICAL INNOVATIONS IN NAMING MALES AND FEMALES.....	32

PHILOSOPHY

I.S. Barsukov	
LOGICAL BOUNDS OF KANT'S DIALECTICS.....	40
Yu. A. Bondarenko	
AUTHORITARIAN TENDENCIES IN RUSSIAN DEMOCRACY AS A HISTORICAL TRADITION.....	47
A.V. Zberovskiy	
ANALYSIS OF RUSSIAN DEMOCRACY BY METHODS OF CULTUROLOGY: FORMULATION OF THE PROBLEM.....	51
M.Yu. Zyryanov	
SOCIAL-PHILOSOPHIC ANALYSIS OF LEGAL EDUCATION (SOME ASPECTS).....	58
L.A. Korolyova, A.A. Korolyov	
MUSLIM CLERGY IN THE USSR. 1940S –1980S. (ON THE BASIS OF THE MIDDLE VOLGA REGION MATERIALS).....	66
L.V. Logunova	
FREEDOM AND VALUE OF THE PASSED.....	72
K.A. Khlopkov	
ROLE OF MASS MEDIA IN THE COURSE OF PUBLIC OPINION MANIPULATION.....	76
M.B. Shchavelyova	
SOME ASPECTS OF MASS CULTURE INFLUENCE ON PUBLIC CONSCIOUSNESS.....	81

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

N.L. Kolchikova	
ETHNO-CULTURAL APPROACH IN THE SYSTEM OF LITERARY EDUCATION IN SCHOOLS OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA.....	87
N.T. Selezneva, E.A. Kurkotova	
THE MEANING OF PSYCHO-ACMEOLOGICAL DOMINANT IN REGULATING SOCIAL INTERACTION.....	93
T.Yu. Todysheva	
PERSONAL FLEXIBILITY IN MANAGERS' PROFESSIONAL ACTIVITY.....	98
S.N. Tsenyuga	
ABOUT ORGANIZATION OF PEDODOLOGY WORK IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF SIBNAROBRAZ IN THE 20S — 30-S OF THE XXTH CENTURY.....	102

E.V. Chelaznova

INTERDEPENDENCE BETWEEN CREATIVE-COMMUNICATIVE PARAMETERS OF IMAGE.....	108
E.A. Cherenyova	
THE ROLE OF SPEECH IN THE DEVELOPMENT OF VOLUNTARY BEHAVIOUR.....	112
E.Yu. Yablokova	
LONELINESS PHENOMENON IN STUDENTS DEPENDING ON PSYCHOLOGICAL AND SOCIAL-DEMOGRAPHIC FACTORS: METHODICAL ASPECT.....	116
HISTORY AND POLITOLOGY	
E.A. Babaev	
THE OFFICIAL VISIT OF THE SOVIET PRIME MINISTER A. N. KOSYGIN TO CANADA.....	123
(BASED ON THE SOVIET PRESS)	
L.G. Lisina, I.M. Chudinova	
POLITICAL SOCIALIZATION OF STUDENTS.....	129
ECONOMICS	
G.I. Popodko, O.O. Nagaeva	
THE MECHANISM OF COORDINATING THE DEMAND IN SKILLED CADRES WITH THE TRENDS IN SPECIALISTS' TRAINING REGARDING THE IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE KRASNOYARSK TERRITORY.....	135
REVIEWS	
A.D. Vasilev	
RUSSIAN HISTORICAL-LINGUISTIC SOURCE STUDY: THEORY AND PRACTICE.....	141
ABSTRACTS.....	ОШИБКА: ИСТОЧНИК ПЕРЕКРЕСТНОЙ ССЫЛКИ НЕ НАЙДЕН
CREDITS.....	ОШИБКА: ИСТОЧНИК ПЕРЕКРЕСТНОЙ ССЫЛКИ НЕ НАЙДЕН

ФИЛОЛОГИЯ

А.Б. Бушев

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ В БЛОГОСФЕРЕ

Коммуникация, компьютерные информационные технологии, медиадискурс, дискурс в блогосфере, вульгаризмы, стереотипы, лингвокреативность.

Целью настоящей статьи является анализ опыта коммуникации в блогосфере. Объектом исследования является социальный и культурный феномен блогерства, а предметом – особенности коммуникативных процессов одного из видов такой коммуникации – медиадискурса. Интерпретации в статье подвергается материал блогосферы русского и английского сегментов Интернета. Поставлены задачи рассмотреть особенности влияния блогерства на коммуникацию и масс-медиа и дать представление о языковой специфике дискурса блогеров. Новизна исследуемого феномена очевидна: феномену как таковому меньше пяти лет; а в связи с его социальной, политической, культурной ролью становится явственно актуальность его изучения.

Посылкой к обсуждению блогерства служит понимание роли сетевых масс-медиа. Симптоматичны наметившиеся междисциплинарные стремления российских исследователей осмыслить социальные и культурные эффекты интернетизации масс-медиа. Эти эффекты значимы при обсуждении мировых событий, а главное, при полученном людьми самостоятельном доступе к океану знаний, накопленных во всем мире. Около десяти лет назад Интернет появился в нашей жизни, и электронные ресурсы мира оказались в буквальном и переносном смысле «на кончиках пальцев». Информационные ресурсы – это серьезный феномен, качественным образом сказывающийся на обществе [Новые инфокоммуникационные технологии... 2003; Новые университеты... 2003; Вершинин 2009]. Налицо их необозримость в Интернете, отсюда возникают необходимость вести поиск, потребность ориентации в ресурсах. Стали появляться работы, осмысляющие отдельные социальные аспекты и последствия новых информационных технологий, в том числе и для открытости общества. Сформировалось мнение, что важен, как никогда, свободный, интуитивно понятный, а главное, самостоятельный доступ к океану знаний, накопленных во всем мире. В формировании общества XXI века общепризнанна роль информационного ресурса, обеспечивающего движение поверх национальных барьеров. Происходит универсализация знания. Так, старая идея о ноосфере приобретает новое звучание.

Гипернет – гипермедийная инфокоммуникационная инфраструктура становления качественно нового мира, определяющей характеристикой которого является универсализация принципов международных взаимодействий в различных сферах человеческого общежи-

тия – в экономике, в политике, в праве, в науке, в образовании, культурной и социальной сфере [Veh 2001; Multiculturalism 2009]. Это имеет свои плюсы и минусы. Важным в таких условиях становится обучение технике интеллектуальной работы. При этом оказывается, что творчество заключается не только в изменении и последовательном преобразовании объекта творчества, но (и это главное) субъекта творчества (человека). Происходит понимание того, что творчество, как и культура, должно пронизывать всю жизнь человека и, безусловно, всю систему образования.

Эффективное использование возможностей электронной коммуникационной среды немислимо без лингвистических, социологических, психологических исследований компьютерно-опосредованной коммуникации, ее специфических особенностей как нового средства общения. E-communication вызывает изменения в менталитете, формах представления информации, восприятию и пониманию известных явлений.

Сегодня отсутствует адекватное академическое представление о виртуальной действительности, мало научных работ, анализирующих виртуальную действительность. Однако явственен интерес к форме информации, понятно, что оперативность, доступность, открытость коммуникации – несомненные достоинства новых коммуникационных технологий. Феномен глобальной сети способствует осознанию и преодолению коммуникативных барьеров.

Характерно широкое междисциплинарное обсуждение комплекса проблем, связанных со стремительным развитием новых медиа- и телекоммуникационных технологий, которые за последние двадцать лет радикальным образом изменили не только повседневность, но также способы политической коммуникации, формы культурного производства и потребления, сферу экономических отношений и модели образования. Для стран бывшего социалистического блока формирование нового медийного ландшафта и приход новых технологий коммуникации происходили одновременно с преобразованиями во всех других сферах и, более того, в известном смысле стали движущей силой и основой этих процессов.

Так, есть основания полагать, что, благодаря развитию спутникового телевидения и Интернета, жители стран Восточной Европы, некогда отделенные от остального мира непроницаемым «железным занавесом» и получавшие строго дозированную информацию о внутренних и внешних событиях, смогли ощутить себя жителями единой «глобальной деревни», и этот фактор имеет решающее значение для анализа политических и культурных процессов в регионе.

Приходилось встречать утверждения, что формирование альтернативной или контрпубличной сферы становится возможным в первую очередь благодаря Интернету и связанным с ним формам медиаактивности.

Впервые после создания веб-страницы, рассылки, чата, форума иная возможность публичной интеракции есть на блоговых сайтах – новая возможность интерактивной коммуникации. На такого рода коммуникации по политическим вопросам хочется остановиться особо. Это возможность действительно политического дискурса в виртуальной форме – не коммуникации, строго упорядоченной и ограниченной (разрешили, о чем и как сказать), а вполне понятного существования в дискурсивном пространстве и высказывания *впечатлений от политики = политическому дискурсу*.

Начнем с рассмотрения политической риторики в блогосфере, характеризующейся прежде всего расширением субъектов информационного взаимодействия.

Так, книга «The Audacity of Hope» («Дерзновение надежды») Барака Обамы переведена на русский язык и продается в книжных магазинах. Сайт *amazon.com* представляет рецензию на книгу и дает возможность читателям высказаться в блогах по поводу книги.

A conservative reviews Senator Obama's latest book..., October 17, 2006

By Dr. Emil Shuffhausen (aka Tom Bombadil)

It is too often here on Amazon, we review only those books and authors with which we totally agree...or totally disagree...and give little regard to the quality of the actual contents of the book. And then, our fellow Amazon viewers come along and rate our reviews strictly on the basis of their own partisan biases. This is not very helpful.

I set out to read and review Senator Barack Obama's latest book, not because I agree with everything he has to say, but because in some ways, I had respected him because he seemed to be a thoughtful and eloquent American with a compelling story. I give the book 4 stars for style and significance in our culture, but much less for substance.

Характерно для рецензий представление разных точек зрения. Показательны вышеприведенные заявления об отказе от партийной риторики (амер. *партизанской* риторики) и политических пристрастий в оценке дискурса.

Существует возможность оценки и комментирования размещенных рецензий типа счетчика (27 of 33 people found the following review helpful).

Утилитарная польза книги и сайта подчеркивается в виде ответа на вопрос, предлагаемый посетителям сайта, была ли эта рецензия полезна им.

Здесь же ссылки на интервью с автором. Он сравнивает работу над написанием своей первой и второй книги и т. д.

Весь предвыборный тематизм служит предметом обсуждения блогеров, накопления суждений из блогов со всего мира. Наряду с этим показательно оперативное представление разных точек зрения. Интерактивность СМИ – характерная черта нового этапа масс-медиализованного общества. Существуют сайты Би-Би-Си, других крупных газет и журналов, блоги на сайтах формируют повестку дня (*agenda-setting*).

Обсуждение узловых вопросов (*issues*) показательно и характерно. Система перекрестных ссылок (сетевой принцип), позволяющая получить необходимую информацию, – характеристика нового этапа медиализованной информосферы. Изменились методы представлений и хранения информации. Информация систематизируется на сайтах, рубрицируется. Доступ к записям на электронных носителях свободен. Тем самым тексты СМИ перестают быть однодневными, эфемерными, сиюминутными. Их доступность для анализа позволяет исследовать смену социальных представлений, тематики и пропагандистских клише.

Глобальные качественные СМИ (ведущие англоязычные качественные каналы и газеты) подают информацию, и сегодняшний Интернет-формат позволяет проследить ее в динамике, в сопоставлении, проводить критический анализ подаваемой информации.

Комментарии блогеров более свободны, однако необходимо учитывать маргинальность блогеров, причудливость их политических воззрений. Известны пристрастные суждения блогеров по политическим вопросам.

Оценочная избитая метафора, модальность предположения, специфика построения фразы в блоге (имитация спонтанной устной речи в беседе, модальность суппозиции, клишированность и стереотипичность вокабуляра) – обращающие на себя внимание характерные черты данного рода сообщений.

Приведем пример из англоязычного Интернета (сайт Би-би-си)¹. Так, например, в ответ на статью с заголовком *Chess Champ Jailed Over Anti-Putin Protest* публикуются следующие сообщения блогеров:

by [Aminion \(896851\)](#) on Saturday November, 24

¹ Интернет-источник: www.bbc.com.

*I hope that you are right, but if the world hasn't been able to do anything about Russia's **horrible crimes** against the people of Chechnya, how big are the chances that Kasparov can make a difference? Also, don't forget that Putin's approval ratings are pretty high even if you disbelieve the official statistics from the Kremlin, i.e. the Russians themselves **might not even care about** this and that is what's really required here. You can't force changes like this from the outside (are you going to sanction Russia? Use military force? Hardly), it has to come from the people of Russia.*

И здесь мы видим оценочную избитую метафору, модальность предположения, специфику построения фразы в блоге (имитация спонтанной устной речи в беседе). В других сообщениях блогеров обращают на себя внимание все те же особенности (имитация разговорности, модальность суппозиции, клишированность и стереотипичность вокабуляра).

В связи с активным внедрением новых информационных технологий проводилась разработка интерпретации таких текстов и представлений о возможностях такого формата. При рассмотрении особенностей языкового и коммуникативного поведения в блогосфере целью выступает рассмотрение особенностей современного русского языка и – шире – дискурса в новых средах коммуникации – в пронизанных взаимозависимостью с другими дискурсами и языками блогах и глобальной медиасистеме. Анализируются языковое своеобразие и особенности коммуникативного взаимодействия, характерные для новых фактур речи.

Поскольку изучаемый феномен возник совсем недавно, то анализируемый материал совершенно нов: недавно мы решили посмотреть, о чем пишут в «Живом журнале»². За последние годы параллельно реальному возник новый, виртуальный мир со своей культурой. Даже на уровне языка он загадочен для непосвященного: *тэги, посты, аккаунты, комьюнити, блоги, форумы, комменты, френдленты...* Слова *брандмауэр, файл, браузер, сканер, анимация, утилиты, секвенсоры, самплеры, спам, мультисессионные диски* вошли в обиход новой информационной культуры. В языке появляются слова, призванные отражать реалии. Избежать столкновения с английским языком на компьютерном поприще невозможно. Не чужды новому языку оказались и разговорные выражения, собственный сленг. Вместе с ним пришли – кто или что это?! – *рипперы, граберы, клипарты, гоферы, антивирусы, зиперы, экстракторы*. Свой сленг требует понимания: знаете ли вы, что такое «меня забанили»?! *Sapientī sat* – для понимающего достаточно.

Блогерство является сравнительно новым феноменом. Блогеры – создатели сетевых дневников. Феномену блогерства более пяти лет. Блоги – это крайне демократичные, неиерархизированные структуры. Авторы дневников – простые частные люди – выступают в качестве авторов историй, публикуют статьи, а также фотоматериалы. Задача – не просто публиковать абы что, а то, что интересно, чтобы ваш опыт был полезен. Впрочем, можно *просто публиковать о том, куда ходил, с кем тусовался*. Порою привлекательна сама обыденность. Дневники – подвид мемуарной литературы, возможность заглянуть во внутренний мир рядового человека. Многие блоги в ЖЖ гораздо талантливее того, что предлагают нам маститые писатели. Желательно отсутствие ошибок. Рекомендуются пользоваться спел-чеккером перед отправкой текстов.

Впрочем, в сети возникает так называемый «изык падонкафф». Это не фонетическое письмо, а намеренное искажение языка, его крайние формы искажения, метаирония над грамотностью: *туд* вместо *тут*, *пачиму* вместо *почему*, *остаеца*, *христаматийный*, *фелософия*, *тродиция*, *афтор*, *кисларод*, *дагадаца*, *нихачу*, *фуназор*, *мысли вазникают в маеи измученной навасями галаве*, *вофсе нед*, *кетайский школьнег*, *красавчег* и т. д. Иные падонки уже становятся культовыми персонажами. Этот сленг называют олбанским. На сайте *udaff.ru* «тусуются» тысячи человек ежедневно. Есть мнение, что любой текст, написанный

² Интернет-источник: www.livejournal.ru.

на языке падонкофф, теряет агрессию и пафосность. Ведь чувствуются элементы иронии: *почетайте, я запейсал, тиел вон, чмовый тролль, диссиденты, онегдоты, жаднокласники, ну вот нах спрашиваеЦЦа.*

Плюс создается впечатление о криптолалической функции такого языка для посвященных: *я сабж разлочил, каменты отключаю, поскольку откомментировались все уже, под катом – фотки к посту, френдлента, имхо, к-а, под катом лидочки опять флешмоб, в ютубе.*

Блогосфера воспринимается как пространство прайваси и свободы, простирающееся, как известно, пока оно не нарушает свободы другого, не идет на преступления, предусмотренные УК. Оценочность постоянно присутствует в сообщениях: *возбуждение животного по-треотизма, порадовать, мундаки, нипайду, тиел вон, чуня.*

Показательные поползновения к регламентации общения в Интернете не находят поддержки и – что самое отрадное – технической базы регулирования этого общения.

Полагают, что неумеренный мат в олбанском звучит даже нежно. Некоторые исследователи пишут, что идеология падонкофф строится на отрицании образования, стремлении к оригинальности и протесте против несвободы. Вот такой коктейль. Под редакцией С. Минаева выходят сборники прозы падонкофф (феномен «Литпром»).

С места в карьер может нарочитая неграмотность и раздражать читателя: *спрашиваеЦЦа, красавчеги, нарочитое удвоение букв сппросит, юннности...*

Наряду с блоггерством возникает интерактивное радио – новая школа журналистики. Участвует в новом текстовом мире и мобильная телефония – с телефона, с которым многие ходят в обнимку, можно набрать текст и послать его на блог. Блогосфера являет собой новую информосферу. Блоггеры отражают спектр общественных настроений. Интерес к «Живому журналу» связан с падением доверия к традиционным масс-медиа. Аналитика в них неоперативна, уступила место пропаганде, плюс характерное на сегодня почти полное устранение просветительского научного дискурса из СМИ.

Философы говорят, что наступает мусорная цивилизация – в ней все сохраняется. Впервые фиксация не только ценного, но и субъективного, частного. Все фиксируется, и происходит девальвация ценности. Личное творчество, которое человек увековечивает, получает приоритет.

Для ЖЖ характерно формирование виртуальных сообществ. Эта форма объединения людей по интересам изучается социологами (социальный виртуальный солипсизм). Умение самопрезентироваться – одно из ключевых умений блоггеров. Впрочем, есть мнение, что в Интернете все притворяются перед всеми. И особенно перед самими собой. *Ярко и со вкусом подайте информацию о себе* – учат в инструкции к ЖЖ. Умение общаться, проявить интерес к партнеру по коммуникации не менее важно. Общайтесь с другими пользователями в вашей ленте друзей, комментариях и сообществах: большинство пользователей разрешает комментировать свои записи, благодаря чему можно с толком побеседовать, поспорить, обменяться мнениями и найти новых друзей. Ещё один способ познакомиться с интересными людьми – участие в сообществах (общие журналы, в которых разные люди могут писать на общую тему). Можно читать чужие тексты, особенно тех, кому в силу каких-либо причин нет доступа в иные средства масс-медиа. Выбор в море информации, умение самопрезентации – ключевые навыки блогера.

Вышеуказанные особенности языкового функционирования в блогосфере заставляют нас вновь поразмышлять над динамикой русской лексики последних десятилетий [Бушев 2004, 2005, 2006]. Рассмотренный нами языковой материал коммуникации в блогосфере позволяет сделать следующие выводы. Типичными для русского языка в новой информосфере являются:

1. Жаргонизация, широкое присутствие арготизмов, молодежного сленга, компьютерного сленга.

2. Интеллектуализация, языковая игра, карнавализация.
3. Варваризация, заимствования (транслитерации и кальки).
4. Бюрократизация.
5. Интертекстуальность и языковая игра текстов и лингвокреативность; лингвоцентризм, присущий даже жаргону, как отражение рефлексии над языком; лингвокреативность, присущая даже неологизмам.
6. Широкое заимствование элементов рекламы, слоганов, политического новояза.

Продемонстрированные в работе примеры убеждают: эпоха Windows – эпоха больших объемов информации – качественно изменила информационную культуру в образовании и медиа и требует развития информационной рефлексии.

Библиографический список

1. Бушев, А.Б. Наука о языке и вульгаризация речи в СМИ / А.Б. Бушев // Российская наука и СМИ: сб. статей / под. ред. Ю.Ю. Черного. – М.: Информнаука, 2004. – С. 121–129.
2. Бушев, А.Б. Современные особенности языка российских СМИ (социолингвистические заметки) / А.Б. Бушев // Вестник ЦМО МГУ. – № 5. – Ч. 1–2. Филология. Культурология. Методика. – М.: Изд-во МОЦ МГ, 2005. – С. 67–72.
3. Бушев, А.Б. Неориторические исследования / А.Б. Бушев // Русская речь в современном вузе: материалы II Международной научно-практической Интернет-конференции. 15 октября – 15 декабря 2005 г., Орел / отв. ред. Б.Г. Бобылев. – Орел: Изд-во ОрелГТУ, 2006. – С. 245–254.
4. Вершинин, М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований / М.С. Вершинин // www.ruscom.ru, библиотека сайта Российской коммуникативной ассоциации.
5. Новые инфокоммуникационные технологии в социально-гуманитарных науках и образовании: материалы международной Интернет-конференции / под общ. ред. А.Н. Кулика. – М.: Логос, 2003. – С. 462.
6. Новые университеты: роль информационных технологий в становлении гуманитарного образования. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. – С. 260.
7. Bex, T. Variety in Written English. Texts in Society. Societies in Text / Bex T. – Routledge, 2001.
8. Multiculturalism // Wikipedia on-line [http:// en.wikipedia.org/wiki/Multiculturalism](http://en.wikipedia.org/wiki/Multiculturalism).

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОВЕСТИ ДЖ. ОЛДРИДЖА «ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ПЛЕВАКИ МАК-ФИ»

Джеймс Олдридж. Образы детства.

В творчестве Джеймса Олдриджа в группе произведений, посвященных проблемам детства, особое место занимает повесть «Подлинная история Плеваки Мак-Фи» (*The True Story of Spit Macphee*, 1988). Автор, как и во многих других произведениях, выступает здесь продолжателем гуманистической традиции в изображении детства, начатой его великими предшественниками Г. Филдингом, Ч. Диккенсом, Ш. и Э. Бронте и др. Гуманное отношение к ребенку и доброжелательность его самого – это идеал, к которому стремится человечество. Прекрасно, если условия таковы изначально. Но зачастую страдания – это то горнило, через которое закаляется душа и делает свой выбор в пользу добра или зла. В повести Дж. Олдриджа главный герой, пройдя выпавшие на его долю испытания, остается добрым и отзывчивым человеком. Автор тем самым наследует и продолжает гуманистическую традицию в изображении ребенка и детской жизни.

Джеймс Олдридж (James Aldridge) – английский писатель и общественный деятель, родился 10 июля 1918 года в Австралии, штат Виктория. В целом творчество писателя хорошо исследовано как у нас, так и за рубежом. Среди отечественных исследователей его литературного наследия необходимо отметить вклад Г.В. Аникина, П.С. Балашова, М.И. Воропановой, В.В. Ивашевой, Е.В. Корниловой, О.В. Стукова и др. Повесть «Подлинная история Плеваки Мак-Фи» – одно из поздних произведений писателя, поэтому она получила у нас меньшее критическое освещение.

В своих первых романах «Дело чести» (*Signed with their Honour*, 1942) и «Морской орел» (*Sea Eagle*, 1944) Олдридж развивает тему антифашистского сопротивления греческого народа. Русская тема также находит отражение в творчестве Джеймса Олдриджа, она возникает в книге «О многих людях» (*Of Many Men*, 1946) и в романе «Дипломат» (*The Diplomat*, 1949), который в 1953 году был отмечен Золотой медалью Мира. Но наиболее полно тема взаимоотношений России и Англии раскрывается в диалогии «Пленник чужой страны» (*A Captive in the Land*, 1962) и «Опасная игра» (*The Statesman's Game*, 1966), вышедшей под общим названием «Сын земли чужой» в 1968 году. Романы, написанные в 50–60-е годы, объединены темой борьбы за независимость арабских народов: «Герои пустынных горизонтов» (*Heroes of the Empty View*, 1954), «Не хочу, чтобы он умирал» (*Wish He would not Die*, 1957), «Последний изгнанник» (*The Last Exile*, 1961).

В свое время Дж. Олдридж был очень популярен как за рубежом, так и в Советском Союзе, но сейчас его творчество незаслуженно оттеснено на второй план и мало изучается. Писатель глубоко верил, что путь социального развития (социализм), избранный русскими людьми, – это самый правильный и адекватный путь исторического развития человечества. Дж. Олдридж восхищается решимостью и непоколебимостью русского народа, о чем свидетельствуют его многочисленные статьи в русских журналах и газетах, которых насчитывается свыше четырехсот. В 1973 году Джеймс Олдридж был удостоен чести стать «лауреатом международной Ленинской премии “За укрепление мира между народами”» [Олдридж 1985 : 3], что говорит как о его огромной международной общественной работе, так и о человеческой отзывчивости.

В поздний период в творчестве писателя особо выделяется детская тема. Она представлена в его лучших романах, повестях и рассказах этого времени: «Последний дюйм» («*The Last Inch*», 1957), «Папина сорока», «Мальчик с лесного берега», «Победа мальчика с лесного берега», «Мой брат Том. История одной любви» («*My Brother Tom. A Love Story*», 1966) «Удивительный монгол» («*The Marvellous Mongolian*», 1974), «Правдивая история Лилли Стьюбек» («*The True Story of Lilli Stubeck*», 1985) и др. Из всего многообразия произведений, написанных Олдриджем на эту тему, нас интересует повесть «Подлинная история Плеваки Мак-Фи», самая поздняя из них. Она замыкает круг произведений, местом действия в которых является Австралия, родина писателя. Здесь писатель выступает не только продолжателем гуманистической традиции в изображении ребенка, но и своего рода новатором. В его повести возникают интересные аналогии с произведениями других английских писателей его времени, а именно с романами У.Д. Голдинга «Повелитель мух» («*Lord of the Flies*», 1954) и С. Хилл «Я в замке король» («*I'm the King of the Castle*», 1970). Выявление таких аналоговых моментов, как мотивы, сюжетных сходжений, родство персонажей в романах и повести, поможет воссоздать образ детства, рисуемый авторами одной страны.

В повести «Подлинная история Плеваки Мак-Фи», как и в других произведениях Дж. Олдриджа, есть элементы автобиографии. Обращение писателя к собственным детским годам было вызвано **необходимостью** для писателя вернуться к тому периоду жизни, где истинные жизненные ценности остались незамутненными, чистыми и по-детски верными. Любого писателя всегда интересует, чем привлекло его именно литературное поприще, где берут начало истоки его творчества. И, естественно, он обращается к детству, то есть к началу своей жизни, для того чтобы представить истории жизни людей и становление их характеров. В этом писателю помогает дар наблюдательности, которым он обладает с детства: он подмечает тонкости ситуаций и особенности поведения людей. Джеймс Олдридж так пишет о причине своего обращения к жизни маленького провинциального городка, где прошло его детство и который становится местом действия всех его произведений австралийского цикла: «Должно быть, детство и ранняя юность – лучшая пора в нашей жизни. Те склонности, чувства и реакции, которые в дальнейшем составят основу зрелого характера, складываются рано. Задача писателя – раскрыть этот процесс формирования человека, уловить миг пробуждения, когда мы из детей становимся юношами и девушками, чтобы потом стать стариками и старухами. Сейчас, когда я оглядываюсь на свое детство и юность, мне особенно привлекательным кажется дар наблюдательности, которым я тогда обладал, сам того не подозревая» [Олдридж 1971 : 3].

Все произведения австралийского цикла объединяются в цикл по наличию постоянных образов и персонажей в них. Это и образ Австралии, и образ маленького городка Сент-Элен, в котором проживают и действуют постоянные герои Олдриджа, и, конечно, образы персонажей. Главными циклообразующими элементами в повести являются местонахождение происходящего (Австралия) и семья адвоката Квейла: его жена и сыновья Том и Кит. Последний часто является рассказчиком происходящих событий. Сюжетно повести и рассказы австралийского цикла напоминают серию разных жизненных случаев. В целом цикл носит автобиографический характер, но произведения не являются изложением реальных фактов. За основу взяты характеры живших когда-то на родине писателя людей. Вот как сам Дж. Олдридж определяет соотношение реальности и вымысла в своих австралийских произведениях: «В каждом эпизоде этой книги (речь идет о повести “Мой брат Том”. – С.К.) есть что-то от моей собственной жизни. И в то же время ни один эпизод не является точной записью действительного события... Правда переплетается с вымыслом на каждой странице, хоть всякий раз по-иному. Почти любой персонаж имеет свой живой прототип, почти любой эпизод основан на реальном происшествии. Но факты служат мне сырьем, и, когда сырье переработано, на месте фактов возникает литература. И литературными средствами я всегда стремлюсь создать некое новое литературное целое, а не просто нанизывать хорошо отшли-

фованные детали» [Олдридж 1971 : 3]. Прямой проекцией на себя Джеймс Олдридж называет сына адвоката Эдварда Квейла – Кита Квейла (Квейл – это видоизмененная девичья фамилия матери писателя Квейль). Фамилия Квейл возникает еще в первом романе Дж. Олдриджа «Дело чести», где главным героем является Джон Квейл – английский военный летчик.

Во всех романах, повестях и рассказах писатель затрагивает общечеловеческие, вечные проблемы: это живейшие проблемы его современности, которые не теряют актуальности до сих пор. Поэтому разные ситуации жизненного выбора, так искусно выведенные английским писателем, будут интересны для всех поколений и во все времена. На протяжении всей литературной деятельности Джеймс Олдридж находится в постоянном поиске правильного выбора пути. Его герои решают задачи, в которых четко проявляется их жизненная позиция. Все произведения писателя отличают правдивость повествования, чувство достоверности и современности происходящего. Отличительной чертой всего, что написано Дж. Олдриджем об австралийском детстве, является светлое чувство, которое остается по их прочтении. Это ощущение возникает из гуманного и трепетного отношения писателя к малой родине, далекому детству. Дети у него, как правило, – сильные личности, нравственно устойчивые, независимые и самостоятельные. Беспризорные, сироты, они привлекают читателя недюжинной жаждой жизни, оптимизмом, за которыми и скрыт, наверное, смысл человеческой жизни.

В повести «Подлинная история Плеваки Мак-Фи» Олдридж показывает еще одну грань в образе провинциального города, называемого Сент-Элен. Этой гранью является семья Мак-Фи. Во всех повестях и рассказах австралийского цикла писателем представлен целый ряд гордых и сильных духом персонажей. И главный герой данного произведения не исключение. Это Ангус Мак-Фи, прозванный Плевакой за привычку в подражание деду плевать. Это одиннадцатилетний сирота, который живет со своим дедом Файфом Мак-Фи. Поскольку родители Плеваки умерли – сначала отец при тушении пожара, а в скором времени и мать, – то единственным родным человеком и опекуном для мальчика становится дед, герой Второй мировой войны. С ним они живут на берегу реки Муррей в старом пароходном котле, который изнутри расписан дедом причудливыми узорами и рисунками. И все было бы благополучно, возможно, мальчик так бы и вырос под присмотром деда, если бы не приступы неистового бешенства, которыми страдал Файф Мак-Фи после ранения и перенесенной операции. Именно это заставляет Бетти Арбакл – одну из жительниц городка – выступить с предложением «улучшить условия жизни мальчика». Она попросту хочет отправить его в приют, в так называемый «дом воспитания», который находится в Бендиго.

Плеваке Мак-Фи рано пришлось повзрослеть, так как ему, по сути, приходилось присматривать за больным дедом, самому вести хозяйство, готовить пищу. Свою независимость и силу Плевака черпает из окружающей его природы. Лес и река дарят мальчику удивительно гармоничное естественное мироощущение, он будто живет с ними одной жизнью, в одном ритме. Это чистый и открытый ребенок, которого не коснулись цинизм, лицемерие и фальшь взрослого мира. Любовь к природе – один из константных мотивов, который, во-первых, очень часто используется Олдриджем, во-вторых, является объединяющим три произведения – данную повесть и романы У. Голдинга и С. Хилл, о которых говорилось выше. Ральф из «Повелителя мух», Чарльз из «Я в замке король» и Плевака Мак-Фи – главные герои, чье взаимодействие с природой дается им естественно и легко. Все они прекрасно плавают, ориентируются на местности, не боятся леса и чувствуют себя там как дома.

Именно природа укрывает и спасает Плеваку от преследования взрослых. Когда его после смерти деда хотят насильно заставить жить в доме Бетти Арбакл, мальчик бежит на Пятничный остров, который находится на реке Муррее. Остров порос бушем – непролазными дебрями, мальчик прячется там, и найти его в зарослях весьма трудно даже для взрослых мужчин.

Несмотря на дождь, темноту и холод, Плевака смог достаточно удобно устроиться и несколько дней прожить на острове. Здесь в миниатюре представлена жизнь современного Робинзона на «необитаемом» острове. И в этой связи повесть «Подлинная история Плеваки Мак-Фи» Дж. Олдриджа может быть сопоставима с произведениями У. Шекспира «Буря» (1611, опубл. 1623), Д. Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, описанные им самим» (1719), Р.М. Баллантайна «Коралловый остров» (1858), Р.Л. Стивенсона «Остров сокровищ» (1883), Дж. Голсуорси «Остров фарисеев» (1904), Г. Уэллса «Остров доктора Моро» (1896) и «Мистер Блетсуорси на острове Рэмпол» (1928), У.Д. Голдинга «Повелитель мух» (1954) – в них во всех присутствует символический образ острова [Аникин 1971 : 197]. Таким образом, Джеймс Олдридж может быть включен в ряд писателей, для которых островная жизнь и образ острова явились одной из ведущих тем их творчества. Плевака с честью выдерживает это испытание, правда, находится он на острове не очень долго. В отличие от детей, попавших на необитаемый остров в романе У. Голдинга, он не опустился до уровня дикаря, а, наоборот, как и Робинзон Крузо Д. Дефо, проявляет стойкость, находчивость и поэтому становится выше обстоятельств, выигрывая в схватке один на один с первобытной природой. Именно в этом проявляется гуманистический взгляд писателя на детство и детский характер.

Как противопоставление естественной природной среде в повести Дж. Олдридж показал школу, куда ходит Плевака. Школа, где нужно подчиняться строгим, непонятным правилам, совсем не нравится мальчику, поэтому он и пропускает занятия. И здесь возможна параллель с романом «Я в замке король». Его герой Чарльз Киншоу всей душой ненавидит «мертвый» дом «Уорингс», где ему приходится жить, и стремится к живой природе за пределами имения, где можно найти покой и отдых душе.

Джеймс Олдридж проводит своего героя через такие испытания, которые может преодолеть далеко не каждый взрослый. Возможно, кто-то другой на месте Плеваки давно бы сломался, но Олдридж показал нам героя, готового к сопротивлению внешним обстоятельствам и, более того, сопротивляющегося. После гибели родителей и смерти деда мальчик остается совершенно один, и за право опеки над ним начинают бороться две женщины. Первая из них – Бетти Арбакл – женщина набожная, но, в сущности, слепо и буквально понимающая христианские заповеди, в том числе и то, как помочь ближнему своему. Вторая – Грейс Триз – чуткая и добрая женщина, умеющая найти подход к Плеваке. Она тонко чувствует личность мальчика, понимает, что только в семье он сможет вырасти полноценным человеком. Плевака решительно сопротивляется участи, уготованной для него Бетти Арбакл. Одиннадцатилетний мальчик оказывается духовно сильнее взрослой женщины, так как именно его чистый и гуманный взгляд на мир жизнеспособнее, чем все правила и догматы мира взрослых. На этом настаивает и сам автор.

Кульминационной сценой в романе является судебное заседание, на котором решается судьба мальчика. И только мудрость адвоката Эдварда Квейла помогает Плеваке остаться в семье Триз. Оптимистический финал, победа добра над злом, торжество любви и дружбы – все это пробуждает в читателе умение ценить истинные гуманные качества человека – милосердие, сострадание, сердечное участие в судьбе своего ближнего. Именно гуманистическая традиция помогает воспитывать высоконравственные приоритетные позиции у читателей XXI века – прежде всего у детей и юношества, тех, кому принадлежит будущее. Характер главного героя повести Дж. Олдриджа полностью соответствует представлениям о настоящем герое. Плевака мужественно выдерживает все испытания, выпавшие на его долю, благодаря своему независимому характеру, доброте и честности, внутренней силе и уверенности в правильности самих основ жизни. «Подлинная история Плеваки Мак-Фи» – литературный пример, один из лучших в ряду произведений о настоящих ценностях.

В традиции английского гуманистического романа о детях характер Плеваки Мак-Фи может быть сопоставим с характером главного героя романа Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфилд. Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим». Образ Плеваки Мак-Фи можно также сравнить с образом еще одного литературного сорванца – Тома Сойера. Конечно, Олдридж знал это произведение М. Твена и, возможно, наследует традицию в изображении персонажа, созданную американским писателем. Да и сам Дж. Олдридж в детстве был похожим на Плеваку и Тома Сойера (это еще один отголосок автобиографичности повести): «Годы, проведенные в Суон Хилле и других “девственных” уголках Австралии, где он (Джеймс Олдридж. – С. К.) рос почти как Том Сойер, на всю жизнь поселили в нем “неприязнь к существованию взаперти”» [Балашов 1963 : 10]. Возможно, поэтому и Плевака не может жить взаперти в доме Бетти Арбакл, где все домочадцы должны ходить «в строго определенном порядке» и только по указке самой Бетти. «Аналогия эта очень удачна: он (Джеймс Олдридж. – С. К.) был близок Тому Сойеру по вольнолюбивому духу, по естественной тяге к природе и простоте, по мальчишеским проделкам и забавам, по глубоко укоренившимся с детства демократическим симпатиям» [Балашов 1963 : 10]. Так и Чарльз Киншоу в романе Сьюзен Хилл не может жить взаперти в усадьбе Хуперов «Уорингс».

Если, например, С. Хилл как писателя привлекает готическая манера изображения реальности и героев, мирового зла, а У. Голдинга интересует аллегоричность создаваемого образа, то Дж. Олдридж в этом отношении придерживается реалистического взгляда на вещи и не уходит в потусторонние или иллюзорные (вымышленные) миры. Его герои такие же живые образы, как и действительно жившие когда-то на родине писателя люди. Но за кажущейся простотой и легкостью, с которыми изображены персонажи, угадывается мастерство талантливого писателя, правдиво представившего образы героев, детства. И эта правдивость подтверждается гуманным взглядом на детство, в котором закладываются основы жизни и развития человечества в целом. Мы видим некоторое объединяющее начало в мотивах, сюжетных схождениях, изображении героев между повестью Дж. Олдриджа «Подлинная история Плеваки Мак-Фи» и романами У. Голдинга «Повелитель мух» и С. Хилл «Я в замке король» и различия в их конкретном воплощении. На основе анализа проделанной работы мы приходим к выводу, что Джеймс Олдридж является достойным продолжателем гуманистической традиции в изображении ребенка и детства, развивая которую, он вносит необходимые изменения и дополнения, соответствующие его времени. Гуманность взгляда на детство ставит автора в ряд с писателями, для которых человечность в отношениях людей является приоритетной и основополагающей.

Библиографический список

1. Аникин, Г.В. Современный английский роман: пособ. по спецк. для студ. филолог. ф-та / Г.В. Аникин; Уральский гос. ун-т. – Свердловск, 1971. – 310 с.
2. Балашов, П.С. Джеймс Олдридж: критико-биографический очерк / П.С. Балашов. – М.: Гослитиздат, 1963. – 248 с.
3. Бронич, М. Выбор пути / М. Бронич // Олдридж Дж. Охотник; Пленник чужой страны; Опасная игра: романы / С. Бронич; пер. с англ. И. Кишкан и др.; худож. М. Бруня. – Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1982. – 520 с.
4. Воропанова, М.И. Джеймс Олдридж / М.И. Воропанова // Зарубежные писатели: библиографический словарь для школьников и поступающих в вузы. В 2 ч. Ч. II. М–Я / под ред. Н.П. Михальской. – М.: Дрофа, 2003. – С. 160–163.
5. Олдридж, Дж. От автора // Дж. Олдридж. Последний дюйм: рассказы; Мой брат Том: повесть. – М.: Дет. лит., 1971. – 224 с.

6. Олдридж, Дж. Подлинная история Плеваки Мак-Фи: повесть / Дж. Олдридж; пер. с англ. Д. Песурцева. – М.: Дет. лит., 1992. – 238 с.
7. Олдридж, Дж. Правдивая история Лилли Стьюбек: роман / Дж. Олдридж; пер. с англ. Л. Огульчанской // Иностранная литература. – 1985. – № 12. – С. 3–107.
8. Саруханян, А.П. Джеймс Олдридж / А.П. Саруханян // Энциклопедический словарь английской литературы XX века / отв. ред. А.П. Саруханян; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. – М.: Наука, 2005. – С. 315–316.
9. An anthology of English Literature. – М.: Просвещение, 1985. – 287 с.
10. Boyd, G.L. The Novels of William Golding / G.L. Boyd. – N.-Y., 1988. – P. 39.
11. Brockway, J. Old as the Hills / J. Brockway // Book and Bookman. – 1974. – № 9. – June.
12. Cambridge guide to literature in English / edited by Ian Ousby. – Cambridge University Press, 1993. – P. 439.
13. Lindsay, J. After the Thirties. The Novel in Britain and its Future / J. Lindsay. – London: Lawrence and Wishart, 1956. – P. 114.
14. The Oxford Illustrated History of English Literature / edited by Pat Rogers. – Oxford, N.-Y. – Oxford. U.P., 1987. – P. 473–475.
15. William Golding: Some Critical Considerations / Ed. J. I. Bines, R. O. Evans. – Lexington (Kentucky), 1978. – P. 43.

КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В ПОНИМАНИИ ГЕРОЕВ РОМАНА И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

И.А. Гончаров, романная трилогия, «Обломов», образ Обломова, образ Ольги Ильинской, образ Андрея Штольца, концепт «счастье», концепт «любовь», концепт «страсть».

Романы И.А. Гончарова вслед за самим писателем, обозначившим свою позицию в автокритической статье «Лучше поздно, чем никогда»³, принято рассматривать как трилогию. Основанием объединения романов становится содержание – последовательное отражение в них трёх эпох русской жизни и эволюция героя от Александра Адуева через Илью Обломова к Борису Райскому, по сути, героя одного типа. На наш взгляд, преемственность от романа к роману прочитывается ещё в одном содержательном аспекте.

Считается, что проблеме соотношения понятий страсти, любви и счастья в жизни человека Гончаров посвятил последний роман «Обрыв» [Краснощёкова 1997 : 415 и далее]. Действительно, в завершённом виде концепция счастья-страсти представлена в теории Бориса Райского. Но думается, что представления Гончарова о счастье-страсти начали формироваться ещё в романе «Обломов». Однако в исследованиях, посвящённых этому роману [Недзвецкий 1992; Одинокоев 1975; Постнов 1997], о страсти не говорится вообще, что на первый взгляд кажется закономерным. В «Обломове» и героя нет, которому были бы свойственны проявления страсти, – это вовсе не соответствует темпераменту ленивого Обломова, расчетливого Штольца и рассудительной Ольги.

Но мы считаем, что ослепление, «гроза», по выражению Райского, необходимы были еще героям «Обломова», и именно эти моменты переживались ими как наиболее счастливые. В данной работе мы обозначим ряд эпизодов романа «Обломов», закладывающих фундамент гончаровской концепции страсти, тем самым, во-первых, предлагая принципиально новый взгляд на героев «Обломова», во-вторых, расширяя представление о преемственности произведений Гончарова внутри трилогии.

Одно из программных высказываний Бориса Райского, определяющих его представления о страсти, звучит так: «Природа вложила только страсть в живые организмы, другого она ничего не дает. Любовь – одна, нет двух любвей! <...> на остывший след этой огненной полосы, этой молнии жизни, ложится потом покой, улыбка отдыха от сладкой бури, благодарное воспоминание к прошлому, тишина! И эту-то тишину, этот след люди и назвали – святой, возвышенной любовью, когда страсть сгорела и потухла...» (6: 66). Покойное счастье Райский признает только отзвуком промчавшейся ранее над человеком грозы страсти. Не в тишине и покое, но в преодолении границ обычного, обыденного, «среднего» существования, в поиске «другой» жизни видит Райский смысл и полноту человеческого бытия. Счастье в понимании героев «Обломова» имеет те же содержательные характеристики.

В финале романа Илья Ильич так оценивает своё существование: «Вглядываясь, вдумываясь в свой быт и всё более и более обживаясь в нем, он наконец решил, что ему *некуда больше идти, нечего искать, что идеал его жизни осуществился, хотя без поэзии...*» (4: 479). С одной стороны, существенно здесь признание героем полного счастья. С другой –

³ «Я <...> вижу не три романа, а один. Все они связаны одною общею нитью, одною последовательною идеею – перехода от одной эпохи русской жизни, которую я переживал, к другой...» (8: 107; курсив Гончарова. – Е.П.). Здесь и далее произведения Гончарова цитируются по изданию: Гончаров, И.А. Собр. соч. В 8 т. / И.А. Гончаров. – М.: Худ. лит., 1972–1980, с указанием в скобках номера тома и страницы. Кроме особо оговорённых случаев, везде курсив наш. – Е.П.

явно прочитывается «неполноценность полноты» этого счастья. Идеал Обломова действительно ожил, но его реализация не потребовала преодоления, работы, движения – отсюда отсутствие поэзии и «живой жизни» в доме Пшеницыной. Это подтверждается и признаваемой Обломовым завистью к семье Штольца и Ольги: «Боюсь зависти: ваше счастье будет для меня зеркалом, где я всё буду видеть свою горькую и убитую жизнь; а ведь уж я жить иначе не стану, не могу» (4: 440). Поэтому в финале романа счастье Обломова всё-таки ограниченно-условное. Это заметно и в сравнении с тем, какие ощущения рождались в то же время в душе Агафьи Пшеницыной: «...лицо ее постоянно высказывало одно и то же – счастье полное, удовлетворенное и без желаний, следовательно, редкое и при всякой другой натуре невозможное (4: 478). На последнем пассаже необходимо остановиться. Почему Гончаров считает, что при всякой другой натуре такое счастье будет невозможным или неполноценным? Потому что оно порождает в человеке ощущение скуки и неудовлетворенности. Не только Обломов, но и Штолец, и Ольга, казалось бы, обретая абсолютное счастье, понимая, что «некуда идти», чувствуют его недостаточность.

Вообще, открыто декларирует необходимость сильного чувства в следующем романе опять же Борис Павлович Райский. Он будет ждать от жизни страсти, забвения и ослепления: «Зачем гроза в природе?.. Страсть – гроза жизни... О, если б испытать эту сильную грозу!» (6: 106). Но каждый из героев «Обломова» в своё время также ждет не покоя, а, напротив, выхода за пределы обыденного, привычного и среднего, некоего ослепления чувством. Так, обратим внимание на эпизод, когда Илья Ильич делает Ольге предложение: «У него шевельнулась странная мысль. Она смотрела на него с покойной гордостью и твердо ждала; а ему хотелось бы в эту минуту не гордости и твердости, а слез, страсти, охмеляющего счастья, хоть на одну минуту, а потом уже пусть потекла бы жизнь невозмутимого покоя! И вдруг ни порывистых слез от неожиданного счастья, ни стыдливого согласия!» (4: 289–290). Гончаров объясняет желание Обломова потребностью самолюбия: «Обломов увлекался потребностью самолюбия допроситься жертв у сердца Ольги и упиться этим» (4: 290). Герой идет дальше и рисует Ольге следующую картину: «Но есть другой путь к счастью <...> Иногда любовь не ждет, не терпит, не рассчитывает... Женщина вся в огне, в трепете, испытывает разом муку и такие радости, каких... Путь, где женщина жертвует всем: спокойствием, молвой, уважением и находит награду в любви... она заменяет ей всё» (4: 290). Заметим, как пафос высказывания Обломова здесь схож с «проповедями» страсти, которыми Райский пытался «разбудить» Софью, Марфеньку, Веру. Обломов знает, что этот путь несет одновременно с упоением, ослеплением любовью и катастрофу, разрушение:

«– Отчего же бы ты не пошла по этому пути, – спросил он настойчиво, почти с досадой, – если тебе не страшно?..

– Оттого что на нем... впоследствии всегда... расстанутся, – сказала она, – а я... расстаться с тобой!..» (4: 291).

Хотя отчасти, но минуты ослепления чувством Обломов всё-таки дожидается: «Она остановилась, положила ему руку на плечо, долго глядела на него и вдруг, отбросив зонтик в сторону, быстро и жарко обвила его шею руками, поцеловала, потом вся вспыхнула, прижала лицо к его груди...» (4: 291). Мы приходим к выводу: чтобы поверить в искренность любви Ольги, Обломову нужно почувствовать не столько убежденность героини, сколько силу её страсти и ослепления.

Того же ослепления чувством впоследствии ждёт от Ольги Штолец. Как герой положительный он декларирует уравновешенность, расчетливость во всем, в том числе и в чувстве. Он не только не призывает «грозу», но, напротив, старается её избежать. Гончаров даёт ему такую характеристику: «Так же тонко и осторожно, как за воображением, следил он за сердцем <...> и рад-радехонек был, если не обливалось оно кровью, если не выступал холодный пот на лбу и потом не ложилась надолго длинная тень на его жизнь» (4: 166). Но при

том что Штольц стремится соблюдать меру и в любовном чувстве, от Ольги, чтобы повести её любви, ему нужны признаки того самого ослепления, которого добивался от нее Обломов, которое в общем-то противоречит всей теории Штольца: «Но был ли это авторитет любви – вот вопрос? Входило ли в этот авторитет сколько-нибудь ее обаятельного обмана, того *лестного ослепления*, в котором женщина готова жестоко ошибиться и быть счастлива ошибкой?..» (4: 408). И далее: «А в любви заслуга приобретается так слепо, безотчетно, и *в этой-то слепоте и безотчетности и лежит счастье*» (4: 409). Слезы, хмель и упоение у Обломова и слепота и безотчетность у Штольца – явно категории одного порядка, причем они выходят за пределы привычной логики характера обоих героев.

И Штольц дожидается столь нужного ему ослепления, хотя это и единственный во всем романе эпизод, относящийся к Штольцу и Ольге: «Он не договорил, а она, *как безумная*, бросилась к нему в объятия и, как *вакханка*, в *страстном забытии* замерла на мгновение, обвив ему шею руками <...> Никогда, казалось ей, не любила она его так страстно, как в эту минуту?» (4: 468).

И, наконец, неслучайность приведенных выше эпизодов подтверждается еще одной сценой – описанием вечера, когда Ольгой овладевает, по словам Гончарова, «лунатизм любви»:

«Она сжимала ему руку и по временам близко взглядывала в глаза и долго молчала. Потом начала плакать, сначала тихонько, потом навзрыд. Он растерялся <...> Он слушал в темноте, как тяжело дышит она, чувствовал, как каплют ему на руку ее горячие слезы, как судорожно пожимает она ему руку <...> Он в дверях обернулся: она всё глядит ему вслед, на лице всё то же изнеможение, та же жаркая улыбка, как будто она не может сладить с нею... <...> Ей было и стыдно чего-то, и досадно на кого-то, не то на себя, не то на Обломова. А в иную минуту казалось ей, что Обломов стал ей милее, ближе, что она чувствует к нему влечение до слез, как будто она вступила с ним со вчерашнего вечера в какое-то таинственное родство...» (4: 274–275).

Особость, несвойственность этого эпизода для поведения Ольги очевидна. Напомним, что это единственная сцена между ней и Обломовым, о которой она умалчивает на своей «исповеди» Штольцу. Эпизод «выламывается» из всей поэмы любви героев, вероятно, являясь прежде всего для самого Гончарова неким открытием, странностью, которую он будет исследовать уже в «Обрыве».

Таким образом, одной из ключевых составляющих концепта «счастье» в романе «Обломов» является ослепление страстью, а полное счастье как конечная величина оказывается скучным, нежизненным и утомительным. Разумеется, этим не ограничивается представление героев Гончарова о счастье.

Счастье и любовь уже в романе «Обломов» связываются у Гончарова с понятием бессознательности, безграничности ощущений, с кратковременным выходом за пределы разумного, привычного. Действительно, вся история любви Обломова и Ольги Ильинской становится для него выходом за границы привычного существования – Обломов как будто прощается с ленью, апатией, неподвижностью и, наконец, символически с любимым халатом. Более того, преодоление границ для Обломова оказывается необходимым, главным условием совместного счастья с Ольгой, а невозможность решительно осуществить выход за пределы собственной личности – причиной их разрыва.

Отметим, что в описании истории любви Обломова и Ольги впервые появляется образ бездны – того, что нужно постоянно преодолевать, выходя за рамки привычного существования: «То, что дома казалось ему так просто, естественно, необходимо, так улыбалось ему, что было его счастьем, вдруг стало какой-то бездной. У него захватывало дух перешагнуть через нее. Шаг предстоял решительный, смелый» (4: 287). Таким образом, любовь к Ольге в представлении Обломова не идиллическое и одновременно среднее, обыденное существование, а счастье, граничащее с бездной, с неудачей, следовательно, счастье «на грани», когда каждый день требует от него напряжения, преодоления среднего «градуса» жизни, покорения, движения, борьбы – иначе возникают упреки, ссора, угроза расставания.

Образ бездны связан и с другими составляющими концепта «счастье». Во-первых, к любви Обломова и Ольги с самого начала примешивается боязнь ошибки. Это справедливо как в отношении Обломова: «Ольга! Пусть будет всё по-вчерашнему <...> я не буду бояться *ошибок*» (4: 264). Курсив Гончарова. – Е. П.), – так и Ольги: «...упреки, к которым изредка примешивалась горечь раскаяния, боязнь ошибки» (4: 244).

Во-вторых, у героев присутствует ощущение угрозы их счастью – это выражается, например, в страхе «будущих слёз». Ольга кажется увереннее и поддерживает убежденность Обломова: «У меня счастье пересиливает боязнь. <...> Если ошибусь, если правда, что я буду плакать над своей ошибкой <...> Но я не боюсь за будущие слезы; я буду плакать не напрасно: я купила ими что-нибудь...» (4: 262).

В-третьих, неслучайна в этом ряду суеверная Ольгина просьба не тревожить счастья: «Верьте же мне <...> как я вам верю, и не сомневайтесь, не тревожьте пустыми сомнениями этого счастья, а то оно улетит (4: 248). И сама же Ольга подводит итог этим сопутствующим любви мыслям: «Вы боитесь <...> упасть “на дно бездны”...» (4: 261).

С пониманием счастья у Обломова устойчиво связан образ бездны, которую необходимо перешагнуть, т. е. преодолеть некий средний уровень жизни сердца: «Он смутно понимал, что она (Ольга. – Е. П.) выросла и чуть ли не выше его, что отныне нет возврата к детской доверчивости, что перед ними Рубикон и утраченное счастье уже на другом берегу: надо перешагнуть» (4: 235). В этом смысл неудачи героя: чтобы не окончилась любовь к Ольге, необходимо было преодолеть бездну – характера, привычки, личности – себя, это значило бы для него саморазрушение, изменение, на которое он не мог пойти.

Выход за грань привычного был необходим не только Обломову. Это как раз то, чего не хватает Ольге в семейной жизни со Штольцем. В её мыслях о счастье присутствует ощущение угрозы: «За что мне это выпало на долю?» – смиренно думала она. Она задумывалась, иногда даже боялась, не оборвалось бы это счастье (4: 458). Героиня боится лишиться счастья: «Странен человек! Чем счастье ее было полнее, тем она становилась задумчивее и даже... боязливее. Она стала строго замечать за собой и уловила, что ее смущала эта тишина жизни, ее остановка на минутах счастья» (4: 461). Причем это боязнь, граничащая со скукой. Теперь в связи с Ольгой появляется обломовское «некуда больше идти»: «Что ж это? <...> Ужели еще нужно и можно желать чего-нибудь? Куда же идти? Некуда! Дальше нет дороги... Ужели нет, ужели ты совершила круг жизни? Ужели тут всё... всё...» (4: 462).

Ольга поверяет свои сомнения, порывы Штольцу: «...всё тянет меня куда-то еще» (4: 465), – это, по сути, та же «неполноценность полноты», какая ощущается Обломовым в жизни с Пшеницыной. Боязнь переходит у неё и Штольца в предчувствие, прозрение будущих несчастий. Сначала об этом говорит Штолец: «В словах его звучала грусть, как будто он уже видел вдали и “горе, и труд”» (4: 468). Затем та же мысль поддерживается Ольгой.

Анализируемый эпизод, вообще, кажется мало мотивированным с точки зрения логики романа. Возможно, поэтому он никогда и не интерпретируется исследователями, а как будто упускается. Это некий сон Ольги, возникающий в финале романа:

«Ей стал сниться другой сон <...> там видела она цепь утрат, лишений, омываемых слезами, неизбежных жертв, жизнь поста и невольного отречения от рождающихся в праздности прихотей, вопли и стоны от новых, теперь неведомых им чувств; снились ей болезни, расстройство дел, потеря мужа... Она содрогалась, изнемогала, но с мужественным любопытством глядела на этот новый образ жизни, озирала его с ужасом и измеряла свои силы... Одна только любовь не изменяла ей и в этом сне, она стояла верным стражем и новой жизни; но и она была не та!» (4: 469).

Странный и неожиданный эпизод для гончаровского художественного мира вообще и для романа «Обломов» в частности. Страхи героини переходят в предчувствия бед и несчастий, открывающейся бездны, предвидение катастрофы. Думается, в этом выразились мысли Гончарова о конечности счастья, невозможности вечного сонного покоя. По сути, «полное» сча-

стве Пшеницыной также окончилось со смертью Ильи Ильича, оно окончательно отрицается Гончаровым.

Отметим еще один существенный момент: в ощущениях и словах Штольца и Обломова наблюдаются сходные черты, что странно в отношении героев-антиподов, которыми они являются. Как правило, исследователи вообще не отмечают каких-либо схождений в их характерах. А они есть.

Во-первых, напомним размышления Штольца после того, как его предложение было принято Ольгой: «Ольга – моя жена! – страстно вздрогнув, прошептал он. – Всё найдено, *нечего искать, некуда идти больше!*» (4: 428). То же, теми же словами «нечего искать» говорил Обломов о своей жизни с Пшеницыной (процитировано выше). Хотя здесь есть отличие: обломовское «нечего искать» – это скорее добровольное сложение с себя желания движения; у Штольца – это исчерпанность движения изнутри личности.

Второе: Обломов оказался неспособен перешагнуть бездну, чтобы встать, быть рядом с Ольгой. Прочитаем о характере Штольца: «...сам он шел к своей цели, отважно шагая через все преграды, и разве только тогда отказывался от задачи, когда на пути его возникала стена или отверзалась непроходимая бездна. Но он неспособен был вооружиться той отвагой, которая, закрыв глаза, скакнет через бездну или бросится на стену на авось. Он измерит бездну или стену, и если нет верного средства одолеть, он отойдет, что бы там про него ни говорили» (4: 167–168). Получается, что возникни перед Штольцем необходимость преодолеть бездну – необходимость, равная по степени затрагивания личности той, что предстояла Обломову, – Гончаров не даёт ответа, справился бы он. Возможно, что и нет. Его завоевание Ольги было расчетливым, хотя и безусловно искренним. Напомним хотя бы его размышление: «Остаться! <...> ходить по лезвию ножа – хороша дружба!» (4: 419). «Ходить по лезвию ножа» для Штольца – это угроза сорваться в бездну. Он и предложение делает Ольге, чтобы избавиться от мучительного вопроса – любит или нет: «Я знаю, что вам со мной не скучно, но мне-то с вами каково?» (4: 419).

Таким образом, нам кажется, что в романе есть эпизоды, выявляющие существенные сходства в характере Обломова и Штольца, которых привыкли воспринимать как во всём противоположных персонажей. И это свидетельство реализации единого размышления Гончарова о счастье. Уже из анализа некоторых эпизодов романа «Обломов» становится ясно, что конечное счастье, по Гончарову, невозможно для человека. Если оно возникает, то влечет за собой скуку, мыслится неполным, неполноценным. Для наполнения счастья необходимы хотя бы кратковременные ослепление, обман, упоение – смотря по ситуации и характеру, т. е. в общем виде – преодоление обычного, среднего уровня эмоционального напряжения, чувствования. Ищущие герои Гончарова даже в счастье предчувствуют возможные беды, препятствия, стремятся к дальнейшему движению. В «Обломове» размышления Гончарова о счастье отразились всё-таки эпизодически, гораздо позже, в романе «Обрыв» и автокритических статьях о нём, они оформятся в концепцию. Нам важно было проследить истоки этих размышлений. Кроме того, существенен и вывод о том, что сами отношения Ольга – Обломов и Ольга – Штолец в некоторых моментах обнаруживают непосредственные сходства.

Наконец, отметим, что работа над двумя романами велась фактически параллельно: задуманы оба ещё в конце 40-х гг. – даже будучи всецело поглощённым дописыванием «Обломова», Гончаров не забывает свой роман о Художнике, о чем пишет друзьям из Мариенбада¹. Неудивительно, что мировоззренчески «Обломов» и «Обрыв» оказались близки.

¹ В письме к И. И. Льховскому от 2/14 августа 1857 г.: «Меня тут радует на столько надежда на новый успех (после публикации «Обломова». – *Е.П.*), сколько мысль, что я сбуду с души бремя <...> Тогда года через два <...> можно приехать вторично сюда, с художником (Гончаров имеет в виду программу романа «Обрыв». – *Е. П.*) под мышкой...» (8 : 246)

Библиографический список

1. Гончаров, И.А. Собр. соч. В 8 т. / И.А. Гончаров. – М.: Худ. лит., 1972–1980.
2. Краснощекова, Е.А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества / Е.А. Краснощекова. – СПб.: Пушкинский фонд, 1997. – 442 с.
3. Недзвецкий, В.А. И.А. Гончаров – романист и художник / В.А. Недзвецкий. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 176 с.
4. Одинокое, В.Г. Психологическое и социологическое в романе И.А. Гончарова «Обломов» / В.Г. Одинокое // Одинокое В.Г. Типология русского романа: Гоголь, Гончаров, Чернышевский, Достоевский: курс лекций для студентов-филологов. – Новосибирск: НГУ, 1975. – С. 64–80.
5. Постнов, О.Г. Эстетика И.А. Гончарова / О.Г. Постнов. – Новосибирск: Наука. Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. – 240 с.
6. Старосельская, Н.Д. Роман И.А. Гончарова «Обрыв» / Н.Д. Старосельская. – М.: Худ. лит., 1990. – 224 с.
7. Холкин, В.И. Русский человек Обломов / В.И. Холкин // Рус. лит. – 2000. – № 2. – С. 26–63.
8. Чемена, О.М. Создание двух романов. Гончаров и шестидесятница Е.П. Майкова / О.М. Чемена. – М.: Наука, 1966. – 159 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТОВОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В РАССКАЗЕ В.П. АСТАФЬЕВА «ТРОФЕЙНАЯ ПУШКА»

Временная точка отсчета, видо-временные значения СВ и НСВ, реальное время, историческое время, циклическое время, временной план текста.

При анализе художественного текста обычно выделяют три точки отсчета: временную, пространственную и вектор личного измерения. «...Точкой ориентации для пространственного измерения служит место произнесения высказывания, для временного – время произнесения высказывания, для личного – говорящий» [Иоанесян 1990 : 34–35]. Нашей целью является определение особенностей реализации текстовой категории времени в рассказе В.П. Астафьева «Трофейная пушка».

Временной план повествования определяется нами, исходя из следующих параметров: точки отсчета времени описываемых событий и значений, которые возникают в тексте как результат взаимодействия семантики видо-временных глагольных форм.

В начале рассказа в пейзажной, практически пасторальной зарисовке (*За речкою, вскипающей веснами и утихающей под ряскою летами, между двух холмов, будто между грудей дородной украинки, уютно расположилось белохатное местечко* [Астафьев 2004 : 161]) автор указывает не только пространственную точку отсчета (*за речкою, белохатное местечко*), но и конкретизирует точку отсчета временную. При помощи причастий (*вскипающей, утихающей*) формируется представление о повторяющемся действии, его циклический характер подчеркивается за счет включения в контекст лексических конкретизаторов временной семантики (*веснами, летами*). Спрягаемые глагольные формы реализуют здесь перфектное значение совершенного вида (*уютно расположилось белохатное местечко*), тогда как атрибутивные формы характеризуются отнесенностью к виду несовершенному (НСВ). Процессная семантика НСВ создает представление о действии, настолько «растянутом» во времени, что оно воспринимается как постоянное, не локализованное в определенном временном моменте.

Время, описываемое в рассказе, является реальным. Доказательством тому служит включение в повествование показателей времени циклического и исторического.

Циклическое время связано со сменяемостью на Земле времен года, суток, дня и ночи. Время историческое связано с «конкретными событиями в жизни человека или всего общества» [Папина 2002 : 161].

Представление о циклическом времени, точнее, о приходе весны дается непосредственно через соответствующую лексику и ее дериваты (*вешнее томление*) или опосредованно – путем апелляции к жизненному опыту читателя, т. е. через указание на события, изменение состояний, связанных с приходом весны (*ветка цветущей вербы; размеренно стоит вода в разливишихся по прилужью ручьях... озаряются зеленью бугры за речкой, и вишневые сады возле хат задумчивы перед цветеньем*).

Встречаются микроконтексты, которые характеризуются контаминированным использованием вышеперечисленных средств: *Наступление останавливается. Останавливается, потому что весна, потому что грязь, потому что всю зиму наступали...* [Астафьев

2004 : 163]. В приведенном контексте циклическое время репрезентируется при помощи лексических средств (*весна*), через указание на типичные сезонные проявления (*грязь*) и последовательность смены времен года (*всю зиму*).

Для усиления эффекта реальности автор уточняет временную локализованность событий (*до первого мая еще двадцать дней*), а также использует конкретизаторы, связанные с реализацией времени исторического (...*срок в нашей армии по смене обмундирования приурочен к великим дням: Первый май – летнее, Седьмое ноября – зимнее...*) [Астафьев 2004 : 165].

Временной план художественного текста связан также с указанием последовательности событий: *Майор Проскуряков думал только о тех солдатах и командирах, которые погибли недавно. И жалости, той обычной жалости, со словами и слезами, тоже у майора не было. Майору Проскурякову просто хотелось, чтобы жили люди, дошли бы вот до этого местечка, полежали бы на ломкой стерне, помечтали о еде и победе. Но ничего этого им уже не доведется пережить... Еще где-то... жена или мать в последних мыслях перед сном думает о них и желает спокойной им ночи. Так будет еще какое-то время, потом все остановится для мертвых, даже память о них постепенно закатится за край жизни...*

В приведенном контексте последовательность событий представлена при помощи разных по виду и временной характеристике глаголов. Исходя из последней, контекст можно разделить на три части, которые соответствуют естественной временной последовательности событий. Первая часть включает глаголы прошедшего времени обоих видов. Форма прошедшего времени НСВ *думал* в силу своей грамматической семантики (конкретно-процессное значение) выражает «расширенное» действие, которое не локализуется в плане прошлого, а захватывает частично и план настоящего. Форма прошедшего времени СВ *погибли* характеризует действие как свершившийся факт в прошлом с результатом, актуальным для настоящего (перфектное значение), но лексический временной конкретизатор *недавно* транспонирует это действие в зону преднастоящего. Гипотетический характер форм прошедшего времени СВ глаголов *полежали, помечтали* связан с общей модальностью предложения, которая конкретизируется при помощи безличной формы глагола (*хотелось*) и сослагательного наклонения, а также подчеркивается их видовой семантикой: они относятся к длительно-ограничительному способу действия.

Вторая, значительно меньшая по объему часть включает глаголы настоящего времени НСВ (*думает, желает*), которые реализуют значение расширенного настоящего, т. е. действия, не полностью совпадающего с моментом речи, а частично транспонированного в план прошлого и будущего.

Третья часть представляет собой указание на последовательность событий в будущем: *будет еще какое-то время; потом все остановится; постепенно закатится*. Реализация временной семантики следования за моментом речи осуществляется при помощи форм будущего времени СВ. Актуализация значения постепенного удаления от точки отсчета, т. е. момента речи, происходит за счет временных конкретизаторов (*потом, постепенно*).

Общим при описании временных и пространственных характеристик событий в рассказе является прием постепенного выдвижения первого плана. Описание места и времени до момента стрельбы из трофейной пушки носит очень размеренный характер, даже возникает ощущение некоторой заторможенности: война близится к концу, враг отступает, весна берет свое, разморенная от солнца природа медленно просыпается, у людей, уставших от войны, возникает ощущение покоя, умиротворения.

Возврат к реальности, к осознанию того, что война здесь, рядом, происходит после выстрела пушки: *Пушка **ударил** звонко, резко. Снаряд **разорвался** далеко за бугром, **взметнулся** там метлою взрыв и тут же вместе с долетевшим звуком **развалился** в пухлый гриб...* [Астафьев 2004 : 173]. Картина представлена панорамно посредством ряда глаголов про-

шедшего времени СВ, которые объединяют семантика интенсивности действия и ярко выраженное результативное значение. В относительном временном плане действия представлены как последовательно сменяющие друг друга, но интенсивность, входящая в семную структуру используемых глаголов и проявляющаяся в таких характеристиках, как резкость, спонтанность, кратковременность действия, приводит к тому, что действия воспринимаются как происходящие почти одновременно.

При описании событий, происходящих после первого выстрела, автор использует глаголы прошедшего времени НСВ: *Пушка **тявкала** злобно и недовольно, снаряды все ложились далеко от цели. От колонны **бежал** солдат и что-то кричал, махая рукой, как будто **затыкал** ладонью трубу. **Перестали** стрелять.* Глагольные формы НСВ в силу своей процессной видовой семантики изображают действия растянутыми, как бы замедленно протекающими на глазах читателя от начала и до конца. Для обозначения временной семантики таких форм М.Я. Гловинская предлагает термин «сказовое» время, исходя из того, что оно устойчиво реализуется в фольклорных жанрах (чаще всего в былинах). «Сказовое (время)... характеризует момент возникновения результата как определенный, а сам результат как сохранившийся до какого-то момента в прошлом, в частном случае, до того момента в прошлом, когда он отменяется очередным действием в цепочке следующих друг за другом действий» [Гловинская 2001 : 188]. Результативная семантика видо-временных форм НСВ подчеркивается включением в контекст формы СВ (*перестали*), для которой эта семантика является частью видового инварианта.

При описании ответной реакции немцев автором использованы формы СВ с яркой результативной семантикой: *...На колонну **обрушился** залп шестиствольных минометов. Разом все **стухло**... Один только залп. У немцев тоже было плохо с боеприпасами, но и этим залпом **перебило** колонну пополам, словно ящерицу посередине, **осела** назад и чадно задымилась грузовая машина, **закричали** раненые, машины в колонне **дернули** которые вперед, которые назад от горящего «ЗИСа». Бойцы из-за борта его **вытащили** двоих убитых, да на обочинах поля **затихло** еще несколько человек...* Но примечательным здесь является не факт использования результативных глаголов, а их соединение при реализации относительного времени. Первый в ряду глаголов (*обрушился*) обозначает интенсивное действие, завершившееся до момента речи, за ним следует глагол инхоативного способа действия (*стухло*), который обозначает переход из одного состояния в другое. Следующие два глагола выражают перфектное значение СВ (*перебило, осела*), т. е. указывают на актуальность в момент речи результата завершившегося действия. За ними следуют глаголы, относящиеся к начинательному способу действия (*задымилась, закричали*), в результате чего действия, выражаемые глагольными формами прошедшего времени, перемещаются в преднастоящее. Замыкают ряд глагольные формы СВ с перфектным значением (*вытащили, затихло*). Таким образом, можно говорить о том, что в представленном контексте реализуется последовательная направленность действий из прошлого через преднастоящее в настоящее.

Характеризуя исследованный материал в целом, следует отметить, что в качестве средств реализации текстовой категории времени в рассказе выступают видо-временные формы глагола с различными семантическими вариациями абсолютного времени; ряды глагольных форм, имеющие, как правило, последовательное соединение при реализации относительно времени; лексемы временной семантики.

Реальность описываемых событий подчеркивается за счет включения в текст конкретизаторов, связанных с представлением циклического и исторического времени.

Точка отсчета при характеристике временной локализованности событий не является фиксированной. Нами отмечено постепенное ее смещение от практически вневременного, репрезентируемого за счет форм со значением постоянного действия, до настоящего, частично транспонированного в зону будущего.

Библиографический список

1. Астафьев, В.П. Тревожный сон / В.П. Астафьев. – М.: ЭКСМО, 2004.
2. Гловинская, М.Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола / М.Я. Гловинская. – М.: Азбуковник. Русские словари, 2001.
3. Иоанесян, Е.Р. Противоречивость и точка отсчета / Е.Р. Иоанесян // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, 1990.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ИМЕНОВАНИИ ЛИЦ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО ПОЛА

Лексические инновации, заимствования, новообразования, номинативные модели.

Наиболее ярким отражением гендера в языке является категория рода одушевленных имен существительных, которая формально выражена в структуре и значении слова. Род имен существительных одушевленных в русском языке поддерживается грамматически и базируется на отражении признака пола. Категория лица, отражающая важнейшую сферу внеязыковой действительности, является универсальной для всех языков. Исследователи отмечают, что на данном этапе изучение личных наименований приобрело особую актуальность в связи с исследованием роли человеческого фактора, роли языковой личности, а также концептуальной и языковой картин мира [Шалина 1999 : 92]. Личные наименования занимают особое место в системе любого языка, они обозначают деятеля, субъекта общения и всех активных процессов. Социолингвистический подход к изучению лексических инноваций осуществлен в работах И.Ф. Протченко, 1975; Е.В. Розен, 1976; Т.Б. Крючкова, 1989; Э.Х. Гаглоева, 1996; О.П. Ермакова и др., 1996; Е.В. Колина, А.В. Майорова, 1996; М.Н. Черкасова, 1997 и др. Гендерный аспект затронут в работе Е.В. Розен [Розен 2000 : 176].

В данной статье осуществляется попытка выявить особенности отражения гендерных различий на уровне лексических инноваций в связи с социальными ролями мужчин и женщин и сферами их деятельности. Под лексическими инновациями мы понимаем новые слова, не зафиксированные словарями, для обозначения новых понятий. При необходимости номинации новых понятий новые слова появляются двумя путями: заимствуются или создаются на базе имеющихся в языке средств, семантических и словообразовательных.

Источником изучения гендерного фактора, социокультурной характеристики лица, связанной с проявлением биологического пола в языке, может быть любой дискурс. Лексические инновации в именовании лиц мужского пола представлены в нашей работе 80 именами существительными, извлеченными из СС и мужских и женских журналов 2000–2009 гг. Среди них по характеру номинации выделяются заимствования и новообразования. Нами выделены наиболее продуктивные модели инноваций в той и другой группах.

А) Заимствования:

- 1) *заимствованные существительные, обозначающие лиц мужского пола по профессии, роду деятельности с интернациональным суффиксом -ер:*
  - **андеррайтер и андерайтер** [англ. underwriter] *фин.* Юридическое лицо, занимающееся андеррайтингом;
  - **аудитор** [англ. auditor] *фин.* Ревизор, осуществляющий проверку финансовой деятельности предприятий, компаний и т. п.;
  - **блоггер** [англ. blogger]. Создатель блога;
  - **букер** [< англ. book – делать заказ, заказывать] *спец.* Лицо, занимающееся поиском и распределением заказов среди фотомоделей;
  - **вирмейкер** <мэ> и **вирмэйкер**, *информ., жарг.* Программист, пишущий вирусы;
  - **геймер** [англ. gamer] *информ., жарг.* Игрок в компьютерной игре;
  - **диггер** [< англ. digger – землекоп]. Исследователь подземных коммуникаций, магистралей, коллекторов, подземных ходов в городах, пещер, подземных рек и т. п.;

- **джетсеттер(ы)**: *Благодаря джетсеттерам, владельцам яхт и островов в Тихом океане, эта дополнительная коллекция получила название «круизной» или «курортной» («Vogue». 2009. № 1. С. 15);*
- **инсайдер** [англ. insider < to inside – быть своим, не посторонним] *экон.* Лицо, по своему служебному положению имеющее доступ к конфиденциальной финансовой информации;
- **кайтер** [англ. kiter] *спорт.* Спортсмен, катающийся на кайте;
- **коучер** – специалист, раскрывающий потенциал сотрудников компании для увеличения производительности труда и развития в нужном направлении;
- **картхолдер** [< карта + англ. holder – держатель] *фин.* Держатель, владелец банковской карты;
- **креатор** [< англ. creator – создатель, творец] *спец.* Рекламист, разрабатывающий креатив;
- **мажор**, *жарг.* Фарцовщик;
- **пастижер** – осуществляет изготовление изделий на заказ из натуральных волос;
- **плеймейкер** [англ. playmaker] *спорт.* В командных играх – участник, оказывающий решающее влияние на ход игры, начинающий игровые комбинации; разыгрывающий;
- **продюсер**, а, м. 1. Владелец, глава или доверенное лицо кинокомпании, телевизионного канала, театра и т. п., осуществляющий организационно-финансовый контроль за их деятельностью;
- **промоутер**, *коммерч.* Лицо или организация, профессионально занимающиеся промоушеном;
- **райтер**, *жарг.* Профессиональный граффитчик;
- **рекрутер**, *соц.* Агент фирмы, занимающийся рекрутингом;
- **сёрфер** [англ. surfer] *информ.* Пользователь, занимающийся серфингом; веб-сёрфер;
- **сноубордер** [англ. snowboarder] *спорт.* =Сноубордист;
- **спамер** [англ. spammer] *разг., неодобр.* Создатель и распространитель спама;
- **стритрейсер**;
- **фрикер** [англ. phreaker]. Взломщик телефонных сетей, преследующий цели наживы;
- **хакер** [англ. hacker] *информ.* Программист высокого класса, способный работать в машинных кодах и хорошо знающий операционные системы компьютеров, что позволяет ему вносить изменения в программы, не имеющие документации;
- **хендлер** – специалист, который обучит пса хорошим манерам («Лиза». 15.09.08. С. 180);
- **хэдлайнер** и **хедлайнер** [англ. headliner]. Основной, самый популярный исполнитель в программе, концерте и т. п., имя которого указывается на афишах крупными буквами.

В русском языке заимствованные ранее слова с суффиксом *-ер (-ор)*, обозначающие лицо мужского пола по роду деятельности, профессии, довольно многочисленны: шофёр, танцор, репетитор, брокер, дилер, девелопер, дистрибьютер – поэтому восприятие новых заимствований облегчается структурной мотивированностью, известной носителю русского языка как языка-реципиента. Неологизмы (названия лиц мужского пола) с данными аффиксальными морфемами (*-ер/-ор*), заимствованные из английского языка, широко употреблялись в прессе 90-х гг. XX в.: девелопер, трейдер, провайдер, сюрвейер, промоутер, андеррайтер, кингмейкер, ньюсмейкер, имджмейкер, спичмейкер, спичрайтер, маркет-мейкер, букмекер, рейвер, фриленсер и др. [Изюмская 2000 : 72]. В работе С.С. Изюмской, посвященной неологизмам английского происхождения, отмечены такие общие для разных языков морфемы, как суффиксы производителя действия в английском языке *-tor, -er* (real-tor, deal-er и др.) и суффиксы *-атор, -ер* в русском языке (приватиз-атор, лифт-ер и др.). Л.В. Шалина в исследовании новообразований русского и немецкого языков отмечает, что суффикс *-er* и его

варианты являются самым продуктивным в немецком языке и соответствуют русским суффиксам лица *-чик/-щик, -тель, -ник, -ец* и др. Словообразовательная модель на *-er* универсальна. По ней образуются наименования лиц по профессии, специальности, роду занятий, различным действиям. С.С. Изюмская, в свою очередь, утверждает, что многие неологизмы английского происхождения, опосредованно отражая новые социально-экономические процессы и отношения в обществе на рубеже XXI века, приобретают определенную оценку. Они имеют прямое отношение не только к личной сфере человека (эмоциональной, этической, телеологической, интеллектуальной и др.), но и к сфере общественной деятельности. В них наблюдается тесная связь языка и общества [Изюмская 2000 : 62]. Л.П. Крысин утверждает, что «в этом взаимодействии отчетливо проявляется одна тенденция, характерная для большинства современных языков Европы, – тенденция к интернационализации лексики» [Крысин 1977 : 84].

Стилистические пометы личных заимствований на *-er* свидетельствуют о проникновении таких слов, как «вирмейкер», «геймер» и др., через жаргон информатики, слово «спаммер» и др. отмечается как *разг., неодобр.*, остальные проникли через специальную сферу спорта, финансов, культуры. Этот факт свидетельствует об активном проникновении заимствований из области специальной терминологии. Их появление в русском языке обусловлено номинативной необходимостью, т. е. обозначением новых мужских профессий, видов деятельности, связанных с развитием социально-экономической сферы.

Учитывая многочисленность вхождений на *-er (-or)* со значением лица мужского пола по профессии и их частичную мотивированность, можно прогнозировать в дальнейшем перспективность восприятия подобных заимствований;

2) *составные наименования лица мужского пола нерасчленённого типа с суффиксом -er.*

Это, как правило, заимствованные слова, осознаваемые носителями русского языка как сложные:

- **арт-дилер** [*< англ. art искусство + дилер*] *коммерц.* Биржевой или торговый посредник между продавцом и покупателем при купле или продаже произведений искусства;
- **арт-менеджер** [*< англ. art искусство + менеджер*] *коммерц.* Специалист по менеджменту в сфере искусства;
- **бой-фрэнд, бой-френд и бойфренд** [англ. boy friend]. Сексуальный партнер; любовник;
- **веб-сёрфер, веб-серфер** и (*реже*) **вэбсёрфер, информ.** = Серфер;
- **вирмейкер** и **вирмэйкер**, *информ., жарг.* Программист, пишущий вирусы. *Защита от новой продукции российских вирмэйкеров. Зачем хакеры создают вирусы?* [Helper] *Вирусы делают не хакеры, а вирмейкеры;*
- **интернет-сёрфер** и **интернет-серфер** [*и* строчное или (*реже*) прописное], *информ.* Пользователь, занимающийся серфингом;
- **нюсмейкер** и **нюс-мейкер** [англ. news maker] *спец.* Человек, личность, поступки которого вызывают повышенный интерес широкой публики и средств массовой информации;
- **саунд-продюсер** [англ. sound producer] *муз. и коммерц.* Административный и финансовый организатор выступлений и записи музыкальных произведений певца или эстрадной группы, отвечающий за качество звучания исполняемых произведений;
- **спичрайтер** [англ. speech writer] *спец.* Специалист по составлению публичных выступлений (президента, политических, общественных деятелей);
- **топ-менеджер** и (*реже*) топменеджер. Ведущий менеджер;

3) *сложное слово с первым корнем – заимствованием (включением), употребленным в латинской графике:*

- **fashion-энтузиаст**: К счастью для fashion-энтузиастов, существует Всемирная сеть, где, как в Греции, есть все («Vogue». 2009. № 1. С. 84);
- 4) *словосложение с первым корнем – заимствованием, вторым корнем русским или заимствованным ранее*:
  - **веб-программист** и (*реже*) **вэб-программист** (в строчное и (*реже*) прописное) *информ.* = Web-программист;
  - **вебмастер** и (*реже*) **вэб-мастер** (в строчное и (*реже*) прописное) [англ. webmaster] *информ.* Специалист, занимающийся созданием и обслуживанием web-сайтов;
  - **вип-гость** = VIP-гость;
  - **геймоголик** [< англ. game – игра]. Человек, подверженный геймоголизму, игроман;
  - **нанотехнолог**: ...на благо нашей внешности работали также биологи, нанотехнологи, генетики («Vogue». 2009. № 1. С. 94);
  - **виджей** и **ви-джей**, *сокр.* Видео-жокей;
  - **топ-парикмахер** («Vogue». 2009. № 1. С. 151);
  - **фанк-барабанщик** («Лиза», 15.09.08. С. 16).

Для составных наименований нерасчленённого типа, в переводе на русский представляющих собой подчинительные словосочетания, характерна тенденция к экономии языковых средств, например: топ-менеджер – «ведущий менеджер», вебмастер – «специалист, занимающийся созданием и обслуживанием web-сайтов»;

5) *заимствования с не членимой в русском языке основой*:

- **омбудсмен** и **омбудсман** (о прописное или строчное) [швед, ombudsman]. Уполномоченный по правам человека;
- **папарацци**, нескл. [итал. paparazzi] *публ.* О фотожурналисте, навязчиво преследующем какую-л. известную личность в своем стремлении сделать сенсационные снимки;
- **понтифик** [< лат. Pontifex maximus – верховный жрец < pontifex – строитель мостов]. Почетный титул Папы Римского (главы Римско-католической церкви);
- **франчайзи**, нескл., *экон.* Владелец, держатель франшизы;
- **хавбек** [англ. half-back] *спорт.* В футболе: полузащитник; игрок середины поля;
- **хав**, *сокр., спорт., разг.*

В анализируемой группе зафиксированы заимствования из английского, шведского, латинского и итальянского языков. Такие из них, как **папарацци** и **франчайзи**, являются несклоняемыми, т. е. грамматически неосвоенными.

Неологизмы-заимствования неоднородны по характеру номинации. Среди них выделяются слова, которые пришли в язык из другого языка или узкоспециальной сферы как наименование новой профессии, рода занятий или являются словами-терминами, имеющими интернациональный характер.

Б) Словообразовательные модели обозначений лица с русскими словообразовательными формантами со значением маскулинности:

1) *существительные с суффиксом -щик*:

- **креативщик**: Пострадать может любой: и производительник, и продавец, и креативщик («Деловой квартал». 2008. № 42. С. 17);
- **раллийщик**, спорт. Раллист;
- **системщик**, разг. Программист, разрабатывающий операционные системы компьютера и связанные с ними программы;
- **фанерщик**, жарг. Певец, музыкант, выступающий под фонограмму.

Русским суффиксом *-щик* оформлены названия лица мужского пола по роду деятельности, образованные от имен существительных, мотивированные названием вида деятельности. Слова «креативщик», «системщик» носят разговорный характер, «фанерщик» – жаргонный,

к тому же в основе его семантики лежит метафора: фанера – фонограмма в значении «настоящий звук». Слово «раллийщик» имеет словообразовательный синоним «раллист», имеющий нейтральный характер. Отмечаем продуктивность модели с суффиксом *-щик* для новообразований разговорного и жаргонного характера;

2) *существительные с суффиксом -ист*:

- **айкидоист**, *спорт*. Спортсмен, занимающийся айкидо; человек, владеющий приемами айкидо;
- **аутентист**, *муз.* Музыкант, исполняющий старинную музыку в аутентичной манере; сторонник аутентизма;
- **вейкбордист**, *спорт*. Спортсмен, занимающийся вейкбордом;
- **кёрлингист**, *спорт*. Спортсмен, играющий в керлинг; кёрлер;
- **раллист**, *спорт*. Гонщик, участвующий в ралли, вариант раллийщик;
- **скутерист** – человек, увлекающийся ездой на скутере;
- **сноубордист**, *спорт*. Спортсмен, занимающийся сноубордом;
- **футзалист**, *спорт*. Спортсмен, занимающийся футзалом.

Модель с суффиксом *-ист* продуктивна в основном в образовании названий спортсменов по виду спорта или музыкантов по манере исполнения. Модель активизирована в процессе освоения заимствований. Образованные слова носят стилистически нейтральный характер.

Л.В. Шалина отмечает производность модели с суффиксом *-ист* в 60–90-е гг. XX в. Она отмечает наличие «принудительной связанности» словообразовательно соотнесенных слов, которые соответствуют именам на *-изм*: астрометрист – астрометризм, авторитарист – авторитаризм, а также от названий наук: холодинамист – холодинамика и др. В наших материалах суффикс *-ист* активизируется в названиях спортсменов по виду спорта. Следует отметить, что модель на *-ист* сложилась в русском языке в XVIII в. под влиянием заимствований и продолжает активно работать.

Модели с суффиксами *-щик*, *-ист* со значением лица мужского пола, образованные от заимствований, характеризуют неологизмы определенного уровня адаптированности в русском языке. Структурная мотивированность обуславливает их восприятие носителями русского языка как «слабых» неологизмов. Судя по всему, фактор времени в этом случае играет важную роль, т. к., например, названия видов спорта, главным образом для мужчин: **ралли**, **скутер**, **кёрлинг**, – были заимствованы несколько раньше, хотя и не утратили ореола «новизны», затем в русском языке от них были образованы названия лиц мужского рода: **раллист**, **скутерист**, **кёрлингист**. Об их активном освоении свидетельствует наличие в языке словообразовательных синонимов, например: ралли – раллист, раллийщик;

3) *название лица мужского пола по принадлежности к организации с суффиксом -ец*:

- **руоповец**, *разг.* Сотрудник РУОПа.

Суффикс *-ец* является исконно русским, в конце XX в. отмечается его продуктивность в образовании производных, соотнесенных с мотивирующими основами с разным значением [Шалина 1999 : 135];

4) *названия лица мужского пола с суффиксами -ик, -ок*:

нарик, торчок, *жарг.* Наркоман.

Суффиксы *-ик*, *-ок*, имеющие в русском языке экспрессивную коннотацию, оформляют внутренние заимствования из жаргона синонимичного характера. Слово «нарик» образовано от «наркоман» путем присоединения суффикса к усеченной основе *наркоман*; слово «торчок» образовано от глагола *торчать*, имеющего перен. значение «принимать наркотики»;

5) *названия лица мужского пола с суффиксоидом -лог*:

- **конфликтолог**, *спец.* Специалист в области конфликтологии;
- **маркетолог**, *экон.* Специалист в области маркетинга.

По данной модели образуются названия лица мужского пола, занимающегося той или иной наукой. Модель действует в рамках научного стиля, специальной сферы;

б) названия лиц мужского пола, образованных путем словосложения с суффиксацией:

– **вирусописатель**, *информ.*, *разг.* Программист, создающий вирусы, предположительно калька от «вирмейкер»;

7) названия лица мужского пола – сложносокращенное слово:

– **политтехнолог**, *полит.*, *сокр.* Политический технолог;

– **сисадмин**, *информ. жаргон.*, *сокр.* от «системный администратор»;

8) названия лица мужского пола – интернациональный префиксоид:

– **неофит**, *рел.* Человек, недавно пришедший к вере, недавно крестившийся или воцерковленный;

9) названия лица мужского пола путем усечения основы или окончания заимствованных слов:

– **остеопат**, *мед.* Врач, специалист в области остеопатии;

– **натурал**, *разг.* Человек с традиционной сексуальной ориентацией;

– **синергетик**, *науч.* Ученый, занимающийся синергетикой, придерживающийся синергетического подхода к науке.

В группе мужских неологизмов-заимствований преобладают заимствования из английского языка. Рассматривая пути появления новых слов, отмечаем, что из 78 проанализированных новых слов 54 представляют собой заимствования, 24 слова – новообразования из средств русского языка.

Лексические инновации, обозначающие лица женского пола, в наших материалах представлены в значительно меньшем объёме, чем мужские, – их шесть. Женские неологизмы мы также подразделяем по характеру номинации на заимствования и новообразования.

А) Заимствования:

1) составные наименования нерасчленённого типа:

– **бизнесвумен** и **бизнес-вумен**, нескл. [англ. business woman] *коммерч.* Бизнес-леди;

– **бизнес-леди** и **бизнеследи**, нескл. *коммерч.* То же, что бизнесвумен.

В паре *мужчина – женщина* обозначению по роду деятельности бизнес-вумен, бизнес-леди соответствует мужское бизнесмен, заимствованное и освоенное гораздо раньше, чем бизнес-вумен, что обусловлено положением дел в действительности.

– **Флай-леди** – леди-пчелки («Самая». Февраль. 2008. С. 106);

– **фрик-дива**: *Бои британской фрик-дивы...* («Лиза». 15.09.08. С. 207);

– **топ-модель** – супермодель.

В данных составных наименованиях вторая часть: *-леди, -дива, -модель* – выполняет функцию аффикса феминности, что в мужских личных наименованиях соответствует корню *-мен* (бизнесмен, супермен). Подобные корни, выполняющие словообразовательную функцию, называют иногда полуаффиксами.

Б) Словообразовательные модели с русскими словообразовательными формантами со значением феминности:

1) наименования лиц женского пола с суффиксом феминности *-к*:

– **кёрлингистка**, *спорт.* Спортсменка, играющая в кёрлинг.

Отмечаем наличие «принудительной связанности» словообразовательно соотнесенных слов в паре *мужчина – женщина*, которые включают обозначение мужчин и женщин, занимающихся данным видом спорта, изначально относящимся к мужской сфере: **кёрлингист – кёрлингистка**.

Неологизмы – именованя лиц женского пола представлены двумя моделями: заимствованиями нерасчленённого типа и суффиксальным новообразованием с суффиксом *-к*. В данной группе доминируют заимствования из английского языка.

Рассмотрев лексические инновации в группе обозначений лиц мужского и женского пола, приходим к выводу о значительной асимметрии лексических инноваций в гендерном отношении, как в количественном, так и в качественном, в пользу моделей маскулинности, что объясняется активным освоением новых профессий и видов деятельности, в которых ведущая роль по-прежнему принадлежит мужчине.

Библиографический список

1. Изюмская, С.С. Неологизмы английского происхождения в русской прессе 90-х годов: структурно-семантический и коммуникативно-функциональный аспекты: дис. ... канд. филол. наук / С.С. Изюмская. – Ростов н/Д. – 2000. – 162 с.
2. Крысин, Л.П. Язык в современном обществе / Л.П. Крысин. – М., 1977.
3. Розен, Е.В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке / Е.В. Розен. – М.: Менеджер, 2000. – 192 с.
4. Шалина, Л.В. Лексические новообразования в русском и немецком языках последних десятилетий, конец 60-х – 90-е годы: дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Шалина. – М., 1999. – 170 с.

ФИЛОСОФИЯ

И.С. Барсуков

ГРАНИЦЫ ДИАЛЕКТИКИ И. КАНТА

Диалектика, метафизика, субъективный идеализм, сознание, самосознание, разум, противоречие самосознания.

В условиях, когда подлинная диалектика продолжает улетучиваться из философии, повсюду уступая место позитивизму, когда размывается предмет философии и она становится просто-напросто «суммой наиболее общих выводов из положительных наук», пересмотр влияния Канта на диалектическую традицию, заслуживает внимания, поскольку актуализирует проблемы прежде всего самой диалектики, причём в самой острой форме, в какой их в своё время поставили Кант и затем Гегель [Гулыга 2001 : 47–117].

Почему же диалектика перестала играть исключительную роль в решении конкретных жизненно важных проблем, утратила теоретическое и прикладное значение в современных условиях? Здесь надо заметить, что проблема постепенной утраты диалектикой значения всеобщего, универсального и продуктивного учения порождена самой диалектической традицией. Проблема имеет в общем-то не очень давнюю по философским меркам историю, уходящую к началу – середине XIX века, и связана с процессом размежевания между материалистической диалектикой (диалектикой Маркса) и диалектикой Гегеля. Тогда за бесспорными приобретениями были не замечены потери, которые понесла диалектика в пределах своей материалистической трактовки при отделении Метода от Системы.

Одной из черт диалектического метода, составляющего ядро всей диалектики, является его абсолютный характер (по-другому, он есть Абсолютная идея), и этот характер Метод имеет только внутри Системы. Известно, какой важной задачей считал Гегель опосредствование диалектического метода, то есть его выведение, так как действительное значение Метод получает только внутри Системы, поскольку выполняет в ней важную функцию, выступая одновременно результатом логического движения и его исходной основой. И по отношению к другим методам он выступает абсолютным не в смысле абстрактной всеобщности и самостоятельности, а является абсолютным, поскольку другие методы разрешаются в него или он из них выводится, что придаёт методу универсальный и конкретно всеобщий характер. Для диалектического метода утрата такой характеристики, как абсолютный, снижает его значение, лишает его преимуществ перед другими методами, позволяет ему затеряться среди так называемого методологического многообразия наук. Сведение диалектического метода в общую обойму методов науки и выразилось в отступлении диалектики перед позитивизмом по всем значимым философским проблемам в течение второй половины XIX и в XX веках.

До тех пор пока диалектики не перестанут считать диалектический метод самодостаточным, находящимся над теоретическими построениями и вне их, над диалектикой будет висеть угроза перерождения в позитивизм, выраженный в специфически гегелевскую и марксистскую терминологию, что подтверждается всем историческим развитием философии.

Лучший способ осмыслить проблемы диалектики, сформулировать их в общезначимой форме – это обращение к её истории. Философия Канта, как никакая другая философия, позволяет подойти к проблеме природы диалектического метода, к проблеме его абсолютного характера, поскольку находится в антагонизме к выработанному Гегелем представлению о том, что в «абсолютной идее» граница не выступает действительной границей, напротив, она поворотный пункт Метода, через который он (Метод) становится исходной основой объективного познавательного действия. Кант же, напротив, в методично и непредвзято проведенном, как ему показалось, исследовании пришёл к выводу: разуму, стремящемуся осуществить безусловный синтез, положен предел, за который переступить невозможно, а следовательно, главная функция диалектики – это обнаружение пределов самой себе и выработка предостережения о тщете усилий по преодолению логических пределов. Почему же Канту не удалось перешагнуть границы диалектики как критической формы, почему у него диалектика так и не получила положительного значения и что задержало Канта у этой границы? Вот, конечно, неполный, перечень вопросов, ответы на которые позволят расшатать некоторые застарелые, ограниченные представления внутри самой диалектики.

Философия И. Канта относится к тем немногим философским учениям, которые никогда не станут только историей, покорно уступив место новым направлениям философской мысли. Точка зрения Канта выступила существенной формой самого мышления, необходимой ступенью, на которую восходит мыслящий субъект, и когда оперирует рассудочными представлениями, и когда берётся за выполнение «сверхзадачи» – синтез всех имеющихся в некоторой предметной области представлений в единую теорию [Ильенков 1974 : 55–79]. Перефразируя известные слова Гегеля, адресованные, правда, другому философу, можно сказать, что быть кантианцем или вообще выражать отношение к его точке зрения есть существенное условие философствования. Ни ожесточённая критика его гносеологической позиции в оценке возможностей познающего субъекта, ни критические замечания в адрес категорического императива, ни многочисленные в будущем последователи, неумело применявшие его гносеологию к проблемам науки, не смогли поколебать авторитет Канта.

Лучшим доказательством жизнеспособности учения Канта служит то, что вторая половина XIX века, да и весь XX век, прошли под знаком его философии. Все значимые в философии и методологии науки философские школы заимствовали основные принципы его философии, и даже позитивизм, первоначально разделявший с Кантом общую критическую точку зрения только на метафизику, на словах дистанцировавшись от Канта, на деле в полной мере воспринял гносеологические установки именно его философии. Но, кроме традиционно признаваемого за Кантом существенного влияния на всю последующую методологию научного познания, его считают одним из тех, кто в эпоху Нового времени возродил диалектику. Внимание к этой стороне учения Канта всегда оставалось недостаточным, поскольку кантовская диалектика традиционно считалась самой трудной стороной учения. Так называемые «методологи науки» не утруждали себя детальным разбором диалектических построений Канта, потому что способы научного обобщения, такие как определяющая и рефлектирующая сила суждений, так широко используемые в положительных науках и подробно описанные Кантом, не нуждались в диалектическом обосновании. Значимой эта сторона учения великого философа могла быть только для самой диалектики. Используя её отрицательную силу, Кант подошёл к границе самого диалектического метода. Да и развитие диалектического метода могло идти только за пределы обозначенных Кантом границ, что собственно и осуществил Гегель в своей логической концепции в большей степени благодаря

заочной полемике с Кантом. В результате этой полемики, как мы знаем, диалектика получила развитие в направлении не только отрицательности, но и в направлении обнаружения положительно-разумной (продуктивной) связи субъективно-логической практики с объективными предметными характеристиками мирового целого.

Чтобы понять, каким образом Кант подходит к границе познавательных возможностей субъекта, необходимо напомнить, что одной из центральных проблем философии Нового времени является проблема раскрытия познавательных возможностей субъекта. Будь то эмпирический метод Ф. Бэкона, или априоризм Р. Декарта, или субъективный идеализм Беркли – все они имеют ту общую основу, что во все учения прямо или косвенно проникает проблема возможностей познающего субъекта, в более широком смысле все философы того времени стремятся к раскрытию природы Я или природы Самосознания. Великая заслуга Канта как раз и заключается в том, что он понял и выразил внутреннее противоречие самосознания – противоречие самосознания с самим собой.

Во-первых, самосознание как форма духа, имеющая внутри себя самостоятельность субъекта и в абстрактном виде, отвечающая формуле Я=Я, противоречит предшествующей ступени духа – сознанию, т. е. форме духа, в которой субъект погружён в содержательное многообразие мира, не отличает своё собственное действие от определений предмета и попадает в одностороннюю зависимость от предметного, поэтому философия Канта находится прежде всего в антагонизме к сознанию как формообразованию духа и имеет критический вид, а вся мощь этой критики направлена прежде всего против метафизики как содержательных определений бытия и сущности.

Во-вторых, и в абстрактном тождестве самосознания Я=Я Кант не обнаруживает реального различия и выступает также с «опровержением идеализма»: «Идеализм (мы имеем в виду материальный идеализм) есть теория, признающая существование предметов вне нас в пространстве или только сомнительным или недоказуемым, или ложным и невозможным. Первый есть проблематический идеализм Декарта, который считает несомненно достоверным лишь одно эмпирическое утверждение (*assertio*), а именно я есмь. Второй есть догматический идеализм Беркли, утверждающего, что пространство вместе с вещами, которым оно присуще как необходимое условие, сами по себе невозможны и потому считающего вещи в пространстве лишь фантомами» [Кант 1993 : 171]. Кант понимает, что пустое тождество самосознания (Я=Я), каким оно получилось и у Декарта, и у Беркли, не раскрывает природу самосознания, а, напротив, приводит к представлениям, в особенности у Беркли, на основании которых нет никакого движения в направлении раскрытия природы Я. Тождество Я=Я непременно должно получить объективное предметное наполнение, должно стать реальным различием.

Этого предметного наполнения и ищет Кант, вот только предмет, который должен выступить в качестве противоположности Я, есть внешний опыт – предмет в узком смысле. «Простое, но эмпирически определённое сознание моего собственного существования служит уже доказательством существования предметов в пространстве вне меня» [Кант 1993 : 171]. И далее: «...внутренний опыт вообще возможен не иначе как при посредстве внешнего опыта вообще» [Кант 1993 : 173]. Этот вполне рациональный ход показался Канту наиболее приемлемым способом разрешения противоречия самосознания.

Однако в такого рода наполнении, какое предложил Кант, возникает более глубокое противоречие, чем противоречие пустоты и самотождественности самосознания. Внутреннее различие самосознания заполняется внешностью, которая имеет форму чего-то непосредственного, некоторой не проникнутой определениями Я (субъективности) сущности, следовательно, такого не-Я, которое подчиняет Я и тем самым возвращает самосознание к предшествующей ступени к сознанию, т. е. обрекает Я на совершенно необъяснимую из собственной природы Я зависимость его от внешнего предметного мира. А будет эта зависи-

мость от «вещи самой по себе» или от «вещи в себе», как любят спорить апологеты кантовского учения, уже не имеет никакого значения, потому как суть отношения Я к этой абстрактной предметной внешности заключается в абсолютной и непроницаемой границе для Я.

И Кант последовательно придерживается указанного отношения, словно боясь нарушить возникшую у него форму наполнения тождества самосознания, он постоянно апеллирует к опыту, и даже тогда сама природа Я подводит Канта к предметным и объективным определениям Я, он всё равно упорно цепляется за опыт как за единственно возможное основание для деятельности Я. В «Критике чистого разума» много такого рода рассуждений о потере всякого значения мыслительных форм вне отношения к опыту. «Что везде и всегда возможно только эмпирическое применение понятий, это видно из следующих соображений. Для всякого понятия требуется, во-первых, логическая форма понятия (мышления) вообще и затем, во-вторых, возможность дать предмет, к которому оно относилось. Без предмета оно не имеет никакого смысла и остаётся совершенно пустым по содержанию, хотя и содержит в себе логическую функцию, которая служит для образования понятия из каких-либо данных. Но предмет может быть дан понятию не иначе как в наглядном представлении, и хотя чистое наглядное представление возможно а priori, до предмета тем не менее и оно может получить свой предмет, т. е. приобрести объективное значение, только посредством эмпирического наглядного представления, так как оно составляет лишь форму наглядного представления. Таким образом, все понятия и вместе с ними все основоположения, хотя бы они были вполне возможны а priori, тем не менее относятся к эмпирическим наглядным представлениям, т. е. к данным для возможного опыта» [Кант 1993 : 182]. Но особенно замечательно звучит здесь «... хотя и содержит в себе логическую функцию...»: Кант даже не обращает внимание на то, что логическая функция и есть не что иное, как предметность, для которой субъективность не есть внешняя форма, а есть объективное проявление самого Я, такая характеристика субъекта, в которой он только и способен обрести устойчивое наличное существование как субъект своего самостоятельного действия.

И несмотря на то что на пути решения той задачи, которую поставил перед собой Кант, а именно задачи критики чистого разума, он делает целый ряд важных обнаружений: определение логических функций категорий как возможности синтеза представлений и важнейшего условия формулирования суждений, классификация и составление таблиц категорий и видов суждений, чёткое разделение познавательных возможностей (притязаний) рассудка и разума, начертание всеобщего ритма познания: *тезис – антитезис – синтез*, всё же значение этих обнаружений снижается до простых характеристик процесса познания и носит в большей степени описательный характер. Кант, подобно естествоиспытателю, только перечисляет, описывает и систематизирует попавшие ему на глаза познавательные формы, ставит их друг по отношению другу во внешнюю рассудочную связь. Ничего страшного также не случилось, если бы Кант в этом «мешке духовных способностей» вообще не обнаружил бы разума, как иронично по этому поводу замечает Гегель.

Для рассудка эмпирический способ описания его характеристик вполне приемлем, поскольку потеря самостоятельности самосознания не лишает рассудок никаких специфически принадлежащих ему познавательных возможностей. Даже там, где рассудок имеет дело со своими чистыми формами, а именно в логике, то и там его преимущество, по Канту, состоит как раз в ограниченности своей задачи, читайте в непонимании природы тех логических форм, которые он на деле использует. По этому поводу Кант ясно выражается, например, в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума»: «Своими успехами логика обязана только ограниченности своей задачи, которая даёт ей право и даже обязывает её отвлекаться от всех объектов знания и различий между ними; в ней, следовательно, рассудок имеет дело только с самим собой и своими формами. Конечно, разуму гораздо труднее было вступить на верный путь науки, так как он имеет дело не только с самим собой, но и с объ-

ектами; зато в свою очередь логика играет роль лишь пропедевтики, лишь преддверия науки, и если речь идёт о знаниях, то логику, правда, привлекают для оценки их, но приобретения их ищут в настоящих науках об объектах» [Кант 1993 : 18]. В этом фрагменте уже чётко просматривается негативное отношение Канта к теоретическим возможностям разума и, напротив, остаются значимыми формальная логика для классификации уже добытых знаний и собственно положительные науки для получения этих знаний (чем не манифест современного позитивизма?).

Как видим, в наиболее затруднительном положении в результате утраты самосознанием самостоятельности может оказаться только разум, причём в его чистой форме, когда он «сам должен стать своим собственным учеником», и Кант справедливо находит, что метафизика как совершенно изолированная наука так и не смогла вступить на «верный путь», поскольку разум в ней постоянно наталкивается на препятствия. И критика эта действительно выглядит обоснованной и совсем не тогда, когда Кант пытается пространно объяснять причины, побудившие заняться такого рода критикой, а когда он действительно рассматривает в «Трансцендентальной диалектике» умозаключения чистого разума: паралогизмы, антиномии и идеал чистого разума.

Эта критика и даёт Канту объективные основания для того, чтобы указать на возникающие границы, но только указать на них или их обнаружить. Вполне согласуясь с эмпирической манерой, с какой он обнаруживает познавательные способности рассудка, он обнаруживает и противоречивость в осуществлении трёх видов безусловного синтеза в разуме. Но поскольку противоречивость – это только проявление одной из сторон, присущих категориям, под которыми осуществляется безусловный синтез, то их противоречивая основа остаётся скрытой, именно поэтому Кант не имел никаких оснований заключать от существования противоречащих друг другу логических форм к невозможности преодоления указанных противоречий. Больше того, Кант упорствует в этом разделении категорий, и они (категории) перестают быть подвижными, представляют собой простой конгломерат, выражая только видимость связи, а не необходимую внутреннюю связь. На эту сторону учения Канта и обратил внимание Фихте, указав, что Кант вообще не получил системы. Вся диалектика улетучивается, а метод, который приводит к появлению застывших определений, как известно, называется догматическим. Удивительным образом и предмет критики, и сама критика попадают в одно и то же затруднительное положение: борясь с догматизмом метафизики, Кант сам впадает в догматизм.

Возникшее здесь противоречие внутри самосознания, поскольку в нём Я соотносится с абстрактной «вещью самой по себе», представляет собой тот же способ связи Я с предметным, что и в сознании, поэтому самосознание здесь со стороны формы целиком есть ещё предшествующая ступень – сознание. И в метафизике, и в философии Канта Я всегда соотносится с чуждой самой природе Я внешностью, поэтому обе философии стоят на почве Сознания. Только с некоторой разницей в том, что для метафизики проблема возможностей познающего субъекта не становится центральной проблемой, а Кант при наполнении тождества Я=Я реальным различием получает такую зависимость Я от внешнего опыта, в которой исчезает самостоятельность субъективности. И метафизика, и позиция Канта совпадают в догматическом методе. Содержательные определения метафизики не опосредствованы природой самосознания, не получены посредством развёртывания понимающего самого себя мышления, поэтому они и оказываются для субъекта неподвижными застывшими определениями. Но тогда Метафизика не потому не может выйти за пределы, что использует возможности чистого разума, а потому, что как раз эти возможности от неё скрыты. А Кант при этом не идёт далее простого указания на то, что имеющиеся в качестве результатов деятельности той же метафизики идеи и категории выказывают себя диалектичными.

Философия

Гегель, как никто, лучше уловил эту особенность философии Канта в отношении сознания и самосознания, поэтому в завершении статьи уместно привести его высказывание: «Кантовскую философию всего точнее можно рассматривать в том смысле, что она поняла дух как сознание и содержит в себе исключительно только определения его феноменологии, а не его философии. Она рассматривает “я” как отношение к чему-то потустороннему, что в своём абстрактном определении называется вещью в себе, и только соответственно этой конечности понимает она и интеллигенцию, и волю» [Гегель 1977 : 222].

Библиографический список

1. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1977. – 472 с.
2. Гулыга, В.И. Немецкая Классическая философия / В.И. Гулыга. – М.: Рольф, 2001. – 416 с.
3. Ильенков, Э.В. Диалектическая логика / Э.В. Ильенков. – М.: Издательство политической литературы, 1984. – 321 с.
4. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – СПб.: Изд. Тайм-аут, 1993. – 478 с.

АВТОРИТАРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Российская демократия, авторитаризм, тоталитаризм, политический режим, эволюция, трансформация, традиция, власть, народ.

Парадокс российской демократии – одна из самых популярных проблем среди разрабатываемых на сегодняшний день, провоцирующая огромное количество дискуссий разного уровня. Само понятие демократии не имеет строгого определения и на протяжении веков претерпевало различные изменения вслед за изменениями самого общества: от античного «народовластия» до современного многообразия теоретических подходов к пониманию сущности данного термина. Первоначальный смысл демократии трансформировался, приспосабливаясь к новым потребностям жизни. Причем все метаморфозы происходили под непосредственным влиянием культуры конкретного общества, политических и исторических традиций и демократического опыта той или иной страны.

Чтобы понять существо нашей российской демократии, необходимо углубиться в историю ее зарождения. В России процесс становления политического режима происходил под влиянием двух начал: азиатского деспотизма (как преобладающего начала) и некоторых вкраплений демократического начала в виде демократических республик в Новгороде и Пскове, а также заимствованных элементов в процессе осуществления политических реформ Петра I. Борьба этих направлений и определила сущность и содержание политического режима России, где преобладало, как правило, тоталитарное начало, но в процессе политических реформ на весьма короткое время пробивало себе дорогу и демократическое направление, которое с уходом реформатора вновь поглощалось тоталитарным [Громыко 2002 : 179–180].

К первым органам власти демократического характера можно отнести новгородское и псковское вече, которое утратило свою значимость с приходом к власти монгольского ига и установлением на Руси восточного деспотизма. После освобождения от татаро-монгольского нашествия великий князь Иван в 1547 году принял царский титул «Московский царь и всея Руси» и формально был приравнен к западноевропейским императорам. Хотя власть царя и была огромной, по закону он не обладал всей ее полнотой и был ограничен такими институтами, как Земский собор и Боярская дума. Чтобы укрепить свои позиции Иван IV проводит своеобразную внутреннюю политику: усиление собственной власти за счет ослабления государства (опричнина). Таким образом, во время правления Ивана Грозного усилились тоталитарные тенденции в российском политическом режиме. Он ликвидировал все демократические учреждения, распустил вече и местное самоуправление, а роль земских соборов была сведена «на нет». Но безраздельное самодержавие было установлено Петром I, который провозгласил принцип неограниченной царской власти. Лишь после смерти Николая I в 1855 году Александр II своими реформами отчасти восстановил деятельность демократических структур того времени. Однако попытка Александра II провозгласить Конституцию явилась роковым и последним шагом в его жизни, после чего политический режим в России вновь стал тоталитарным. И только во время революции 1905–1907 годов был издан Манифест, в кото-

ром Россия фактически провозглашалась Конституционной монархией. Была учреждена Государственная дума. Но формальность утвержденной Николаем II политической системы привела к сохранению в России абсолютизма. В феврале же 1917 года в России была окончательно ликвидирована абсолютная монархия и установлен самый демократический в мире режим. Но в том же году в результате Октябрьской революции на длительное время в стране укоренился жесткий тоталитаризм, а любые идеи демократического характера пресекались.

Очередная волна изменений в политической сфере произошла теперь только после 1985 года, когда кризис тоталитарного режима требовал решительных действий и М.С. Горбачев начал перестройку. Гласность и желание перемен привели всю страну в состояние непрерывающихся митингов и референдумов, все политические решения носили стихийный характер, что способствовало неуправляемости народной массы и, как следствие, росту преступности и постоянному беспорядку.

Многие видные историки, занимающиеся разработкой проблемы самоопределения российской демократии, на заседании «круглого стола», прошедшего 16 мая 2008 года в Институте философии Российской академии наук, высказали точку зрения, с которой мы полностью согласны, о том, что изначально под процессом демократизации в России подразумевалось не только освобождение нового общества от институтов «старого режима», что провозглашалось основной задачей нарождающейся демократии в странах Европы, но и создание таких общих условий политики, экономики, социальной и культурной сфер, при которых российский народ мог бы развиваться по типу передовых государств мира [Демократия... 2008 : 56]. Однако к 90-м годам внутри страны так и не образовалось той благодатной политической, экономической, а главное, психологической «почвы», на которую можно было бы пересадить демократию в западном ее понимании. И потому режим горбачевской охлократии перерос, с нашей точки зрения, в демократический авторитаризм Ельцина, который на современном этапе приобрел олигархическую оболочку. Таким образом, исторически сложившаяся в России традиция смены режима с радикально тоталитарного на более мягкий, реформаторский привела к некому гибриду, особому роду политического устройства и, как следствие, особому пути развития демократии «по-русски».

Надо сказать, что демократия в современном мире воспринимается как некая «упаковка», под которой завуалированы различные типы политических систем или их отдельные характерные элементы. Это дает нам возможность смело говорить о том, что демократии в чистом виде, как она официально позиционируется, сейчас не существует вообще. При этом весь западный мир борется за «демократию во всем мире», а США даже занимаются ее прямым «экспортом», но почему-то с помощью оккупации соответствующих стран либо путем провоцирования «стихийных бунтов», называемых «цветными революциями» [Демократия... 2008 : 62]. Все это создает сильнейшее напряжение на международной арене и внутри отдельных государств, что может отбить желание пойти по пути демократических идей и преобразований.

Что касается современной России – то и наша страна не стала исключением, хотя лучше сказать стала исключением из общепринятого определения «демократическое государство». Выйдя из недр тоталитаризма, политическая система России пыталась обрести черты развитой демократии, и формально ей это удалось. Такие политико-демократические элементы власти, как наличие Конституции, принцип разделения властей, всеобщее избирательное право и так далее, дают нам возможность говорить о демократическом характере российского политического режима. Однако пока политический строй в нашей стране отягощен признаками и иных политических режимов.

Российский политолог Ю.А. Красин акцентирует внимание на том, что политическая система нынешней России представляет собой «странный антиномичный симбиоз демократии

и авторитаризма, ограничивающий возможности демократического развития и затрудняющий политическое самоопределение страны» [Красин 2004 : 125]. С этим трудно не согласиться, особенно в свете проводимой новым президентом Д. Медведевым и его кабинетом министров внутренней политики, направленной на централизацию власти и укрепление позиций правящей партии, с частым использованием методов, противоречащих фундаментальным основам демократии как таковой.

Существование такого синтеза несовместимых по сути политических систем осложняется еще и «государственно-бюрократическим и финансово-олигархическим корпоративизмом» [Красин 2006 : 134]. Зародившиеся институты демократической власти, не успев «встать на ноги», уже оказались «на коленях» перед лицом олигархической верхушки и криминальных структур. Это не могло не отразиться на характере проводимых преобразований, которые выражали и часто до сих пор выражают клановые интересы определенной социальной группы – правящей элиты.

В результате в России сложился режим власти, который, по мнению Ю.А. Красина, и мы с ним полностью согласны, является разновидностью «мягкого авторитаризма» [Красин 2006 : 134], для которого характерны:

- 1) концентрация власти в руках узкого круга правящей элиты;
- 2) относительная свобода граждан, которые не посягают на монополию власти и принятие политических решений.

Надо сказать, что «мягкий авторитаризм» во многом отвечает потребностям нынешнего российского общества, уставшего от анархии и беспорядка и, более того, большинство граждан, вероятно, готово принять такую форму политической системы как исключительно русскую демократию с ее особенностями и недостатками. А многие видят в таком режиме возможность укрепления государственности и в целом попытку идеологического сплочения страны. Мнения могут быть самыми разными, но, проанализировав именно российский опыт политической трансформации режимов, мы пришли к выводу, что такое политическое устройство является наиболее подходящим для России с ее культурными, политическими, территориальными особенностями и историческими традициями на данном историческом этапе. Непрерывный исторический процесс эволюции политических систем рано или поздно приведет к необходимости пересмотра уже принятого режима и к его модернизации. По какому сценарию будет развиваться российская демократия в дальнейшем? При ответе на этот вопрос мнения ученых разнятся. Так, видный либеральный экономист Е.Г. Ясин доказывает: «Лучшим вариантом была бы активная реформаторская политика авторитарного режима до начала демократизации» [Ясин 2006 : 317], что позволило бы, по мнению Ю.А. Красина, постепенно двигаться от «мягкого авторитаризма» к более продвинутым формам демократии [Красин 2006 : 137]. По мнению же главного редактора журнала «Политический класс» В.Т. Третьякова, «будущая российская политическая система не будет демократической в общепотребительном у нас смысле, то есть калькированной с западных образцов. Это будет русская политическая система, всегда традиционная, всегда модернизированная, всегда немного недоделанная...»

[Демократия... 2008 : 62]. С нашей же точки зрения, перед Россией на сегодняшний день лежат два пути самоопределения: либо «мягкий авторитаризм» трансформируется в «жесткий», либо ощутившее вкус провозглашаемой свободы общество будет изменяться в демократическом ключе, породив своеобразный режим, еще не обремененный рамками терминологии. Единственная аксиома – в России никогда не будет демократии в ее традиционном представлении, а также любых ее форм прозападного образца. Любые попытки насаждения чуждых нам демократий могут иметь противоположный эффект, который способен привести к потере российским обществом уже отвоеванных «потом и кровью» демократических ценностей.

На сегодняшний день тяжело ответить на вопросы: какой она будет – российская демократия? И будет ли вообще демократия? Сможет ли уже сложившаяся «авторитарная верхушка» противостоять традиции и не вернуться к жестким методам правления или же продолжит протянутую через всю историю Российского государства цепочку чередующихся звеньев противостоящих по сути режимов? Ответы на эти вопросы предоставит время, а пока мы можем только догадываться и выдвигать гипотезы.

Библиографический список

1. Гаджиев, К.С. Введение в политическую науку / К.С. Гаджиев. – Изд. 2-е. – М.: Логос, 1999. – 544 с.
2. Громыко, А.А. Генезис политического режима России / А.А. Громыко // Вестник МГИУ. – (Серия «Гуманитарные науки»). – 2002. – № 2. – С. 178–184.
3. Дахин, А.В. Система государственной власти в России: феноменологический транзит / А.В. Дахин // Полис. – 2006. – № 3. – С. 29–40.
4. Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта: материалы «круглого стола» ИФ РАН // Полис. – 2008. – № 5. – С. 55–73.
5. Ковлер, А.И. Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI века / А.И. Ковлер. – М., 1997. – 102 с.
6. Красин, Ю.А. Российская демократия: коридор возможностей / Ю.А. Красин // Полис. – 2004. – № 6. – С. 125–135.
7. Красин, Ю.А. Метаморфозы демократии в изменяющемся мире / Ю.А. Красин // Полис. – 2006. – № 4. – С. 127–138.
8. Пивоваров, Ю.С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита / Ю.С. Пивоваров // Полис. – 2006. – № 1. – С. 12–32.
9. Ясин, Е.Г. Приживется ли демократия в России? / Е.Г. Ясин. – М.: Новое издательство, 2006. – 384 с.

АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ МЕТОДАМИ КУЛЬТУРОЛОГИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Демократия, культура, демократические традиции, ценности и смыслы, народ, элита и государство при демократии.

Российское общество находится в процессе трудной комплексной *трансформации*, позиционирует себя как общество, стремящееся стать гражданским, принять демократические ценности и соответствующую *культуру*, в том числе политическую, особенно политическую. Одновременно с этим после двадцати лет постсоветских реформ налицо явное поражение идеи «транзитарной демократии», идеи искусственной «пересадки» демократии как способа организации власти из страны в страну, без учета специфики тех ценностей, смыслов и традиций культуры, которые в них имеются. В начале XXI века стало совершенно ясно, что без одновременного, а лучше предварительного формирования соответствующей политической культуры как основы демократической традиции становление действительной демократической реальности невозможно. Выявление социокультурной проблемы, заключающейся в отсутствии автоматического становления демократической традиции культуры вслед за конструированием новых органов политической власти, делает актуальным вопрос не только о таком познании значимости культуры для становления демократии, которое могло бы лучше понять возможные перспективы эволюции постсоветских государств, в том числе России, но и о применении методов культурологии при анализе современной политической действительности.

Соглашаясь с мнением А.В. Ситникова, что основная проблема современного демократического общества не в том, чтобы провозгласить определенные, соответствующие демократии принципы или нормы, а в том, чтобы они были восприняты обществом и, став *традицией*, «работали» в его реальной жизни [Ситников 2004 : 95], правомерно говорить о том, что суть демократии – это вовсе не техническая форма устройства властвования, а такая особая форма взаимоотношений:

- внутри элиты;
  - между элитой и особого рода обществом (гражданским), где под гражданским обществом подразумевается не просто народ, а народ особым образом организованный (организованный как раз элитой);
  - между элитой и государством;
  - между государством и народом,
- отраженная в особой культуре и демократической традиции общества, которая вызревает и складывается только сама собой, без возможностей внешнего «ускорения» [Заславская 2001 : 249].

Актуальность познания сущности культуры как основы демократической традиции также усиливается в связи с тем, что хотя демократия, ее политическая традиция и характерная для нее политическая культура как *явления мировой культуры* исследуются уже более двух тысяч лет, полное понимание процесса их становления и эволюции пока отсутствует. При общей ясности, что смена политических устройств находится в четкой связи с социокультурной реформацией общества, имеется значительная поляризация мнений по вопросу об аксиологии тех ценностей, на которых строятся конкретно демократическая политическая

кая культура и традиция, не ясно, какой «политический человек» как продукт культуры является и создателем демократии, и одновременно ее *результатом*. Представляется, что для этого следует еще раз четко выявить те основные *ценности, смыслы и традиции* этого вида человеческой культуры, которые принципиально важны для становления «демократического человека» – такого члена гражданского общества, который в своем политическом поведении руководствуется именно теми демократическими традициями, что являются основными, базовыми социокультурными ценностями в его обществе.

Отмечая, что одной из сложностей современного научного исследования культуры как фактора обусловленности демократической традиции, по существу, демократической политической культуры как явления мировой истории и культуры, является то, что это исследование по-прежнему искажено под воздействием текущей политики, вслед за А.А. Галкиным и Ю.А. Красиным, мы видим актуальность исследования становления культуры, демократической традиции и «демократического человека» в том, что это поможет не только преодолеть имеющийся в литературе некоторый кризис в их познании, но и окажется полезным для формирования *должной* культуры и демократической традиции в современной модернизирующейся России [Галкин 2004 : 3–7; Красин 2006].

При этом, вслед за Л. Уайтом, Э.В. Ильенковым, А. Пелипенко и А.Я. Флиером, следует понимать человеческую культуру не просто как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных и создаваемых человечеством в истории, а как динамическую, сложно развивающуюся систему, кардинально важный, определяющий аспект существования человеческих коллективов и общества в целом со своей исторически обусловленной аксиологией [Уайт 1997; Ильенков 1991; Пелипенко 1998; Флиер 2000]. Под политической культурой, вслед за Г. Алмондом и Е.Б. Шестопаля, мы понимаем такую органическую часть общей культуры, которая включает в себя исторический опыт, память о важнейших социальных и политических событиях, политические ценности и традиции, ориентацию на определенное политическое поведение, навыки этого поведения [Алмонд 1992; Шестопаля 2005]. Также важно учесть мнение Э.Я. Баталова о том, что это – субъективный поток политики, ее социально-психологический момент, который, находясь в общем русле человеческой культуры, наделяет значением политические решения, упорядочивает институты и придает социальный смысл индивидуальным действиям [Баталов 2001].

В рамках данного подхода становится ясно, что демократическая политическая культура – это такой исторически конкретный тип политической культуры общества, который построен на ценностях и традициях особого рода – демократических, выработавшихся в ходе становления исторически конкретного гражданского общества. Тогда культурная традиция в демократическом обществе – социально стереотипизированный групповой опыт различных видов деятельности и отношений, демократическая традиция – такой групповой опыт поведения гражданского общества и его членов, который способствует становлению, сохранению и воспроизводству именно демократической политической системы. Говоря о культуре как о факторе обусловленности демократической традиции исторически конкретных человеческих обществ, в том числе российского, представляется правильным исследовать прежде всего ценности и традиции демократической политической культуры как квинтэссенции преломления культуры в плоскости политики в гражданском обществе.

Отсюда представляется важным сделать следующее замечание. Дело в том, что в последние десятилетия в литературе постепенно сложилось представление о сущностном тождестве понятий «гражданское общество» и «демократия», при котором исследователи постепенно перестают учитывать одно очень важное обстоятельство: **демократия, так же как и гражданское общество, – это вовсе не синонимы термину «бесклассовое общество»**. Нам представляется, что данный подход принципиально *неверен и опасен* как для развития теории по-

литической науки и культурологии, так и для общественной практики в части совершенствования имеющихся трансформирующихся обществ (прежде всего постсоветских).

Следует помнить: исторически демократия рождается только в классовом обществе и только в процессе борьбы между классами и внутри классов, по-другому никак. Причем в историческом процессе демократия существовала только в двух видах – в виде «военной» и «буржуазной» демократий. Когда в первом случае государство *еще формировалось и усиливалось*, только-только начинало претендовать на обретение собственных интересов, отличных от интересов породивших его элиты и народа. А во втором – в конце Средних веков – обозначившее свою несостоятельность *слабеющее* феодальное государство проиграло в борьбе с экономически и политически окрепшими элитой и народом. Сущностно их объединяет то, что народ и элита в обоих этих случаях оказывались экономически независимыми от бюрократического аппарата, вооруженными и организованными (в первом случае по родовому и военному принципу, во втором – по бизнесу, религии, идеологии, культуре и т. д.).

Однако в связи с тем, что период военной демократии оказался для большинства народов исторически кратким, а буржуазная демократия стабильно воспроизводится в наиболее развитых странах Европы и Америки вот уже более трехсот лет, представляется, что в настоящее время как серьезному теоретическому анализу, так и практическому копированию и воспроизводству следует подвергать именно второй вариант демократии – «буржуазной», являющейся классовой уже по определению.

Представляется, что демократия – это такая форма организации политической власти в буржуазном классовом обществе, при которой государственная бюрократия не является собственником страны и народа, не претендует на это, а обслуживает интересы элиты и народа, на муниципальном уровне принимающих важнейшие решения без участия государственной бюрократии. Причем члены правящей элиты приходят к власти или теряют ее в результате открытых честных выборов, элита в целом спокойно относится к своей постоянной ротации-обновлению, боится своего народа и старается устранять те общественные проблемы, что могут вызвать народный гнев сразу же, по мере их появления, то есть *своевременно*, не дожидаясь, пока они станут лозунгами в политической борьбе новых амбициозных лидеров, претендующих как на единоличное доминирование, так и на смену элиты в целом.

Из данного развернутого определения вытекает, как минимум, пять важных следствий.

Во-первых, для демократии первичными являются особого рода *отношения* между народом, элитой и государством, традиции и *культура* этих отношений, техническая сторона устройства политической власти – монархия, президентская или парламентская республика – уже не принципиальна.

Во-вторых, для возникновения демократии необходимо развитие именно свободной буржуазной экономики, причем такой, при которой бизнес-элита и народ являются независимыми от государства, во всяком случае, имеющими возможность развиваться без необходимости отчитываться и подчиняться государственной бюрократии в решении собственных вопросов.

В-третьих, для демократии необходимо, чтобы элита и народ победили государство, обуздали и подчинили себе государственную бюрократию, предприняли такие действия, когда в *культуре* общества (и его идеологии) государство потеряло ореол «отца», сурово взорающего на своих «заблудших детей» – элиту и народ, превратилось в совокупность охранников (полицейских и солдат), бухгалтеров и судей, нанятых охранять то спокойное, то бурное бытие народа и его элиты.

В-четвертых, для демократии необходимо, чтобы элита победила *саму себя*, следила за бесперебойной работой системы саморотации за счет выходцев «из низов» – «социальных лифтов», при этом своевременно пресекала попытки наиболее амбициозных своих членов либо создать режимы личной власти, либо вести себя так неуважительно к государству и

(или) народу, что это может вызвать справедливое их негодование и спровоцировать гонения на элиту в целом.

В-пятых, необходимо, чтобы общество оказалось организованным в десятки тысяч микросоюзов по различным целям и интересам (то есть стало действительно гражданским), что обеспечит его самоорганизацию как на муниципальном уровне, так и на уровне всей страны в целом.

Разумеется, в реальной исторической практике такое «взвешенное», удовлетворяющее всем данным требованиям состояние человеческого общества практически невозможно. В этой связи говорить о некоей модели демократии «вообще», стабильно существующей длительное время, довольно проблематично. **Демократия – это, по существу, перманентный процесс одновременной борьбы за саму демократию и за ее воспроизводство, причем процесс, протекающий как в экономике общества, так и в его культуре.** Особенно в культуре. И при ближайшем рассмотрении *любой* реальной демократии любой страны мира в различные исторические периоды можно заметить, что демократия исторически может иметь три различные модификации.

Демократическая модель № 1. «Элитарная демократия», или «демократия-аристократия». Такое устройство власти, которое прикрывает явное социальное господство одного класса над другим, при котором господствующий класс считает целесообразным такое максимально возможное (для себя) удовлетворение запросов подчиненных классов, при котором те воспринимают данное общественное устройство как благоприятное себе, «свое», не склонны к социальным конфликтам и активно участвуют в политической жизни страны. Принятие основных политических решений происходит преимущественно в недрах управленческой элиты правящего класса, однако реакция на них общества обязательно учитывается и политический курс постоянно корректируется, причем в его реализации принимают участие самые широкие гражданские круги. Данная демократия, по сути, является разумным вариантом аристократии, когда аристократия (правящая элита) равно не допускает как усиления лидерства кого-то из своих членов (или вообще появления чересчур ярких лидеров из любой социальной среды), так и усиления позиций целых социальных групп.

Такая демократия, с нашей точки зрения, существует сейчас в самых крупных и развитых странах Западной Европы (Германия, Франция, Великобритания), США, Канаде.

Демократическая модель № 2. «Демократия социального компромисса» (среднего класса). Такое устройство власти, которое конституирует, формализует, оформляет, по сути, промежуточное, паритетное положение между общественными классами, достигнутое в процессе их борьбы между собой и зафиксированное благодаря влиянию и весу сильно разросшегося «буферного» среднего класса. Принятие основных политических решений происходит в данной системе исключительно после предварительного общественного обсуждения в рамках публично-политических отношений. Представляется, это и есть демократия в ее «чистом виде».

Данный вид демократии, судя по всему, может существовать исключительно короткие исторические периоды, носит *переходный* характер. Такая демократия, с нашей точки зрения, существует сейчас в территориально небольших развитых странах Западной и Северной Европы (Дания, Бельгия, Швеция, Швейцария, Норвегия и т. д.).

Демократическая модель № 3. «Демократия-диктатура». Такая демократия – не более чем ширма, драпирующая явное политическое и (или) экономическое доминирование одного класса над другими, это такое устройство политической власти, когда формально демократические процедуры таковыми на самом деле уже не являются, лишь *имитируют* реальное народоправство, демократия имеет декларативный характер, в реальности принятие основных политических решений происходит:

– либо за рамками публично-политических отношений, в недрах управленческой элиты правящего класса, ее верхушки. Данная демократия – это, по сути дела, явная аристократия, олигархия или даже тирания;

– либо в рамках публично-политических отношений, но в данном случае от участия в публичной политике «отжимаются» как представители аристократической элиты общества, так и его «среднего класса». Данная демократия (например, «социалистическая демократия» в 1920–1930-е годы) – это охлократия, временный период политической гегемонии социальных низов. Временный, так как он тоже носит переходный характер, и готовит почву для какого-то другого политического строя, например тирании (как вариант – сталинской), восстановленной «демократии-аристократии» (номенклатуры образца Л.И. Брежнева), или «демократии социального компромисса».

Говоря о всех трех предлагаемых моделях демократии, каждой из которой соответствуют своя общая и политическая культура, свои ценности, знаки и смыслы, следует еще раз отметить переходный характер демократии как формы устройства власти вообще, преходящий характер всех исторически обусловленных модификаций демократии, их нестабильность, взаимную эволюцию, объективно отражающую те социально-экономические процессы, что идут в любом обществе. Внутренне сущностно эволюционируя друг в друга, изменяя свое социально-экономическое, политическое, а потому и социокультурное *наполнение*, внешне демократия может оставаться практически неизменной, функционируя формально в совершенно не меняющихся органах публично-политической власти, что, по верному замечанию В.Г. Ледяева, сильно затрудняет анализ социальной сущности модификаций демократии, анализ как ее политической культуры [Ледяев 2001], так и культуры в целом.

Отметив в рамках данной статьи все многообразие и важность значения культуры для становления *действительной*, а не *фасадной* демократии, акцентировав внимание будущих ее исследователей на необходимости изучения этого исторического феномена методами не только истории, политологии, социологии, экономики (и т. д.), но и культурологии, хотелось бы отметить еще и ряд важных практических выводов, логически вытекающих из данной постановки вопроса и имеющих отношение конкретно к российской почве.

Следует реализовывать не только букву демократической Конституции (Основного закона страны), но и ее дух, ту демократическую культуру, что она в себе содержит, в том числе, как минимум, относиться уважительно к ней самой, не стремясь чуть ли не ежегодно вносить в нее (причем не конституционным образом) такие сущностные поправки, которые прямо противоречат уже не только ее духу, но и даже букве.

Возникает необходимость развития в России именно свободной буржуазной экономики, причем такой, при которой бизнес-элита и народ являются независимыми от государства, во всяком случае, имеющими возможность развиваться без необходимости отчитываться и подчиняться государственной бюрократии в решении собственных вопросов. А это должно означать выдерживание самого жесткого курса не на создание государственных корпораций, а на разгосударствление экономики, прежде всего на освобождение крупного, малого и среднего бизнеса от опеки феодальных, региональных и муниципальных бюрократов.

Необходимо, чтобы российская элита и народ победили государство (желательно, в ходе реформ), обуздали и подчинили себе государственную бюрократию, предприняли такие действия, когда государственная бюрократия будет загнана только в рамки исполнительной власти и перестанет оказывать воздействие на законодательную, судебную и муниципальную власть, которая должна формироваться непосредственно из элиты и народа, минуя согласительные процедуры с государственной бюрократией.

Необходимо, чтобы новообразовавшаяся российская элита победила *саму себя*, следила за бесперебойной работой системы саморотации за счет выходцев «из низов» – «социальных лифтов», жестко пресекала стремление некоторых своих членов неуважительно или по-

требительски вести себя по отношению к государству, народу или другим представителям элиты. И, самое главное, стремилась, чтобы элита приняла культуру ответственности как за страну и свой народ, так и за поведение государства.

Необходимо, чтобы российское общество оказалось организованным в десятки тысяч микросоюзов по различным целям и интересам (то есть стало действительно гражданским), что обеспечит его самоорганизацию как на муниципальном уровне, так и на уровне всей страны в целом.

Данные практические выводы из теоретических посылов культурологии, с нашей точки зрения, не только доказывают значимость применения ее методов при анализе демократии, но и еще раз иллюстрируют важность максимально тесной связи между теорией и практикой, при ее наличии возможно обеспечить российскому обществу такой *исторический оптимизм*, который как явление культуры окажется еще одним важным инструментом становления российской демократии.

Библиографический список

1. Алмонд, Г. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Полис. – 1992. – № 4. – С. 122–134.
2. Баталов, Э.Я. Политическая культура: понятие и феномен / Э.Я. Баталов // Политика: проблемы теории и практики. – 1991. – Вып. VII. – Ч. 2. – С. 94–112.
3. Галкин, А.А. Размышления о политике и политической науке / А.А. Галкин. – М.: Оверлей, 2004. – 278 с.
4. Заславская, Т.И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса / Т.И. Заславская // Кто и куда стремится вести Россию: сб. науч. тр. – М.: Логос, 2001. – С. 3–15.
5. Ильенков, Э.В. Философия и культура / Э.В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
6. Красин, Ю.А. Метаморфозы демократии в меняющемся мире / Ю.А. Красин // Полис. – 2006. – № 4. – С. 127–138.
7. Ледаев, В.Г. Власть: концептуальный анализ / В.Г. Ледаев. – М.: Наука, 2001. – 452 с.
8. Пелипенко, А. Культура как система / А. Пелипенко, И. Яковенко. – М.: Наука, 1998. – 426 с.
9. Ситников, А.В. Православие и демократия / А.В. Ситников // Политика. – 2004. – № 4. – С. 77–96.
10. Уайт, Л. Наука о культуре / Л. Уайт // Антология исследований культуры. Т.1. Интерпретации культуры / отв. ред. и сост. Л.А. Мостова. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 141–156.
11. Флиер, А.Я. Культурология для культурологов / А.Я. Флиер. – М.: Академ. Проект, 2000. – 496 с.
12. Шестопал, Е.Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России / Е.Б. Шестопал // Политика. – 2005. – № 4. – С. 48–70.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ)

Правовое воспитание, правовое образование, социально-философский анализ, материализм, правосознание, открытое общество, мораль, право, правовая культура, правовой нигилизм.

Представляется, что в современных условиях педагогика не в состоянии обойтись без философского методологического инструментария при решении целого ряда остро назревших проблем. Некоторые же из них вообще невозможно решить только лишь педагогическими, воспитательными методами. Акцентирование внимания на данном обстоятельстве несколько не умаляет научный статус педагогики, а направлено лишь на предотвращение появления нового педагогического механицизма в постмодернистскую эпоху. «Подобно тому как во времена Платона и Аристотеля выдвигалась идея общественного воспитания, долженствующего приготовить лучших граждан, живущих в согласии с государством, так силою вещей эта идея возрождается и в наши дни. Идея великая и плодотворная! Но принимая ее, мы должны помнить ее подлинное значение и практические пределы. Было бы самообольщением видеть в ней магический ключ, отпирающий все двери, или разрешительное слово, указующее выход из всех затруднений» [Новгородцев 2000 : 328].

Общественная ситуация в России конца XX – начала XXI вв. крайне неоднозначна. Происходящие социальные процессы характеризуются выходом на новый сверхсложный уровень, и для их адекватного осмысления требуется анализ с точки зрения предельных оснований бытия, а с точки зрения общественной ситуации – бытия социального, социальной материи. Педагогические и правовые средства естественным образом обогащаются за счет социально-философского инструментария. В противном случае педагогика весьма близка к превращению в схоластику. Так, Н.С. Токарь считает, что «имеющиеся работы по теории права оказывают существенное влияние на уровень и методологические установки философско-правовых и социологических исследований в области правового сознания, сообщая им известную долю утилитаризма и детерминистского упрощения сложных социальных реалий». «Приходится признать, – продолжает Токарь, – что исследование правового сознания на уровне философии и социологии требует более глубоких обобщений, большей теоретизации, соответствующей специфике этих наук. В особенности это касается таких комплексных проблем, как проблема формирования правового сознания, адекватного социальной системе гражданского общества» [Токарь 2006 : 6].

Правовое воспитание в современной системе образования – в особенности школьного – находится еще в стадии активного становления, когда требуется определение его важнейших характеристик и приоритетов. В отличие от ряда других основных школьных предметов, получающих наибольшее количество часов, правовое образование не пользуется должным вниманием, хотя именно оно призвано прививать ключевые навыки социального поведения.

Поэтому целью настоящей статьи является социально-философский анализ правового воспитания в следующих аспектах:

- определение соотношения материального и идеального в плане правового воспитания в изменившихся социальных условиях, экономическая обусловленность воспитания;
- акцентирование внимания на сущем и должном состоянии правосознания как цели воспитательного процесса, определение желаемого уровня развития правосознания.

В данной статье мы под правовым воспитанием подразумеваем целенаправленный, организованный и систематический педагогический процесс, устремленный преимущественно к формированию эмоционально-волевой составляющей правосознания, ее высокого уровня и заключающийся в привитии подлинного уважения к правовым нормам, навыков сознательного их выполнения, нетерпимости к правонарушениям и правонарушителям и т. д. В правовом воспитании целесообразно выделять субъектов и объектов данного процесса, т. е. воспитателей и воспитуемых.

В научной литературе встречаются разные, но тем не менее сохраняющие основные общие моменты точки зрения на сущность правового воспитания. Так, можно привести следующие дефиниции.

«Под правовым воспитанием понимается специфическая специально организованная целенаправленная деятельность по формированию правового сознания» [Палинчак 2005 : 152]. Здесь автор сводит миссию правового воспитания к формированию правосознания. Эта точка зрения действительно не лишена оснований, однако в данном случае требуется четко размежевывать родственные понятия, в частности, это относится к правовому воспитанию, правовому обучению, правовому образованию и некоторым другим.

Так, по мнению В.М. Шафирова, «*правовое воспитание* – это целенаправленный, планомерный и организованный процесс формирования и развития системы социально-правовых ценностей, убеждений, внутренней готовности к активной правомерной деятельности. Оно раскрывает не только “букву”, но и “дух” права, правовых явлений, показывает их действительную миссию, предназначение» [Шафиров 2005 : 44].

Правовое воспитание входит наряду с правовым обучением в родовое понятие – правовое образование. «Правовое образование – сложно-собирающее понятие, которое включает в себя правовое воспитание и правовое обучение» [Сафронов 2004 : 167]. Цель же правового обучения – в основном в формировании когнитивной стороны правосознания, т. е. знания конкретных норм действующего законодательства.

Социальная ситуация в современной России все еще характеризуется существенной экономической поляризацией общества, его классовой дифференциацией. Ведь нельзя не признать, исходя из реальной действительности, «...что к людям, имеющим власть и капитал (деньги), закон более снисходителен и покладист, чем к рядовым труженикам» [Тощенко 2002 : 563]. Нормальное имущественное неравенство иногда достигает колоссальных размеров, часто принимая уродливые формы. Учитывая значительную территорию Российской Федерации, необходимо отметить, что имущественное расслоение существует также между различными регионами и населенными пунктами. Сказывается географическая удаленность от центра многих местностей и городов. Теперь уже вряд ли у кого-нибудь могут возникнуть сомнения в разнице возможностей молодежи Москвы и, например, небольших городов и деревень в Сибири и на Дальнем Востоке. Но и «...в рамках региона, как правило, имеет место резкая диспропорция между уровнями социальной мобильности молодежи, проживающей в крупных и мелких городах, а еще большая – между первыми двумя группами и молодыми людьми – сельскими жителями» [Ховрин 2007 : 123].

Из-за значительной территории Российской Федерации и крайне неравномерного развития различных регионов также весьма трудно оценить степень развития гражданского общества в России в целом. Поэтому нужно дифференцированно оценивать различные субъекты РФ по данному показателю. Так, например, можно достаточно уверенно утверждать, что столица находится далеко впереди. В этом отношении население Москвы и некоторых других крупных городов не отстает от западноевропейских стран. Тогда как в азиатской части России, и особенно в небольших населенных пунктах, о гражданском обществе можно говорить скорее условно.

Экономические и определяемые ими иные возможности неизбежно кардинальным образом предопределяют успешность правовой социализации, и в частности правового образования. Поэтому любые преобразования в области правового воспитания следует проводить при обязательном учете их экономической обусловленности. Только материалистическое разрешение основного вопроса философии может дать ключ к решению воспитательных проблем, зачастую носящих надстроечный характер.

Уважение к закону, сознательное его выполнение на основе внутренней потребности – на что в основном и направлено правовое воспитание – может сформироваться, только если закон носит действительно гуманистический характер и учитывает интересы по возможности всех классов и социальных слоев, противостоя экономической поляризации общества. В противном же случае возникнут разрушительные для общественной самоорганизации явления, глубокое разочарование в возможностях права, рост правового нигилизма. У подростков появится осознание демагогичности правового воспитания, потому что оно будет существенно расходиться с реальной жизненной ситуацией. Подобные процессы особенно опасны, потому что в корне подрывают возможность сознательного управления социумом и со временем приводят к тупиковой ситуации. Ведь «социализация – широкое понятие, включающее не только образование, но и влияние на человека жизни во всей ее полноте. От того, насколько скоординированной окажется вся система этих влияний, зависит будущее людей. Опыт других культур свидетельствует, что влияние окружающей жизни оказывает на людей во многих отношениях более сильное формирующее воздействие, нежели образование. Школа жизни сильнее собственно школы, понимаемой, конечно, широко, и если их влияния разнонаправлены или просто не скоординированы, возникает целая система рисков для человека и общества» [Никандров 2006 : 21]. Совершенно очевидно, что в нормальном, гармоничном обществе эффективное правовое воспитание и классовость – взаимоисключающие явления. В классово же антагонистичном социуме правовое воспитание может выступать и одним из способов организованного манипулирования общественным сознанием.

В настоящее время имеется уже немало количество работ, посвященных исследованию правосознания в современных условиях. И тем не менее правомерно говорить, что недостаточно изучены не только специфические стороны правового сознания, но и общетеоретические вопросы, носящие философско-правовой характер. Так, в частности, в научной литературе крайне редко поднимается вопрос об уровне развития правосознания, о сущем и должном его состоянии. В действительности эта проблема носит ключевой мировоззренческий характер, имея важнейшее значение для общественной самоорганизации. Она особенно актуальна в современных российских условиях.

Правовое и моральное сознание на первый взгляд очень близки по своей сущности и поэтому правосознание перенимает многие его недостатки. Так, нужно упомянуть традиционно значительный разрыв «нравственности и морали» в отечественной ментальности, т. е. реально практикуемых поступков и высоких моральных принципов. Иными словами, «сущего» и «должного». Чем больше этот разрыв, тем более нестабильна общественная ситуация. Определение и прогнозирование должного состояния правосознания – весьма ответственное мероприятие. Например, в случае неправильно сделанных прогнозов, морализации правовых принципов право теряет свою реальную регулятивную силу и превращается в недостижимый идеал. Это, в свою очередь, незамедлительно сказывается на реально практикуемом поведении. «Воздействуя на выбор решений, играющих ключевую роль в переходе от социального прошлого к будущему, прогностическая информация, выступающая в качестве идеального эквивалента будущего, оказывает при определенных условиях могучее влияние на устремления, цели общественных групп, направление их нынешней практической деятельности и тем самым на будущее человеческого общества» [Гендин 1970 : 82].

В российской истории превозношение морали в противовес праву имеет глубокие корни. Так, О.Б. Шубина обоснованно считает, «...что отличительная черта российского правосознания и правовой культуры – это несовместимость права с моралью, совестью. В России, к сожалению, преобладает отрицательное отношение к праву, право воспринимается как негативное явление общественной жизни, как помеха при осуществлении какой-либо деятельности. Граждане привыкли в обыденной жизни полагаться в первую очередь на свои силы и самостоятельно защищать свои права» [Шубина 2004 : 66–67].

М.О. Хазамов полагает, что «трагедия российского общественного сознания в XX в. коренится в его неспособности обеспечить перевод моральных императивов в правовую плоскость. Это существенно затрудняет правовое развитие как внутри самой России, так и ее коммуникацию с западноевропейскими странами» [Хазамов 2006 : 33].

К сожалению, в отечественной ментальности еще не сформировалась в должной степени опора на право, отсутствует понимание смысла и назначения элементарных правовых механизмов. Например, Н.О. Кузяков видит «...правовую культуру как выражение государственного опыта конкретных социальных общностей и индивидов в материальных и духовных продуктах жизнедеятельности, в навыках и ценностях, которые влияют на их юридически значимое поведение. Говоря кратко, правовая культура – это способность действовать “по закону”, а не “по совести”». «Поэтому, – продолжает Кузяков, – некультурное поведение с точки зрения права есть негативное отношение индивидов или их объединений к юридическим нормам, нарушение действующего законодательства» [Кузяков 2004 : 14].

Правовое воспитание по определению нацелено на приближение сущего состояния правосознания к должному уровню. Только вот право не может и не должно ставить перед собой цели, с которыми не справляется даже мораль. А.Б. Франц так высказывается по поводу соотношения права и морали: «...Когда говорят, например, о цивилизованном значении *права*, лично я вижу его величайшую миссию в *ограничении безграничных самих по себе притязаний морали*. Хотите еще одну пару синонимов к противопоставлению демократического и тоталитарного общества? Извольте – это правовое и моральное общество. Ибо *тоталитаризм есть язык морали* в той же степени, в какой *морализирование есть язык тоталитарной политики*» [Франц 1992 : 9].

Нужно, конечно, признать, что правовое и моральное воспитание действительно должны идти «бок о бок» в развитии личности, но лишь до определенного предела, за которым уже недопустимо вторжение морали в чуждую ей область. В противном случае последствия для общества и личности губительны. «...Как еще в начале XX века показали русские правоведы, высокоморальные добрые устремления, которым будто бы должно подчиниться право, с неизбежностью приводят к идеологии жертвоприношения во имя будущего, к оправданию террора и насилия величием исторических задач, а в конечном счете – к утверждению общества тирании, самовластной диктатуры, бесправия личности» [Алексеев 1999 : 63]. Назначение права – в достижении определенного баланса, своеобразного компромисса интересов различных социальных субъектов. Ему изначально присуща направленность на полную и неотвратимую реализацию в реальных условиях. «Как общее правило, лучшее, что можно делать, – это поддерживать ненадежное равновесие, которое предупреждает возникновение отчаянных ситуаций, невыносимых выборов. В этом заключается исходное требование к социально достойному обществу, к которому мы действительно можем всегда стремиться даже в свете нашего ограниченного знания и несовершенного понимания людей и обществ. Определенная скромность в этих вопросах чрезвычайно необходима» [Берлин 2000 : 60].

Да, действительно, для формирования и применения инструментальной теории воспитания необходимо постоянно иметь в поле зрения некий ориентир, уровень правосознания, к которому необходимо стремиться. «...Настоящее как реальная действительность и как ее идеальное отражение не только детерминировано прошлым и обуславливает будущее, но и, в свою очередь, испытывает в весьма своеобразных формах влияние со стороны будущего. Это влияние обнаруживается, во-первых, в гносеологическом плане: знание будущего, его предвидение даже в общих чертах помогает глубже постичь настоящее... Во-вторых, будущее в идеальной форме прогноза, т. е. знаний, представлений о нем, оказывает влияние на стремления, цели людей, социальных групп в настоящем, на их современную практическую деятельность и ее результаты» [Гендин, отв. ред. В.Ф. Голосов 1970 : 246]. Но этот уровень не столь высок, как важнейшие моральные принципы, хотя и выше, чем наблюдаемое в действительности поведение в правовом поле. Правовые идеалы не могут оставаться лишь на бумаге – они должны неукоснительно выполняться, именно в этом залог общественного благополучия. Высокие принципы правосознания, которые не реализуются, – признак болезни социума. Принудительное же их выполнение неизбежно приводило и приводит к тоталитарному, закрытому обществу.

В ходе общественного развития правовые принципы подвержены неизбежным изменениям. В настоящее время говорить об определенных правовых идеалах допустимо и нужно, но будут ли они такими же незыблемыми «завтра» (через десяток лет, через поколение) остается, по меньшей мере, под сомнением. Установление в рамках общества таких идеалов и принудительное внедрение их посредством правового воспитания – верный путь к тоталитаризму, как иногда случалось в советской истории в результате неверного понимания и истолкования марксистского учения. Мы не можем прогнозировать так далеко и предрешать судьбу следующих поколений. «...Мы ограничиваемся некоторым количеством “шагов”, этапов в отражении будущего, которое нам доступно и в то же время в основном достаточно для планирования предстоящей деятельности... последующие “шаги” прогнозирования будут делаться на базе новых фактических данных и более высокого уровня научных возможностей. Попытки предрешать их в настоящее время свидетельствовали бы о недоверии к доброй воле и разуму будущих поколений» [Гендин 1970 : 89].

М.В. Рац поставленную нами проблему переводит в плоскость различения «пути» и «дороги», которая способна сковывать общественное развитие: «путь выбирается или прокладывается непрерывно: это принципиально иной способ движения. Здесь не возникает вопроса о “правильности” выбора каждого последующего шага, а приходится думать о том, насколько этот шаг реализуем и эффективен сравнительно с возможными альтернативами; ведет ли он к намеченным идеалам и ориентирам, либо, может быть, сами эти идеалы и ориентиры по мере движения к ним требуют коррекции с учетом пройденного пути, полученных результатов и накапливаемого опыта» [Рац 1999 : 24–25]. Поэтому общество должно быть открытым, т. е. и общественные идеалы должны корректироваться. «Открытость общества основана на развитии способности личности формировать цели, участвовать в общественном диалоге по этому поводу, организовывать этот диалог. Совершенствование диалога, формирование соответствующих институтов, отношений возможно лишь как формирование открытого общества, где свободно изменяются формы самоизменения человека, его культуры и отношений» [Ахиезер 1997 : 36].

Есть и иной аспект, правовое воспитание и воспитание в целом должны предполагать некоторую свободу формирующейся личности, которую никто не вправе преступать без наличия серьезных на то оснований. Четкое определение меры необходимой и достаточной степени воздействия общего и правового воспитания и неукоснительное следование ей – залог

недопущения тирании не только в масштабах общества, но и на индивидуально-личностном уровне.

Подводя итог, мы приходим к выводу, что проблему правового воспитания при наличии в обществе серьезных социальных проблем следует рассматривать и решать с позиций научно-материалистического понимания истории. Правосознание всех людей в конечном счете детерминировано социально-экономическими отношениями, принадлежностью к тому или иному общественному классу, социальной группе. И учет этого в педагогическом процессе обязателен. Можно согласиться с В.С. Нерсесянцем в том, что «постсоциалистическое общество поляризуется на меньшинство собственников и большинство несобственников... Отсюда далеко до буржуазного гражданского общества, где давно уже утвердившееся всеобщее формально-правовое равенство существенно дополняется развитой системой социальной политики за счет собственников и верхов общества в пользу несобственников и низов общества. Разница – большая, можно сказать, формационная» [Нерсесянц 1997 : 395].

Говоря о правовом воспитании, еще раз подчеркнем, что мораль и право действительно дополняют друг друга, но лишь до определенной степени, дальше которой вмешательство морали недопустимо. По сути, только право может гарантировать свободу личности, поэтому правосознание требует постоянного развития. Совершенно недопустимо переносить на область права моральные характеристики. Морализирование может привести к тирании или, как это происходит сейчас, прикрывает резкую экономическую поляризацию. В правовом образовании необходим комплексный подход, делающий задачу воспитания личности и формирования гражданского общества не только педагогической, но и общегосударственной в полном смысле этого слова.

Библиографический список

1. Алексеев, С.С. Философия права / С.С. Алексеев. – М.: НОРМА, 1999. – 336 с.
2. Ахиезер, А. С. Как «открыть» закрытое общество / А.С. Ахиезер. – М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1997. – 40 с.
3. Берлин, И. Стремление к идеалу / И. Берлин // Вопросы философии. – 2000. – № 5. – С. 51–62.
4. Гендин, А.М. «Эффект Эдипа» и методологические проблемы социального прогнозирования / А.М. Гендин // Вопросы философии. – 1970. – № 5. – С. 80–89.
5. Гендин, А.М. Предвидение и цель в развитии общества (*Философско-социологические аспекты социального прогнозирования*) / А.М. Гендин; отв. ред. В.Ф. Голосов / Краснояр. гос. пед. ин-т. – Красноярск, 1970. – 436 с.
6. Кузяков, Н.О. Формирование правосознания личности как фактор развития духовной культуры общества: дис. ... канд. социол. наук / Н.О. Кузяков. – Тюмень, 2004. – 151 с.
7. Нерсесянц, В.С. Философия права: учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – М.: Издательская группа ИНФРА · М – НОРМА, 1997. – 652 с.
8. Никандров, Н. Воспитание и социализация в современной России: риски и возможности / Н. Никандров // Народное образование. – 2006. – № 9. – С. 21–26.
9. Новгородцев, П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. – (Серия «Мир культуры, истории и философии») / П.И. Новгородцев. – СПб.: Лань; Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. – 352 с.
10. Палинчак, С.Ф. Социально-философский анализ правовой жизни общества: дис. ... канд. филос. наук / С.Ф. Палинчак. – Липецк, 2005. – 195 с.
11. Рац, М.В. К концепции открытого общества в современной России / М.В. Рац // Вопросы философии. – 1999. – № 2. – С. 23–34.
12. Сафронов, В.В. Правосознание гражданина: дис. ... канд. юр. наук / В.В. Сафронов. – Красноярск, 2004. – 242 с.

13. Токарь, Н.С. Правовое сознание личности в контексте формирования гражданского общества в России: дис. ... канд. филос. наук / Н.С. Токарь. – Краснодар, 2006. – 139 с.
14. Тощенко, Ж. Парадоксы и противоречия правового сознания / Ж. Тощенко // Безопасность Евразии. – 2002. – № 3. – С. 561–575.
15. Франц, А.Б. Мораль и власть (полемические заметки) / А.Б. Франц // Философские науки. – 1992. – № 3. – С. 3–10.
16. Хазамов, М.О. Правовой нигилизм как фактор угрозы социальной безопасности России: дис. ... канд. филос. наук / М.О. Хазамов. – Краснодар, 2006. – 148 с.
17. Ховрин, А.Ю. Государственная молодежная политика: синтез патернализма и социального партнерства / А.Ю. Ховрин // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 1. – С. 121–138.
18. Шафиров, В.М. Естественно-позитивное право (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юр. наук / В.М. Шафиров. – Нижний Новгород, 2005. – 59 с.
19. Шубина, О.Б. Правовая культура как элемент культуры общества: дис. ... канд. юр. наук / О.Б. Шубина. – СПб., 2004. – 167 с.

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В СССР. 1940-1980 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Ислам, СССР, духовенство, Среднее Поволжье, 1940–1980 гг.

Для современной России, идущей по пути гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, особенно важно учитывать исторический опыт государственно-исламских отношений, культурного наследия и идейных традиций мусульман России. Однако, несмотря на явный интерес к исламу в России, к исламскому фактору в ее внешней и внутренней политике, российское мусульманство и его взаимоотношения с властью остаются малоисследованным феноменом, в связи с чем вопрос о служителях исламского культа приобретает особую актуальность.

В работе впервые предпринята попытка изучить эволюцию, направления и специфику деятельности мусульманского духовенства Среднего Поволжья в ритуальной сфере, кадровой политике, проповеднической области, административно-хозяйственном направлении и т. д. в 1940–1980-е гг.

Мусульмане считают ислам наиболее «демократичной» религией, поскольку, в отличие от христианства, иудаизма и буддизма, у последователей ислама нет так называемого штатного духовенства; отсутствует церковь как таковая с ее жесткой иерархией и четкой структурированностью; не существует единого религиозного центра или общепризнанного лидера, как патриарх у православных или Папа Римский у католиков.

Руководство служителями исламского культа и верующими мусульманами Среднего Поволжья находилось в ведении Центрального Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири (г. Уфа).

Средневожское исламское духовенство было представлено муллами (имамами) и муэдзинами. В середине 1940-х гг. в Татарской АССР было официально зарегистрировано 18 мулл, к 1954 г. их количество сократилось до 9, в 1956 г. стало 11; численность мусульманского духовенства Пензенской области с послевоенного времени резко увеличивалась до середины 1960-х гг. (с 5 до 11 чел.), затем до середины 1980-х гг. оставалась достаточно стабильной (11–10 чел.); муэдзины при мечетях до 1960-х гг. отсутствовали; в Ульяновской области на протяжении данного периода количество зарегистрированных служителей исламского культа варьировалось от 5 до 8, обязанности муэдзина в зарегистрированных мечетях часто «выполняли разные лица из числа верующих»; в Куйбышевской области в середине 1940-х гг. было 7 мулл, к концу 1950-х гг. их насчитывалось 20 [1. Д. 4 : 24. Д. 7 : 29-об; 2. Д. 26 : 187; 3. Д. 55 : 8; 4. Д. 30 : 1].

Параллельно с зарегистрированными имамами в Среднем Поволжье существовали «самозванные», или «нелегальные», муллы, которые занимались отправлением религиозных обрядов, главным образом в сельской местности (в Куйбышевской области в начале 1950-х гг. было известно о 12 «самозванных» имамах; в Татарской АССР в 1961 г. насчитывалось 379 так называемых «бродячих» мулл и т. д.) [4. Д. 30 : 74–147].

Главными проблемами мусульманского духовенства Среднего Поволжья были преклонный возраст имамов, отсутствие мулл в некоторых селах, недостаточный уровень образования священнослужителей. Зарегистрированные служители мусульманского культа Среднего Поволжья характеризовались слабой включенностью в общественно-производственную де-

тельность, продолжительным стажем духовной деятельности, пожилым возрастом, практически отсутствием какого-либо светского образования и наличием хотя бы минимального духовного. Так, в середине 1950-х гг. в Татарской АССР из 9 зарегистрированных мулл только 2 были заняты на производстве, в колхозе и в учреждении; 2 исполняли культовые обязанности еще до революции 1917 г., 2 – с предвоенного времени, 5 – с 1941 г.; возраст одного священнослужителя – от 40 до 59, остальных – 60 и старше; у всех нижешее общее образование; 2 – высшее духовное образование, 5 – среднее, 2 – низшее [1. Д. 7 : 47-об]. Аналогичной была картина в Куйбышевской, Пензенской и Ульяновской областях [1. Д. 26 : 197; 3. Д. 84 : 66].

К концу 1960-х гг. в практике мусульманского духовенства явно наблюдаются кризисные тенденции, которые очень точно выразил уполномоченный Совета по делам религий по Куйбышевской области: «Муллы-профессионалы, имевшие богословское образование, давно вымерли. Сейчас в качестве мулл трудятся колхозники-пенсионеры, которые по уровню своего развития ничем не отличаются от остальных верующих. ... Имеют преклонный возраст, Коран и богословие знают слабо. Избираются они общими собраниями верующих как наиболее авторитетные и уважаемые граждане села. Но поскольку за их спиной прожитая жизнь, они хорошо знают быт и запросы верующих, а потому умело находят с ними общий язык» [4. Д. 13 : 35. Д. 15 : 26].

Служители культа и сами верующие понимали бесперспективность данного положения и предпринимали серьезные усилия для исправления ситуации. В результате уже к началу 1980-х гг. в Татарской АССР почти каждый шестой представитель духовенства имел среднее или высшее духовное образование, началось омоложение кадров. В Пензенском регионе к 1986 г. из 13 служителей исламского культа 2 были в возрасте до 40 лет; 1 имел высшее духовное образование [2. Д. 125 : 21].

Мусульманское духовенство в своей религиозной деятельности вынуждено было считаться с тем обстоятельством, что СССР являлся страной массового атеизма, что далеко не все население в силу разных причин составляли верующие. Все это стимулировало поиск новых методов и форм религиозной пропаганды и обуславливало снижение уровня требований к верующим в плане соблюдения религиозных обрядов и традиций. Как следствие, в 1969 г. при прохождении мусульманского праздника Курбан-байрам в Татарской АССР муллы разъясняли верующим, что для работающих граждан достаточно участия лишь в основной кратковременной части молитвы пророка, не занимающей много времени, после чего можно покинуть мечеть [6. Д. 40 : 5]. Особо подчеркивалась необязательность соблюдения поста для беременных, кормящих матерей. Для Среднего Поволжья фактически в прошлом осталась практика чтения полного текста Корана («хатм Коран»), хотя отдельные эпизоды чтения Корана на арабском языке присутствовали (Куйбышевская область) [4. Д. 30 : 179].

Одной из важнейших обязанностей служителей мусульманского культа была проповедническая деятельность. Уполномоченный Совета по Ульяновской области С.М. Агафонов верно определил содержание и задачи проповедей служителей мусульманского культа: «Цель проповеди – удерживать и закреплять веру не только за теми, кто посещает мечеть, но и за их семьями» [3. Д. 84 : 14]. Анализируя публичные выступления мулл Татарской АССР, уполномоченный давал им следующую характеристику: «В своих проповедях имамы мечетей, проявляя лояльность и уважение к конституционным требованиям и одобряя внешнюю и внутреннюю политику Советского государства, призывали верующих к строгому соблюдению догматов ислама, утверждали, что не всякий добродетельный поступок является истинным добром, а только такой, который сотворен глубоко верующим человеком: что нет и не может быть настоящей нравственности без веры в Аллаха, и поэтому-де религия необходима и при социализме; что нормы морали социалистического общества совпадают с нрав-

ственными предписаниями ислама, а положения ислама и его обряды подтверждаются научными данными»

[1. Д. 99 : 90]. Постоянно в богослужениях, особенно в сельской местности, звучали наставления о вреде курения, пьянства, морального облика верующего, о воспитании детей и т. д. В мечети г. Чистополя Татарской АССР имам Н.М. Мофлюхунов говорил: «Водка – мать безобразных дел, начало всех грехов. Алкоголик разрушает религию ислам. Тот, кто дает деньги алкоголику, подобен соучастнику в убийстве» [1. Д. 93 : 47]. Данные сюжеты были актуальны для верующих мусульман и, что особенно важно, доступны для восприятия и понимания. Так, один из ульяновских мусульман сказал уполномоченному следующее: «Я не могу перевести то, что зачитывал мулла из Корана, но я хорошо понял те его слова, которые он сказал на нашем языке, слова о примерном поведении, о доброте, скромности, о дисциплине. Это неплохо. Так же и мы должны воспитывать своих детей». Подобные поучения и притягивают людей в мечети» [3. Д. 133 : 32].

Особое внимание в публичных выступлениях священнослужители мусульманского культа обращали на единство национального и религиозного: имам казанской мечети З. Сафиуллин на праздник Ураза-байрам (1982 г.) говорил: «То, что мы сегодня испытываем великую радость, существуем как великая нация – все это только благодаря благословенному исламу. И если мы отступимся от своей веры, упаси Аллах, то окончательно затеряемся среди других наций. Слава Аллаху, наше будущее возможно только под сенью нашей религии» [1. Д. 111 : 55].

С середины 1970-х гг. в проповедях духовенства Среднего Поволжья сильным лейтмотивом стали призывы к миру, что было связано с изменением международной обстановки. Так, в дни праздника Курбан-байрам 1977 г. в выступлениях мулл сельских мечетей А. Ахметвалеева (с. Новое Узеево Татарской АССР), З. Галиуллина (с. Старые Киязлы Татарской АССР), Н. Нурмухаметова (с. Курманаево Татарской АССР) особое внимание было уделено вопросам «борьбы народов за мир и посильное участие в ней верующих мечети», «мира на земле»

и т. п.

[1. Д. 81 : 129–130]. Муллы мечетей г. Ульяновска В. Наруллов, с. Абдреево М. Хайруллин призывали верующих помолиться за правительство и «выражали пожелание ему и впредь заботиться о мире и не допускать войны» [3. Д. 124 : 2].

В общей же своей массе проповеди исламского духовенства Среднего Поволжья носили достаточно однообразный характер, повторялись из года в год, в них использовались, как правило, одни и те же аяты и высказывания из хадисов: мулла казанской мечети Х. Яруллин (Татарская АССР) текст праздничной проповеди в неизменном виде использовал 6 лет, мулла бугульминской мечети Г. Хамидуллин (Татарская АССР) более 8 лет выступал с одним и тем же текстом [1. Д. 81 : 2]. Ситуацию весьма красноречиво обрисовал имам с. Степное Озеро Н. Шаяхматов (1981 г.): «...Я выступаю с одной и той же проповедью с 1946 года. Она нас вполне устраивает. Потому что верующие никакого духовного образования не имеют и в мечеть ходят два раза в год. Вообще наша проповедническая деятельность затухает. Или им говоришь, или стенам – одно и то же» [1. Д. 105 : 65]. Безусловно, некоторые конъюнктурные моменты присутствуют, но в целом довольно объективно представлена картина. По мнению уполномоченного Совета по Татарской АССР И.А. Михалева, причина данного явления крылась в том, что «абсолютное большинство мулл – религиозные самоучки, имевшие низкий уровень общеобразовательной подготовки, кроме того, в настоящее время значительно ослаблены связи духовенства с муфтием, и он не рассылает праздничных посланий» [6. Д. 40 : 7]. Следует отметить, что верующие далеко не всегда принимали столь низкий уровень «компетентности» служителей культа: в 1969 г. в г. Чистополе (Татарская АССР) во время проповеди муллы Н.М. Мофлюхунова в праздник Курбан-байрам раздавались реплики «Это мы уже слышали», «Ничего нет нового» и т. п. [6. Д. 41 : 20].

В связи с преклонным возрастом мусульманского духовенства и в силу их слабой «профессиональной» подготовки некоторые из мулл не выступали с религиозными проповедями, а ограничивались поздравлениями верующих с праздниками и высказыванием пожеланий им благополучия и мира (особенно часто данное явление встречалось в Куйбышевской, Пензенской и Ульяновской областях), зачитывали послания муфтия ДУМЕС или поздравительные телеграммы от религиозных объединений (Татарская АССР) [1. Д. 99 : 90].

Служители мусульманского культа осознали, что без преемственности поколений нет будущего ни у одной мировоззренческой системы, исходя из чего мусульманское духовенство активнее начало уделять самое пристальное внимание приобщению к вере в Аллаха детей, подростков, юношей. С конца 1940-х гг. со стороны отдельных представителей мусульманского духовенства Пензенского и Куйбышевского регионов отмечалось стремление к организации специального преподавания ислама в мечетях для подрастающего поколения, мотивируя это тем, что «мы, старики, умрем, и Коран читать будет некому» [4. Д. 3 : 7. Д. 4617 : 103]. Данная практика вскоре дала свои результаты: в 1961 г. бывшие учащиеся Средне-Елюзанской средней школы А.Ш. Бибарсов и Я.Х. Дебердеев подали заявления о принятии их на учебу в Бухарское духовное училище; в начале 1980-х гг. 7 молодых людей Татарской АССР обучались в Бухарском медресе, причем некоторые из них были членами ВЛКСМ, служили в рядах советской армии [1. Д. 105 : 40].

Начиная с 1950-х гг. мусульманское духовенство, пытаясь «модернизировать свое религиозное учение и вопреки ранее принятым обычаям, открыто стало привлекать женщин-татарок в мечети» [5. Д. 5 : 132]. Мухтасиб Я.С. Юсупов поощрял посещение женщинами мечетей, считая, что запрещение «Корана в данном отношении устарело, поскольку именно через семью, через женщину идет воспитание с детства религиозного убеждения в ребенке». Мулл, которые уклонялись от привлечения женщин в мечети, он называл «твердолобыми» [5. Д. 5 : 85]. В 1960-х гг. обыденной практикой стало присутствие на намазах в мечетях женщин в Татарской АССР [6. Д. 41 : 5]; в г. Куйбышеве на жертвоприношениях вместе с мужчинами собирались и женщины (в сельской местности области – раздельно) [4. Д. 9 : 72].

Имам пользовался фактически непререкаемым авторитетом среди населения. Так, в 1946 г. в с. Новое Усманово Камышлинского района Куйбышевской области колхозники в дни Уразы-байрам вышли на работу только после призыва муллы, проигнорировав все предварительные атеистические мероприятия властей [4. Д. 3 : 2-об].

В Среднем Поволжье особо почиталось приглашение имама на дом для совершения молитвы, особенно в дни религиозных праздников – «разговение», «гостевание», что получило особое распространение в Ульяновской и Куйбышевской областях. Приглашение муллы на дом было дорогостоящим мероприятием: по оценке имама г. Ульяновска Мухаметова, каждый такой «вызов» в 1968 г., сопровождавшийся, как правило, обильным ужином и чаепитием, обходился хозяевам и организаторам в сумму не менее 50 руб. [3. Д. 96 : 139].

Вывод, сделанный уполномоченным Совета по Пензенской области в 1960 г., оставался актуальным на протяжении всего периода: «Мусульманское духовенство всячески стремится разжечь религиозный фанатизм среди населения» [2. Д. 5 : 130]. Так, уполномоченный по Куйбышевской области еще в начале 1950-х гг. отмечал наличие «среди мулл и таких, которые до сих пор не смирились с колхозным строем» [4. Д. 3 : 3-об]. Мулла Бакаевской мечети Камышлинского района А. Галимов сознательно проводил богослужения во время сельскохозяйственных работ с целью их срыва, в частных беседах проводил «свои антиколхозные толкования» [4. Д. 3 : 3-об]. В конце 1970 – начале 1980-х гг. верующие г. Чистополя Татарской АССР открыто выражали недовольство действиями, вернее, недействиями муллы Н.М. Мофлюхунова, который «отказывался отпевать погибших при исполнении воинского долга», поскольку «эти люди преждевременно ушли

из жизни не в боях за ислам, а по иным причинам», не скрывал своего неприязненного отношения к членам КПСС и ВЛКСМ, осуждал интернациональное общение граждан, препятствовал заключению смешанных браков и т. д. [1. Д. 136 : 41–42]. По замечанию уполномоченного Совета по Пензенской области, противостояние с мусульманским духовенством иной раз достигало такой остроты, что последний вынужден был предупреждать священнослужителей о принятии к нарушителям советских законов о культах мер воздействия вплоть до снятия их с регистрации [2. Д. 5 : 132]. В 1959 г. был снят с регистрации «как антисоветский человек» мулла с. Благодаровка Челно-Вершинского района Куйбышевской области И.С. Яхин; в 1961 г. принудительно «уволили» имам-хатыба мечети с. Камышла Куйбышевской области Т. Ахметшина за несоблюдение советского законодательства [4. Д. 32 : 68–70. Д. 37 : 62–63] и т. д.

В целом же, постепенно к концу 1960-х гг. религиозная практика служителей мусульманского культа в Среднем Поволжье стабилизируется, «антисоветские» крайности в их деятельности встречаются все реже. Да и само Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири «проводит очень осмотрительную политику, во внутреннюю жизнь религиозных обществ по существу не вмешивается...», требует «строгости соблюдения советских законов и пресечения деятельности религиозных фанатиков и шарлатанов» [4. Д. 3 : 24. Д. 41 : 67].

Таким образом, мусульманское духовенство развивало активную деятельность, применяя самые разнообразные методы работы среди населения. Важнейшим элементом религиозной практики исламского культа являлась проповедь. Эффективность проповедей мусульманского духовенства была, поскольку звучавшие в них сюжеты о любви к Родине, укреплении семьи, ведении здорового образа жизни, формировании трудолюбия отвечали обыденным запросам верующих, были им понятны и близки, в свою очередь, попутно доказывали единство ценностей ислама и общечеловеческих. Но тем не менее кризисные тенденции ощущались, поскольку советская действительность явно не благоприятствовала распространению религиозности. Служители исламского культа также говорили в своих выступлениях о лояльном отношении к социалистическому строю, одобрении внешней и внутренней политики КПСС и Советского правительства в целом, что, с одной стороны, обеспечивало относительно комфортные условия существования, с другой – частично приводило к ослаблению атеистической работы на местах, распространению религиозного мировоззрения и способствовало поддержанию влияния служителей исламского культа.

Мусульманское духовенство Средневолжского региона ориентировалось на максимальное приспособление идеологии ислама и деятельности религиозности объединений к условиям социалистического общества, модернизацию религиозных догматов Корана, сближение социально-нравственных принципов ислама и коммунизма, религии и культуры. Служители мусульманского культа стремились адекватно реагировать на происходившие изменения в советском обществе; и для укрепления базы среди верующих исламские священнослужители активно вовлекали в свою веру молодежь и делали послабления для активной части населения, в том числе и женщин всех возрастов.

Муллы, будучи в основной массе толерантными в отношении советской власти, все же иногда вступали в открытое противостояние как по принципиальным вопросам веры (главным образом в Татарской АССР и Куйбышевской области), так иногда и из корыстных побуждений.

Архивные материалы

1. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р–873. Оп. 1.
2. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 2392. Оп. 1.
3. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р–3705. Оп. 1.

4. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. Р-4089. Оп. 1.
5. ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1.
6. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 2.
7. ГАПО. Ф. 148. Оп. 1.

СВОБОДА И ЦЕННОСТЬ ПРОШЛОГО

Философия, Гегель, время, свобода, воля, прошлое.

Философия, по мнению Гегеля, исследует то, что обычно считается известным. Едва ли это верно для всей философии, но одного из ее важнейших разделов – учения о природе времени – верно безусловно. Вот почему для восприятия этого учения достаточно повседневного опыта. Профессиональное исследование отличается здесь от непрофессионального лишь методом. Так же можно рассматривать проблему объективности времени. На грани совмещения обыденных представлений о времени и современных сложных темпоральных конструкций.

В чем смысл проблемы? Спор о реальности отдельных моментов времени едва ли достиг бы того накала, который ощущается, например, в обсуждении временного парадокса Дж. Э. Мак-Таггарта, если бы он не был связан с проблемой свободы. Действительно, если времени как изменения нет, то и воля человека несвободна. Следовательно, все добрые и злые поступки человека *уже* совершены, «ждут» его где-то в будущем, а значит, и жизнь не зависит от его усилий. Таков этический итог статической теории времени. С другой стороны, любой момент настоящего по закону свободной причинности вносит свой вклад в конструирование и преобразование как прошлого, так и будущего. С точки зрения Дж. Э. Мак-Таггарта и его последователей, это ставит под сомнение саму возможность познания. Волюнтаризм – таков этический итог динамической теории времени. Во всяком случае, так это выглядит с точки зрения обыденного мышления.

Напомним историю вопроса о свободе воли. Свободной называется причина, не являющаяся ничьим следствием. Разумеется, речь идет не об абсолютной свободе, как заметил еще Б. Спиноза, а только об относительной, то есть о воле человека [Спиноза]. Других претендентов на роль свободной причины вроде бы нет.

И. Кант сделал еще один шаг в развитии этого понятия свободы. Он различил свободную причину и свободную причинность. Свободная, она же необходимая, причина порождает материю следствия и определяет его форму. Свободная же причинность порождает только материю следствия. Форма (структура, определенность) следствия причиной не детерминруется [Кант 1964 : 418]. Это особенно понятно при изучении волевого акта: его можно представить как такой ответ на внешнее воздействие, форма которого этим воздействием не определяется. Хочется привести пример из области психиатрии: одни параноики убивают своих мнимых врагов, а другие их великодушно, по-христиански прощают! Воздействие на их выбор (болезнь) было материальным по содержанию, но форму, в которой они отвечали на такое воздействие, они выбирали сами. У больных не было свободы выбора, но была свобода отношения.

Таким образом, о свободной причине можно говорить в двух смыслах. Первый – спиновский – как причина без причины. Второй – кантовский – охватывает два значения. Это необходимая свобода, где свободы фактически нет, и собственно свободная причинность (нет свободы выбора, но есть свобода отношения). Эта последняя свобода выглядит слишком узко, и Кант дополняет ее трансцендентальной свободой из мира «вещей в себе». Зафиксируем этот ключевой момент в наших рассуждениях словами Канта: «...та сторона вопроса о свободе воли, которая всегда приводила в такое затруднение спекулятивный разум... сводится исключительно к тому, должна ли быть допущена способность *само собой* начинать некоторый ряд следующих друг за другом вещей или состояний» [Кант

1964 : 422]. Эту абсолютную свободу в Спинозовском смысле (причина, не являющаяся ничьим следствием) И. Кант удаляет из материального мира. На наш взгляд, следовало бы обратиться именно к «свободе отношения». Такая свобода в полном объеме существует только в прошлом.

Прошлое нередко понимается как нечто ускользающее, несуществующее. Тяжелой мегильной плитой на прошлом лежит сентенция Аристотеля: время вряд ли можно назвать чем-то существующим, одной его части уже нет, другой еще нет...

Есть еще одна причина, по которой прошлое с такой охотой признается несуществующим. Прошлое нельзя изменить, поэтому оно объективно. Деятельная природа человека не может с этим смириться. Ведь потребности человека тоже объективны. Удовлетворить потребность – значит сохранить порождающую ее сторону личности, не удовлетворить – значит разрушить ее. Потребность – это первое звено, соединяющее человеческую волю с объективной необходимостью. Конечно, не любая объективная необходимость может быть превращена в потребность. Есть такие необходимости, которым человек тем не менее вынужден подчиняться. Например, неизбежность смерти. В современной танатологии даже говорят не «проблема смерти», а «тема смерти».

Есть еще одна тонкость в понимании прошлого. Мы зачастую путаем настоящее и прошлое, потому что и то и другое можно пережить, почувствовать и познать. У прошлого и настоящего есть один общий признак: и то и другое выражается в определении. И они подчиняются законам логики. Но настоящее можно познать и можно изменить. Прошлое можно только познать. На прошлое падает тень настоящего, возникает иллюзия, что оно тоже поддается изменению.

Эта иллюзия в науке носит имя механического детерминизма. К сожалению, всевидящий демон Лапласа может учесть все события прошлого, которые повлияли на выбор настоящего, но даже он не может восстановить на практике ситуацию выбора. Только мысленно можно восстановить состояние универсума, существовавшее в момент принятия решения. Даже демон Лапласа не может нарушить закон возрастания энтропии, который неумолимо отделяет прошлое от настоящего.

Недаром говорят, самое страшное слово – «если бы...». В настоящем есть возможность выбора, в прошлом – нет. В этом смысле прошлое абсолютно, настоящее – относительно. Но с абсолютным, с необходимостью можно смириться. Печальнее другое. В неустойчивых неравновесных системах случайное, даже глупое событие может повлиять на выбор той или иной возможности. Но эта глупость или случайность застывает в прошлом навсегда.

И теперь у потомков, да и у тех, кто творил историю, неважно, историю страны, города или свою личную, есть только две возможности. Первая – признать, что жизнь, построенная на ошибке, прошла зря. Вторая – придать случайности статус необходимости или судьбы. Поэтому родители хотят и в то же время не хотят, чтобы дети повторяли их судьбу. В первом случае жизнь, построенная на случайности, получает дополнительный смысл в повторении или, как говорят буддисты, в «колесе сансары». Но одновременно эта же самая жизнь теряет смысл. Впрочем, есть еще одна, логическая возможность, о которой, как правило, забывают. Так как из лжи может следовать что угодно, а именно как истина, так и ложь, то жизнь, построенная на ошибке, может оказаться правильной. В этом случае вступает в действие, как говорят психологи, механизм репрессии. Негативные воспоминания вытесняются в область подсознания, то есть забываются. Поэтому прошлое, например детство, кажется лучше настоящего. И если его нельзя изменить, то можно исказить. Искажение памяти – это искажение истории, неважно, личная это история или история общества. История прошлого переписывалась человеком много раз, и такое искажение вело к потере прошлого в различной степени. Но прошлое возвращалось к нему, причем чем больше терялось прошлого, тем выше была цена за такую потерю.

Г. Гегель, К. Маркс, З. Фрейд обнаружили в настоящем жизнь прошлого: Гегель – в сфере духа, Маркс – в материальной сфере, особенно в социально-экономической деятельности человека, Фрейд – в сфере индивидуально-психологической деятельности.

Память – это одна из форм прошлого, в которой оно дано человеку в настоящем. Такая память могла существовать и существовала как совокупность предметов: в письменной и печатной форме, в форме деятельности людей и, наконец, в форме результатов их деятельности в прошлом, где настоящее сохраняет накопленное прошлое. Память в виде субъективной способности подвержена исчезновению, если она не подхвачена другими индивидами или не передана действиями индивида предметам. В такой субъективной форме содержательное прошлое редуцируется до просто прошедшего и исчезает.

Вряд ли Эрих Фромм был прав, когда утверждал: «Бытие существует только здесь и сейчас. Обладание существует только во времени – в прошлом, настоящем и будущем [Фромм 1986 : 153]. «Здесь и сейчас» – это временная характеристика настоящего. Но это, как мы считаем, можно сказать и о прошлом. Когда мы посещаем музей, то «здесь и сейчас» созерцаем прошлое. Настоящее, по выражению Э. Гуссерля, интенционально, направлено на реальность, а эта только реальность прошлого. Причем прошлое существует «здесь и сейчас» не только в музее. Оно существует в книге – предметной форме языка, в здании – в качестве опредмеченного труда строителей, которых, возможно, уже нет в живых, и т. д. Прошлое оживает в деятельности человека «здесь и сейчас» и принадлежит человеку и как обладание, и как бытие. Э. Фромм очень интересно описывает соотношение прошлого с психологическим состоянием человека, который оживляет прошлое своими сильными переживаниями [Фромм 1986 : 153–156].

По нашему мнению, человек реально никогда не выходит за границы прошлого, поэтому он даже в настоящем не находится вне прошлого. Он не нуждается в том, чтобы втащить прошлое в настоящее, как это делает актер на сцене. Оно (прошлое) присутствует везде и всегда, где есть человек. Мир человека – это его прошлое, а прошлое есть его мир. Он может жить в своих мечтах, но источником содержания каждой его мечты является прошлое. Чем больше, насыщеннее прошлое человека, тем выше он развит. Обедненное прошлое приближает человека к состоянию животного. Что стоит, например, обедненная архитектура спальных районов или убогий интерьер тюрем. Интерес человека к своему прошлому и даже к своей родословной, как ни странно, часто – основа его нормальной жизни, а не просто выживания. Даже в индивидуальной жизни неблагодарность одного человека по отношению к другому есть надругательство над прошлым, когда неблагодарный получил добро от другого. Пренебрежение прошлым есть признак примитивности. Это означает, что теряется понятие вины, заслуги, ответственности и в конечном счете теряется само понятие свободы.

Мы привыкли считать, что прошлое ограничивает нашу свободу. Избавляясь от прошлого, мы думаем, что становимся свободнее, чем были вчера и сегодня. На самом деле такую операцию с нами проделывает природа уже в момент нашего рождения: опыт прошлых поколений не передается полностью на генетическом уровне. Отчасти это – благо. Кому нужен негативный опыт страдания, боли, унижения, нищеты? Но обучение прошлому тоже начинается в момент нашего рождения, это опыт социализации, очищенный и потому в некотором смысле более совершенный. Не зная этого прошлого, мы постоянно будем «изобретать велосипед», «наступать на одни и те же грабли» и т. д. Это прошлое – основа нашей свободы, причем свободы актуальной, которая совершается здесь и сейчас.

Библиографический список

1. Спиноза, Б. О человеческом рабстве или о силах аффектов / Б. Спиноза // www.philosophy.ru.library.spinosa.

-
2. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант // Кант, И. Сочинения. В 6 т. – М., 1964. – Т. 3. – С. 418–422.
  3. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1986. – С. 153–156.

ЗНАЧЕНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ МАНИПУЛЯЦИИ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ

Манипуляция массовым сознанием, средства массовой коммуникации, информационное общество.

Во второй половине XX в. в результате разработки новых технологий и накопления знаний, их широкого распространения среди населения началось формирование информационного общества. Главным фактором общественных изменений становятся производство и использование информации. Также системообразующими признаками являются: развитие сложных информационных технологий, изменение принципов социальной стратификации, деструкция стоимостных отношений, возрастание роли организации и управления в общественной жизни. В совокупности эти обстоятельства образуют новый синергетический эффект, обуславливающий формирование нового общества [Корогодин, Корогодина 2000 : 11].

Сегодня мир находится в фазе становления информационного общества. Все новые достижения логической информации и основанных на ней технологий уже практически полностью объединены в единый информационный пул и единую технологическую систему планеты. Этому соответствует такое же объединение индивидов в разных регионах земного шара. Ведущая роль информации в этом процессе очевидна и не требует доказательств.

Термин «массовое сознание» трактуется довольно широко и чаще всего синтезирует в себе духовные образования, порожденные отдельными людьми, группами, коллективами. Оно представляет собой совокупность суждений, взглядов, идей, доминирующих в обществе в определенный временной период. Многие исследователи массового сознания склонны к тому, что общественное сознание есть некая арифметическая сумма духовных достояний множества индивидов. Оно выступает как целостная духовная система, которая выражает наиболее значимые черты, присущие конкретной социальной группе. При этом оно подвержено формированию и регулированию посредством множества факторов, среди которых в сегодняшнем информационном обществе нет более влиятельного института, чем средства массовой информации [Суслов 2004 : 170]. Информационная среда, меняя сложившиеся стереотипы, парадигмы и установки деятельности, не только отражает глобальную политику по формированию развитого общества, но и качественно трансформирует ее.

Внешним выражением общественного сознания, по мнению ряда исследователей, является общественное мнение, под которым понимаются способ формирования массового сознания и отношение (скрытое или явное) различных групп людей к событиям и процессам, происходящим в жизни, затрагивающим их потребности и интересы. Формирование и развитие общественного мнения происходят либо планомерно, под воздействием на массовое сознание политических институтов и социальных учреждений, либо стихийно – под влиянием жизненных обстоятельств, стереотипов, опыта и традиций.

В поле зрения общественного мнения попадают в основном лишь те проблемы и факты, которые вызывают общественный интерес, допускают многозначное толкование и возможность дискуссии. По структуре общественное мнение может быть монистичным, единодушным [Ницше 2005 : 76], и плюралистичным, включающим ряд не совпадающих друг с другом точек зрения.

Формирование общественного мнения с помощью коммуникационных технологий очень эффективно. Используя возможности информационно-психологического воздействия, можно с легкостью моделировать реакцию на события определенных социальных групп. В процессе информационно-психологического воздействия население становится носителем нужной идеологии, что дает возможность в полной мере использовать средства производства, рабочую силу, инфраструктуру в целях субъекта манипулятивного воздействия. Для достижения наибольшего эффекта в психологическом подчинении масс посредством передачи информации предпочтительно охватить как можно более широкую аудиторию, что можно достичь за счет нескольких факторов. Во-первых, за счет технических средств коммуникации, во-вторых, максимальной доступности (понятности) информации. До начала XX столетия газеты и журналы служили основным средством формирования общественного мнения. Что касается соотношения общественного мнения и общественного сознания, то следует подчеркнуть, что последнее в связи с его природой сложнее поддается изменению, поэтому главную роль в формировании общественного сознания поначалу играли книги. Но для того чтобы получить информацию из книги или газеты, необходимо уметь читать. Следовательно, низшие страты были выключены из процесса коммуникации посредством печатных СМИ. Ситуация изменилась с появлением радио – первого по-настоящему массового средства информирования населения, когда практически любой индивид получил возможность воспринимать информацию.

После Второй мировой войны наступила новая фаза в развитии технологий формирования общественного сознания. И сегодня телевидение является сильнейшим по своему воздействию средством информационно-психологического манипулирования массами. Эффективность телевидения объясняется тем, что в процесс восприятия, кроме органов слуха, вовлечены органы зрения, через которые человек получает основную долю информации. Возможности телевидения позволяют охватить большое количество населения и передать максимальное количество информации в том виде, в котором она наиболее легко усваивается, оказывая наибольшее воздействие.

В результате множества научных открытий в 1969 г. в США впервые соединили в компьютерную сеть ARPANET 4 организации. В 1988 г. был изобретен протокол Internet Relay Chat (IRC), благодаря чему в Интернете стало возможно общение в реальном времени (чат). Процесс непрерывного развития данной сети привел к тому, что сегодня число пользователей достигло миллиарда человек. Следует отметить, чтобы достичь 50 миллионов слушателей, радио понадобилось 38 лет. Телевидение набрало такую аудиторию за 13 лет. А 50-миллионный пользователь сети Интернет был зарегистрирован всего лишь через 5 лет [Всемирный разум 2005 : 472]. Сегодня сеть Интернет выполняет огромное количество функций. Основная из них – передача информации.

Таким образом, избежать получения информационных потоков практически невозможно, где бы ни находился объект их воздействия. Большую роль сыграло изобретение переносных радиоприемников, телевизоров, компьютеров и мобильных средств связи. Индивиду приходится принимать огромное количество информации на веру, так как человек далеко не всегда имеет возможность проверить достоверность получаемых сведений. Именно огромные объемы получаемой информации и невозможность их осмыслить и оценить заставляют индивида действовать в рамках, определенных для него манипулятором.

Таким образом, средства массовой информации в жизни современного общества играют опасную роль, когда подменяют свою изначальную функцию информирования населения на выполнение задач по формированию определенных мнений, представлений и взглядов. Некоторые исследователи выделяют два основных подхода к пониманию роли СМИ в обществе. Сторонники либерального подхода считают, что все, что происходит интересного и важного для населения, должно быть отражено в новостях. Так называемая социально-от-

ветственная функция СМИ подразумевает использование информации для поддержания основ общества и воспитания индивидов с целью совершенствования их как социальных субъектов.

Такого рода подход, как правило, характерен для обществ, где СМИ подконтрольны государству. Критики этого подхода считают, что журналисты и редакторы не могут выступать арбитрами, определяющими социальные ценности в обществе, в котором существуют различные точки зрения [Цуладзе 2005 : 15]. В этой связи уместно привести слова Э. Денниса, предполагающего, что «СМИ “формируют” наше мышление, “воздействуют” на наши мнения и установки, “подталкивают” нас к определенным видам поведения, например, голосованию за определенного кандидата» [Деннис 1997 : 139].

Другие ученые считают, что влияние СМИ на поведение граждан осуществляется путем создания определенного общественного мнения. «Благодаря возможности придавать общественному мнению массовость, СМИ обладают способностью управлять и даже манипулировать им» [Кузьмен 1996 : 34].

В научных кругах особое внимание феномену манипуляции массовым сознанием стало уделяться во второй половине XX в. Проводились исследования видов, механизмов и методов манипуляции массовым сознанием, а также последствий скрытого воздействия. В основном этот круг вопросов изучался представителями таких наук, как социология, психология и политология.

Однако до сих пор многие ученые указывают на неразработанность определения «скрытое воздействие». В научных кругах понятия «манипулирование» и «скрытое воздействие» часто употребляются как синонимичные. Обычно термин «манипулирование» семантически воспринимается отрицательно и ассоциируется с нарушением прав личности, нанесением ущерба сознанию или жизни индивида, определяется как явление деструктивное и аморальное.

Контент-анализ научных работ по данному вопросу позволяет выявить несколько главных характеристик процесса манипулирования. Манипуляция определяется как: «общественное и государственное культивирование ситуаций посредством целенаправленного управления с тем, чтобы решающим образом формировать общественную структуру» (Г. Шишков); «духовное управление человеком, обусловленное воздействием иррациональных и эмоциональных средств и аргументов: в политике – обращение к нации, любви к отечеству, к крови, расе, чести» (Элвайн); «психическое воздействие, которое производится тайно, а следовательно, в ущерб тем лицам, на которых оно направлено» (Franke); побуждение поведения посредством обмана или игрой на предполагаемых слабостях другого (Дж. Рудинов); скрытое принуждение, программирование мыслей и намерений, чувств, установок и поведения (Шиллер); скрытое применение силы вразрез с предполагаемой волей другого (Шостром).

Вместе с тем далеко не все исследователи уверены в таком тотальном влиянии СМИ. Д. Меррилл отмечает: «Возможно, средства массовой информации и обладают силой фокусировать наше внимание на определенных вещах, но это не та власть, которая заставляет действовать» [Паренти 1990]. Далее ученый развивает мысль: «...влияние СМИ состоит скорее в том, чтобы указывать обществу, о чем следует задуматься, а не в том, чтобы говорить ему, что следует думать...» Иными словами, власть СМИ во многом состоит в определении в каждый конкретный момент соответствующей «повестки дня».

Что же касается самого объекта информационно-психологического воздействия – индивидуума, то ему предоставляется определенное пространство для духовной деятельности. Это пространство – культура, и в современном мире навязывания стандартов поведения это чуть ли не единственная среда для человека, где он независимо формирует свое сознание и – как результат внутреннего анализа своих представлений – свое мнение относительно

происходящего вокруг. «Общество проявляет и осознает себя в культуре, которая является его непременным условием и результатом его существования. По ней можно судить о социальном портрете и духовном облике общества, внутренних стимулах его развития. Тесное взаимодействие социальной и культурной сфер, их взаимопроникновение является характерным и существенным признаком состояния духовной жизни общества» [Меррил 1997].

Таким образом, можно утверждать, что основная задача СМИ в настоящее время не столько информационная, сколько идеологическая. Не случайно поэтому средства массовой информации все чаще упрекают в манипулировании общественным сознанием и, соответственно, общественным мнением как внешним выражением сознания. По мнению М. Паренти, СМИ «отбирают большую часть информации и дезинформации, которыми мы пользуемся для оценки социально-политической действительности. Наше отношение к проблемам и явлениям, даже сам подход к тому, что считать проблемой или явлением, во многом предопределены теми, кто контролирует мир коммуникаций» [Бахтина 2004 : 7].

Итак, в настоящей работе мы приходим к следующим выводам. Во-первых, в современной России актуализировался вопрос о состоянии гражданского общества, то есть общества с развитым сознанием. Массовое сознание при этом мы определяем как совокупность идей, представлений, существующих в обществе на определенном этапе. Внешним выражением массового сознания является общественное мнение. Отметим, что в годы советской власти у населения сложилось абсолютное доверие к печатному слову. И до сих пор СМИ имеют наиболее сильное влияние на современное российское общественное сознание, формируя его и моделируя внешнее отражение. Во-вторых, общественное мнение в отношении тех или иных ситуаций может быть как реалистичным, так и иллюзорным – все зависит от того, какая именно информация (предоставленная СМИ) проникла в сознание гражданина и послужила источником того или иного мнения. В-третьих, формирование общественного сознания посредством коммуникации с использованием СМИ методов психологического воздействия становится наиболее эффективным и дешевым способом тотального контроля и манипуляции как внутри государства, так и за его пределами. Все зависит от того, кто фактически определяет информационный контент. В-четвертых, у индивидуума есть определенное пространство для независимого формулирования собственного мнения относительно окружающей его действительности – это его культура. В данном случае уровень культурного развития человека и следует считать показателем эффективности его защиты от сторонней манипуляции. В-пятых, современная роль СМИ стала скорее идеологической, чем информационной.

Библиографический список

1. Бахтина, М.Д. Культурное пространство / М.Д. Бахтина // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2004. – № 2. – С. 1–7.
2. Бессонов, Б.Н. Пропаганда и манипуляция / Б.Н. Бессонов // Реклама: внушение и манипуляция. Медиаориентированный подход / сост. Д.Я. Райгородский. – Самара: Изд-во Бахрах-М, 2001. – С. 704.
3. Деннис, Э. Беседы о масс-медиа / Э. Деннис. – М.: Вагриус, 1997.
4. Всемирный разум // Итоги. – 2005. – № 26 (28.06).
5. Корогодин, В.И. Информация как основа жизни / В.И. Корогодин, В.Л. Корогодина. – Дубна: Феникс, 2000. – 11 с.
6. Кузьмен, О.В. Социология общественного мнения / О.В. Кузьмен. – Новосибирск, 1996.
7. Ницше, Ф. Полн. собр. соч. Т. 12 / Ф. Ницше. – М., 2005.
8. Мерилл, Д. Беседы о масс-медиа / Д. Мерилл. – М.: Вагриус, 1997.
9. Паренти, М. Демократия для немногих / М. Паренти. – М., 1990.

Философия

---

10. Суслов, Е.В. СМИ как инструмент формирования общественного мнения в процессе становления гражданского общества: дис. ... канд. полит. наук / Е.В. Суслов. – М., 2004.
11. Цуладзе, А.М. Политические манипуляции, или покорение толпы, 2005 / А.М. Цуладзе // http://media.utmn.ru/library_view_book?chapter_num=10&bid=76#_ftn1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Массовая культура, мировоззренческое давление, стереотипы сознания.

В условиях массового производства, индустриализации и урбанизации проблема массовой и элитарной культуры обозначилась совершенно по-новому. Вместе с омассовлением производства и общественной жизни происходит и омассовление потребления во всех его формах. Наиболее характерно омассовление культуры в появлении так называемой индустрии развлечений, досуга и удовольствий. В этих условиях человек оказывается нивелированным, схожим со всеми другими как по своим желаниям и установкам, так и по образу жизни. Стандартные модели потребления предлагают усреднённые модели поведения человека. Человек утрачивает своё «я». Впервые опасность саморазрушения человека заметили О. Шпенглер, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет и другие исследователи.

Массовая культура, будучи одной из самых ярких проявлений социокультурного бытия современных развитых сообществ, является предметом пристального изучения и в настоящее время (Г.К. Ашин, А.П. Мидлер, К.Т. Теплиц, В. Шестаков, П. Козловски, Д. Белл, Ж.-Ф. Лиотар), тем не менее остаётся сравнительно малоосмысленным феноменом с точки зрения общей теории культуры. Настоящая статья преследует цель углублённого размышления о социально-функциональных характеристиках массовой культуры в русле её влияния на общественное сознание. *Системный метод* позволяет рассмотреть феномен массовой культуры как систему, элементы которой находятся в единстве, *структурно-функциональный метод* применяется при выделении и рассмотрении элементов, составляющих массовую культуру, выявлении роли каждого такого элемента в её функционировании; в этих целях широко используется *аналитический метод*.

Массовую культуру зачастую понимают ограниченно – как низкопробное зрелищное искусство, ориентированное на широкий рынок; многие сводят её к псевдокультуре или к простому китчу, который не обладает никаким художественным и эстетическим содержанием. Такое упрощённое представление о массовой культуре не в состоянии объяснить её огромное воздействие, которое ощущается во всём мире. Массовая культура – это не только произведения массового искусства, это и способы духовного потребления, и образ жизни, и язык.

Массовая культура примерно с середины XX в. становится одной из прибыльнейших отраслей экономики и даже получает соответствующие названия: «индустрия развлечений», «коммерческая культура», «индустрия досуга» [Шестаков 1988 : 14]. Последнее из приведённых обозначений открывает одну из причин возникновения массовой культуры – появление у значительного слоя работающих граждан избытка свободного времени, «досуга». У людей всё более возникает потребность «убивать время». На её удовлетворение, естественно, за деньги, и рассчитана массовая культура, которая проявляет себя преимущественно в чувственной сфере, т. е. во всех видах литературы и искусства. Особенно важным каналом общественной демократизации за последние десятилетия стало ТВ, собирающее огромные и не слишком разборчивые аудитории, движимые стремлением к психологическому расслаблению. Враждебная всякого рода элитарности массовая культура имеет ряд отличительных черт. Это прежде всего её простота, если не примитивность, часто переходящая в культ посредственности, ибо рассчитана она на «человека с улицы». Для выполнения своей фун-

кции – снятия сильных производственных стрессов – массовая культура должна быть как минимум развлекательной. Всему этому соответствует и преобладающая тематика массовой культуры, получающей большие доходы от эксплуатации таких интересных и понятных всем людям тем, как любовь, семья, секс, карьера, приключение, ужасы, насилие.

В арсенале масс-культуры множество средств воздействия на сознание аудитории, среди них и утончённые. Наибольшее распространение в настоящее время получают «игры» на границе традиционных ценностей, когда реальная действительность и художественное творчество тесно переплетаются, возникают разнообразные типы их симбиоза, и эти типы становятся популярными и в конце концов массовыми. Иными словами, распространяется то, что можно условно назвать «артизацией» (от лат. *ars* – искусство), т. е. специфическое взаимное растворение друг в друге художественного творчества и реальной действительности [Теплиц 2000 : 27]. Этот процесс, ныне наметившийся в России, происходит в истории человечества отнюдь не впервые, и каждый раз он (в формах, присущих своему времени и месту) кристаллизовал принципиально аналогичное явление: процесс упадка, разложения определённого общества. Образцом такого рода «артизации» действительности может служить эпоха Нерона [Теплиц 2000 : 28]. Император был одновременно и ведущим актёром (да и режиссёром). Осуждённых, зашитых в звериные шкуры (играющих зверей), травили собаками на арене, в туниках, пропитанных маслом и смолой, привязывали к столбам и поджигали, чтобы освещать ночные праздники. При свете живых факелов устраивались состязания на колесницах, и сам Нерон выступал на арене в костюме наездника. Было обычаем заставлять осуждённых разыгрывать мифологические роли, которые по «сценарию» должны были кончаться смертью актёра. Приговорённый появлялся на арене в костюме героя, обречённого на смерть, и изображал какую-нибудь трагическую сцену.

«Артизация» обусловлена тем, что у людей исчерпался лимит доверия к основополагающим общественным ценностям. А когда лимит доверия исчерпывается, обостряется ощущение массами людей внутренней непрочности «устоев», нестабильности общества данного типа. В связи с этим, разумеется, возникают тревога о будущем и страх.

«Артизация» предполагает придание социальным проблемам эстетических характеристик в качестве главных, определяющих черт. Средства массовой коммуникации, в особенности телевидение, подают острые социально-политические явления как зрелища, как своего рода театрализованные представления (программа «Вечер трудного дня» Нижегородского ТВ, например). Реальным угрожающим явлениям придаётся подобие игры. Сознание, парализованное страхом, неспособно к разумным действиям: как показали социологические исследования, такое терроризированное, замороженное сознание становится удобным объектом для манипулирования. Именно оно в мировоззренческом плане более всего ценит «порядок». По контрасту с реальными ужасами воспитывается массовая психологическая позиция, в рамках которой окружающее относительно (по сравнению с телекошмарами) спокойствие надо ценить и беречь.

Программируется реакция на экранную «действительность» не как на реальную, а как на «кино». Соответственно, культивируется мировоззренческая позиция, предполагающая пассивное отношение к реальному. С одной стороны, ТВ правильно отражает конкретную ситуацию, например, информирует о разгуле насилия, росте преступности и беззакония в стране. С другой – оно делает это такими средствами, художественность которых заставляет зрителя ощутить своеобразное внутреннее сомнение в том, что происходящее действительно реально. Делать программу, в которой стёрта грань между вымыслом и реальностью, – плохая услуга обществу. Многие российские телекомпании проповедуют с экрана прямо противоположные этические принципы, что не может не вести потребителя к этическому релятивизму, который, в свою очередь, смыкается с аморализмом. Масс-культ несёт в себе ощущение агрессивности, страха и отвращения («эстетика безобразия»). Где кончается

«чёрный юмор» и начинается трагедия, подлинная и жуткая? Разве во всё можно играть? Любими ценностями жонглировать?

Стремление к правдоподобию, которое движет создателями многих телепередач, не означает стремления к правде, правдоподобие – это смесь правды с вымыслом. Оно отвечает известной английской поговорке «Чем больше правды, тем более лживо».

Как говорят дельцы культурной индустрии, если у потребителя перестало «захватывать» дух, если «контингент» всё более вяло «покупает товар», надо «поддать перцу» [Мидлер 1978 : 32]. Что означает на деле переход к иным формам и проявлениям массовой культуры. Манипуляция общественным сознанием становится относительно утончённой и более рафинированной. Речь идёт о недавних новинках ТВ – телешоу типа «Алчности», «Слабого звена», «Русской рулетки», «За стеклом», «Последнего героя», «Дома-2», морально оправдывающих недостойные человека побуждения, эгоистическую мотивацию поступков, утверждающих образ нового героя, использующего любые средства для достижения индивидуального благополучия.

В последнее время телеканалы удивили своих зрителей передачами, целью которых является постоянное подглядывание за обыденной жизнью новых «телезвёзд» – простых людей, согласившихся стать объектами эксперимента. Кого страна увидела «за стеклом»? Почему в течение месяца ей демонстрировали существование людей, лишённых духовных интересов, свойственных нормальной личности? Разумеется, создателям проекта известно, что зрелище делает захватывающим внутренний драматизм сюжета, сильные чувства незаурядных людей. Просто у них, видимо, была другая задача. Если угодно, это была сознательная игра на понижение – в шоу стали участвовать люди, позволившие манипулировать собою в борьбе за квартиру, деньги или «славу», готовые стать наглядными пособиями для демонстрации индивидуума вне истории и культуры, обнажить не только тело, но и душу.

Создатели зрелища вполне преуспели – потребность в новом герое была успешно внедрена в массовое сознание, возникли молодёжные клубы поклонников «застекольщиков». Телешоу дало возможность сделать некоторые малоприятные открытия относительно самой телеаудитории, т. к. общество, с жадным интересом ежедневно приникающее к экрану в ожидании «мыльной оперы» из жизни, очевидным образом нравственно неблагополучно. Создателям подобного проекта, вероятно, хотелось бы, чтобы зрители считали, что российская молодёжь именно такова, какой её представили, а те, кто находится по эту сторону «застеколья», среди зрителей, ничем не отличаются от тех, кто пребывает по другую его сторону. Как замечательно выразился один германский культуролог, «телезритель становится неоплачиваемым надомником по производству человека массы» [Теплиц 2000 : 243], который, независимо от его объективных и субъективных данных, ищет в культуре соответствие своему «среднему», отчасти маргинальному состоянию. Состояние оторванности от корней воспроизводит себя в духовной культуре. Эфирная неопределённость на самом деле отражает запутанность нынешнего общественного сознания. Но при этом, увы, многократно её увеличивает.

Ещё одна калька с зарубежного «реального шоу» – «Последний герой». Суть его состоит в том, что группу отобранных добровольцев – мужчин и женщин разных возрастов и профессий, пришедших на экран в буквальном смысле с улицы, – забрасывают куда-то в джунгли на 40 дней, оставляя фактически без еды и элементарных благ цивилизации. «Прелесть» и оригинальность шоу состоит не только в остроте интриги и экзотичности конкурсов, но и в том, что зрители видят участников и между конкурсами, в повседневном быту: их ссоры, растущее раздражение, паранойя, интриги, взаимное подсиживание – всё включается в игру.

Реальные шоу – это попытка выйти за пределы симуляции, ощутить реальность как таковую, пусть в экспериментально выстроенных декорациях, но «по правде», а не понарошку. А значит, с некрасивыми отношениями, интригами, с червяками, которых глотает убеждён-

ная вегетарианка и т. д. На первый взгляд кажется, что подобные игры неприложимы к России. Нужно в нескольких поколениях объесться комфортом и технологией, чтоб захотеть хоть ненадолго в первобытную пещеру или в шалаш. Все трудности необитаемого острова с успехом заменит неустроенный быт и удобства во дворе. А если к ним ещё добавить пьяного соседа, то ни один участник западного шоу просто не выживет. Отказ же от такой святыни западной цивилизации, как *privasy* (прайвэси), отказ, в котором сокрыта «изюминка» подобного острова, для России также неактуален: сначала надо разобраться, что такое эта самая «прайвэси» и зачем она нужна, а затем попробовать её осуществить, например, в 2-комнатной малометражке, где проживают 3 или 4 поколения одной семьи, или на университетской кафедре, где ящики стола справедливо разделены между 3-мя доцентами. Иными словами, у нас реальность ещё не настолько погребена под слоями культурных знаков, чтобы искать её в экзотических обстоятельствах. А так как в русской культуре главная и настоящая реальность – это всегда «духовность», то и выходит, что именно незнакомство с «прайвэси» питает ту популярную ныне культурную мифологию, согласно которой угрюмый русский быт подвигает на полёты духа, а западная сытость и комфорт пестуют пресловутую бездуховность. Как ни странно, реальные шоу этот тезис не подтверждают. Пространства, в которые помещены их участники, не физически, а символически очень близки к России. Однако почему-то никаких полётов духа не наблюдается. Наоборот, освобождение от «оков» цивилизации выдвигает на первый план закон «умри ты сегодня, а я завтра» с той лишь разницей, что «умри» в данном случае означает «уйди с экрана».

Мировоззренческое давление массовой культуры начинается с детского возраста. Дети психологически менее стабильны, чем взрослые. В большинстве случаев более эмоциональные, чем взрослые, молодые люди, подростки и дети тем самым обладают определённым качеством, о котором К. Маркс говорил, что чувственная природа организма ребёнка есть первая связь, которая соединяет его с миром. Первая и самая сильная. СМИ повседневно штурмуют чувства ребёнка, подростка, молодого человека. Активное использование «изобретений» масс-культуры позволяет неуклонно усиливать это воздействие, делать его всё более мощным и всеобъемлющим. Детская литература, компьютерные и видеоигры, мультипликация, комиксы и детские телепередачи буквально изобилуют такими «изобретениями». В результате происходит искажение предстающей перед молодёжной аудиторией картины мира путём стереотипов, исполненных насилием и страхом.

Определяющей чертой маскультуры является воспитание специфического «игрового» мировоззрения, при котором моральные, эстетические, познавательные и другие духовные ценности важны индивиду прежде всего постольку, поскольку из них можно составлять самые причудливые сочетания, как это делается, например, в детской трубке-калейдоскопе. Это даёт возможность окунуться в стихию необязательности какой бы то ни было нравственной ценности. Детская масс-культура насаждает в мировоззрении ребёнка агрессивность и эскапизм, кристаллизует модель человека, играющего во всё и вся, – модель «гомо люденс», поведенческая активность которой характеризуется беспринципностью, по существу, возводимой в жизненный принцип.

Однако есть и позитивные тенденции, которые наметились в последнее время. Всё чаще раздаются требования общественности (журналистов в том числе) о введении нравственной цензуры на нашем телевидении. Есть своеобразная усталость от масс-культуры, которая захватывает всё большие слои населения. В результате социологических опросов выяснилось, что массовая культура потребляется не столько потому, что она «нравится», сколько потому, что ничего или почти ничего иного нет.

Таким образом, располагая целым арсеналом средств воздействия на общественное сознание, массовая культура оказывает сильное влияние на своего потребителя. Особенно важным каналом общественной демократизации за последние десятилетия стало ТВ. Телевиде-

ние является одним из самых влиятельных механизмов распространения ценностей, улавливает их колебания и в каком-то смысле даже гипнотизирует общество. В связи с этим уровень требований, предъявляемых к ТВ, возрастает многократно, а задача повышения качества его содержания и языка становится особенно актуальной и важной. Несмотря на попытки «облагородить» ТВ путём обращения к более развитым и элитарным вкусам, вряд ли возможен полный отказ от массового зрителя. Массовость воздействия заложена в самой природе средств массовой коммуникации. Если можно «облагородить» их, то не сужением круга адресатов, а скорее повышением их культурного уровня. Поэтому вопрос о качестве содержания, передаваемого при помощи средств массовой коммуникации, сохраняет свой актуальный смысл. Общество, которому безразлично, что читают, смотрят и слушают его члены (главным образом юные), встает на путь самоуничтожения.

Библиографический список

1. Ашин, Г.К. «Массовая культура»: теоретическое понятие и социальная реальность / Г.К. Ашин, А.П. Мидлер // США глазами американских социологов. Политика, идеология, массовое сознание. Кн. 2 / под ред. В.Н. Иванова и Ю.Н. Давыдова. – М.: Наука, 1988. – 350 с.
2. Мидлер, А.П. Эстетика и будущее. Современная эстетика США / А.П. Мидлер. – М.: Мысль, 1978. – 273 с.
3. Теплиц, К.Т. Всё для всех. Массовая культура и современный человек / К.Т. Теплиц // Человек: Образ и Сущность (Гуманитарные аспекты). Массовая культура: ежегодник. – М.: ИНИОН РАН. 2000. – С. 241–284.
4. Шестаков, В. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры» / В. Шестаков. – М.: Искусство, 1988. – 224 с.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Н.Л. Кольчикова

ЭТНОКУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД В СИСТЕМЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ШКОЛАХ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

Этнокультурный, принципы методологии, родная литература, культурные ценности, национальные традиции.

Коренные изменения в социально-экономической жизни, произошедшие на рубеже веков, новые условия существования современного общества выдвинули задачу «структурной перестройки образования, направленной на совершенствование содержания, форм, методов и технологий образования» [Федеральная программа... 1999 : 12]. В философско-педагогической мысли России 90-х годов признан доминирующим культуросообразный образовательный подход (В.С. Библер, И.Е. Берлянд, Ю.С. Курганов, М.С. Каган, Н.Н. Пахомов и др.). Идея культуры как основы образования, иначе говоря, культуросообразный подход образования, на современном этапе развития науки, когда понятие культур имеет множественные смыслы, приобретает принципиально новые черты.

Современная наука как одну из основных, центральных идей нового культурно-образовательного и социально-педагогического мышления отмечает переход от знаниецентрической к культуросообразной школе. На необходимость такого подхода указывал и В.П. Зинченко, отмечая, что неожиданным следствием научно-технического процесса оказалось то, что забота о создании искусственного формального интеллекта стала намного острее, чем забота о развитии духовного потенциала общества, который только и может победить бездушный интеллектуализм. Культуросообразный подход к общепринятому понятию культурного человека добавляет умение принимать иные культурные позиции и ценности и, таким образом, принять участие в «диалоге культур». В центре такого подхода должно стать образование человека культуры, человека, способного не только включаться в наличные формы деятельности и мышления, но и сопрягать различные культурные смыслы. Как всего этого можно добиться в практике современной школы? Выходом из сложившейся ситуации является одна из тенденций современности – заметное расширение масштабов интеграционных процессов.

В Республике Хакасия литературное образование включает русскую литературу и родную литературу, которые на практике мало связаны между собой, в основном учителя-словесники эпизодически пытаются скоординировать оба школьных курса. Модернизация всей системы образования вызывает необходимость осмысления проблем межкомпонен-

тной корреляции в рамках отдельных учебных предметов. Отсюда проблема соотношения взаимодействия родной и русской культур в общем содержании образования. А это, как считает М.Н. Кузьмин, «прежде всего задача сопряжения различных картин (трактовок) мира, аккумулирующих содержание социально-исторического опыта отдельных этносов. Эта задача сопряжения их ценностных (в том числе мифологических или религиозных мировоззренческих) и этических систем, определяющих смысложизненные ориентации и «правила поведения» общества в целом» [Кузьмин 1999 : 4]. Ведущие дидакты современности (М.Н. Скаткин, В.В. Краевский, А.В. Хуторской) основной задачей предметов гуманитарного цикла считают формирование у учащихся определенного видения мира, «современной картины мира». Важно учитывать, что каждая национальная культура – сложное образование, в котором тесно взаимосвязаны как материальные, так и духовные ценности. Поэтому актуальность проблемы столкновения разносистемных картин мира в процессе литературного образования в национальной школе очевидна. На уроках изучения литературно-художественного текста происходит приобщение к определенной поэтической системе и некоторым эстетическим идеалам (этноэстетике, этнопоэтике). В то же время общеизвестен факт, что особенности многих специфических явлений национального словесно-художественного искусства можно как следует понять и почувствовать только в контексте национальной культуры в целом. Приобщение к стержневым структурам каждой национальной словесно-художественной картины мира и их сопряжение невозможны без этнокультуроведческого подхода.

Вопросы сопоставительного изучения русской и родной литературы в данном аспекте разрабатывались в методической науке в трудах К.В. Мальцевой, И.Х. Майоровой, А.В. Рыжеволовой, М.В. Черкезовой, Л.А. Шеймана, М.Ш. Муслимовой и др. В работах этих методистов на конкретном материале раскрывались формы реализации взаимосвязанного изучения двух литератур, обобщен и развит опыт работы методистов разных национальных республик. В трудах М.В. Черкезовой рассмотрены вопросы типологической общности русской и родной литературы, выдвинуты и обоснованы принцип общности русской и родной литературы различных народов, культурологический принцип.

Литература как предмет гуманитарного цикла играет большую роль в нравственном, художественном воспитании учащихся, приобщает их к духовным ценностям национальной и мировой культуры. В Республике Хакасия в последние годы большое внимание уделяется вопросам литературного образования, проблеме сопряжения родной и русской культуры в учебно-воспитательном процессе.

История школьного литературного образования показывает, что освоение литературы на разных этапах развития школы приобретало характер этнолитературного образования. Различия значений терминов «этническое» (вневременной субстрат, неизменное в изменяемом, онтологическая почва) и «национальное» (определенное состояние этноса, одна из фаз его развития и самопознания, предполагающая превращение народа из природно-этнографического состояния в субъект истории) объяснено в специальной литературе [Султанов 1995 : 153]. Отечественные методисты уже давно пытались связать изучение русской литературы с национальными культурами европейских стран и российских этносов.

Важной вехой в этнолитературном образовании стало появление «Методики преподавания русской литературы в национальной школе» под редакцией М.В. Черкезовой и А.Д. Жижиной (1992). Авторы пособия выделяют специфический для преподавания русской литературы в национальной школе принцип общности и национального своеобразия русской и родной литературы. Он опирается на сравнительно-типологическое изучение разных культур. В книге предложены новые методы преподавания литературы в национальной школе: метод «сотворческого биэтноэстетического приобщения к русской литературе», «структурного анализа текста как речевой продукции», а также специфические для национальной

школы приемы: комментирования, историко-сопоставительные параллели русской и родной литературы, типологические обобщения, сравнение оригинала и перевода.

Вопросы этнолитературного образования широко освещались в работах Л.А. Шеймана. В итоговой работе «Научные основы курса русской литературы в кыргызской школе» автор представляет научно-методическое направление «учебное этнокультуроведение», изыскивающее пути приобщения обучаемых к иноэтнической культуре через посредство ее образного языка и на основе учета соотношений между культурами контактирующих народов. Л.А. Шейман предлагает свою систему общих и частных методов преподавания словесности.

В 90-е годы появляются работы М.Г. Ахметзянова, Р.З. Хайруллина, характеризующие педагогический процесс в национальных школах – татарской и башкирской. Большое внимание в их работах уделяется методическим принципам изучения литературы народов России и учебно-методическому обеспечиванию. Однако следует признать, что национальным литературам России уделяется еще недостаточное внимание.

Проблема этнопедагогизации учебно-воспитательного процесса чрезвычайно важна для развития системы национального образования в нашей республике, в том числе для литературного образования. Под системой школьного литературного образования нами подразумевается специально организованное изучение произведений литературы в школе, которое предполагает:

- целенаправленный отбор произведений для изучения;
- оптимальное соотношение родной, русской и зарубежной литературы и установление взаимосвязей между ними;
- изучение произведений с обязательным привлечением соответствующего историко- и теоретико-литературного материала и т. д.

Если же отталкиваться от основных подходов, используемых в практике национальной школы, то следует выделить этнокультуроведческий подход (Л.А. Шейман, М.В. Черкезова, Г.М. Гогиберидзе). Такой подход обусловлен тем, что методической наукой доказано влияние родной этнокультуры учащихся, представителями которой они являются, на своеобразие эмоционально-эстетического восприятия художественного произведения [Методика преподавания... 1995 : 16], поэтому учащемуся-билингву необходимо взглянуть на явления художественной литературы через призму народных представлений, специфику национального мировидения, чтобы глубже понять родной и инациональный мир художественной литературы.

Для концепции данного исследования эта мысль является методологически важной. Вслед за Л.А. Шейманом, М.В. Черкезовой, Г.М. Гогиберидзе этнокультуроведческий подход считается нами первостепенным в практике национальной школы, поскольку он предполагает поиск конкретных способов сопряжения родной и русской литературы. Этнокультурный подход литературного образования имеет конечной целью подготовку эстетически развитой двуязычной личности, то есть «человека, в необходимой мере владеющего принципами оценки, характерными для обеих культур, которые вступают в педагогический контакт в процессе преподавания предмета» [Шейман 1981 : 109].

Поскольку художественные образы, явления, реалии родной культуры не всегда совпадают с аналогичными образами, явлениями, реалиями другой культуры, важное место в этой работе должно отводиться подготовке читателя к восприятию художественного текста, предварительной работе над текстом. Особую значимость при таком подходе приобретает прием этнокультуроведческого комментария, связанный с объяснением значений непонятных слов и явлений, с раскрытием художественных образов. Этнокультуроведческий подход предполагает, что в процессе обучения необходимо использовать контактные связи писателей родной и инациональной литератур, краеведческий материал; данный подход

подразумевает и выявление типологически сходных и этнически своеобразных черт в системе национальных культур – родной и неродной. Этнокультуроведческий подход показывает, в какой мере цели, задачи, содержание, технологии воспитания и обучения ориентированы на развитие и социализацию личности как субъекта этноса и как гражданина многонационального государства, способного к самоопределению в условиях современной цивилизации. Реализация данного подхода способствует сохранению и развитию этнической культуры, освоению культурного наследия своего народа, формированию национального самосознания, освоения детьми и молодежью ценностей родной, общероссийской и мировой культур.

В настоящее время, как считает М.В. Черкезова, литературное образование в национальной школе подверглось серьезной перестройке. Пересмотрены методологические принципы преподавания литературы, что привело к отказу от теории «Двух культур в каждой национальной культуре», к выявлению не только критической направленности литературы, но и утверждению ее высокого нравственного пафоса, общечеловеческих ценностей [Черкезова 2000 : 117]. Все большее внимание уделяется вопросам взаимосвязанного изучения родной и русской литературы на основе разработанного принципа общности и национального (этнического) своеобразия. Такой подход позволяет, не отчуждая учащихся общеобразовательных школ от родной литературы и культуры, приобщить их к высоким нравственным и эстетическим ценностям русской культуры. В методических работах данная проблема разрабатывалась К. Мальцевой, М. Ахметзяновым, И. Майоровой, К. Нартовым, А. Рыжеволовой, Л. Тодоровым, Л. Шейманом, М. Черкезовой.

Именно М.В. Черкезова в отечественной методике предложила концепцию изучения русской и родной литературы, опирающегося на их типологическую общность и национальное своеобразие. Ею разработаны и принципиально важные пути формы сопоставительного типологического анализа конкретных произведений современной литературы. Конкретно-методическое осмысление данной проблемы опирается на достижения сравнительного изучения разнонациональных литератур в современном литературоведении.

На какой основе возможно педагогическое сопряжение литературных явлений русской и хакасской литературы? В первую очередь на основе типологических схождений, генетических или контактных связей в современной литературе.

Сравнительный метод применительно к объектам разных национальных литератур пользуется принципами: а) соотнесения; б) взаимного дополнения; в) установления связей. В школьной практике проблема сравнительного изучения русской и хакасской литературы может быть рассмотрена и с точки зрения метода их осуществления. В таком случае особую роль в определении единства мирового литературного процесса играют типологические схождения как следствие принципиального единства развития человеческой культуры и необходимое условие осуществления контактных связей между национальными литературами.

В процессе школьного обучения литературе типологические схождения оказываются наиболее существенным материалом для выявления единства мирового литературного процесса и осознания учащимися национальной самобытности сравниваемых литературных явлений. Каждое типологическое схождение будет утверждать учащихся в понимании единства мирового литературного процесса. «Решающее условие возникновения однотипных литератур – вступление разных народов на одну и ту же ступень общественно-исторического и культурного развития и близость форм, в которых это развитие проявляется» [Конрад 1972 : 335]. При этом единство общественно-исторического и культурного развития народов следует понимать в самом широком смысле.

В зависимости от того, сходные или общие явления действительности отображаются искусством, можно говорить о типологических или генетических связях, о повторяемости как специфической особенности искусства вообще или о контактных связях. По мнению таких

ученых, как Н.И. Конрад, В.М. Жирмунский, А.С. Бушмин, в основе типологических сходжений, характеризующих разные национальные литературы, лежит определенная совокупность – близость социально-исторических условий, сходство общественных форм развития и единство самого принципа литературно-художественного освоения мира.

Проявления типологического сходства в литературных явлениях могут осуществляться на разных уровнях: идейное и тематическое содержание, сюжетная и композиционная основы, поэтические образы, элементы стиля и т. д.

Таким образом, опора на этнокультуроведческий подход в качестве ведущего в системе литературного образования в национальной школе предполагает, что в его основе – педагогическое сопряжение двух «национальных словесно-художественных культур» (Л.А. Шейман), которое предполагает синхронизацию частей нормативных программ по родной и русской литературе, установление литературных связей и выявление параллелей между их типологически родственными сюжетами, мотивами, образами, с одной стороны, и выявление национальной специфики – с другой, на основе смысловой и художественной соотнесенности произведений. Этнокультуроведческий подход в национальной школе тем успешнее будет осуществляться, чем глубже и педагогически обоснованнее будут учитываться идейно-художественные особенности произведения, многообразие жанров и стилей произведений, знания и умения учащихся, приобретенные на уроках по русской и родной литературе.

Библиографический список

1. Конрад, Н.И. Запад и Восток / Н.И. Конрад. – М.: Наука, 1972.
2. Кузьмин, М.Н. Образование в условиях полиэтнической и поликультурной России / М.Н. Кузьмин // Педагогика. – 1999. – № 6.
3. Методика преподавания литературы: учебник для педвузов / под ред. О.Ю. Богдановой, В.Г. Маранцмана. – М.: Просвещение, 1995.
4. Султанов, К.К. «Лабиринт сцеплений». Этническое – национальное – художественное / К.К. Султанов // История национальной литературы. Вып. 1 / отв. ред. К.К. Султанов. – М.: Наследие, 1995.
5. Федеральная программа развития образования // Известия РАО. – 1999. – № 4.
6. Черкезова, М.В. Образовательный стандарт обновленного общего образования по литературе / М.В. Черкезова. – М., 2000.
7. Шейман, Л.А. Основы методики преподавания литературы в киргизской школе / Л.А. Шейман. – Фрунзе: Киргизское кн. изд-во, 1981.

ЗНАЧЕНИЕ ПСИХОЛОГО-АКМЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДОМИНАНТЫ В РЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Психолого-акмеологическая доминанта, регуляция, социальное взаимодействие, руководитель.

Руководитель как субъект социального взаимодействия структурирует его, строит систему отношений с партнерами, организует их совместную деятельность, формирует социально-нравственные убеждения в соответствии с тем смыслом, какой вкладывает субкультура образовательной системы и лично он, ее организатор. Субъект регулирует социальное взаимодействие по типу субординации, координации и дифференциации, определяет стратегию, распределяет обязанности, роли между членами взаимодействия, делает их индивидуальную деятельность значимой для кооперации. Значимость деятельности членов кооперации зависит от осознания ими общей цели и организационной стратегии. Стратегия рассматривается на основе концепции К.А. Абульхановой как некий универсальный закон и способ существования социального взаимодействия. Структурно-функциональный анализ системы социального взаимодействия на основе общей теории систем Л. Берталанти, творческого наследия Л.С. Выготского, Н.В. Кузьминой, С.Л. Рубинштейна, исследований, выполненных под руководством К.А. Абульхановой, А.А. Бодалева, А.А. Деркача, А.Л. Журавлева и др. позволил выделить доминанту социального взаимодействия, её культурологическую, гуманистическую направленность. Понятие доминанты социального взаимодействия мы связываем с системой взаимоотношений его членов между собой и руководителем.

Функции доминанты выполняет система отношений социального взаимодействия. Уникальность доминанты социального взаимодействия заключается в том, что она субъективизируется, т. е. система отношений социального взаимодействия становится достоянием каждого его члена, в том числе руководителя. В нашем исследовании доминанта рассматривается как сложное, целостное психолого-акмеологическое образование личности руководителя, детерминированное, с одной стороны, совокупностью его личностных отношений и самоотношений, с другой – уровнем межличностных отношений в социальном взаимодействии. Представление о доминанте как о целостном психолого-акмеологическом образовании личности вполне соответствует философской традиции рассмотрения процессов осознания личностью своих возможностей и приумножения и совершенствования как целостных продуктов духовной деятельности. Понятие психолого-акмеологической доминанты позволяет вернуться к исходным культурологическим интенциям, которые закладывались в исследования процесса развития систем и рассмотреть её многоуровневый, двойственный характер.

Основой психолого-акмеологической доминанты личности служат социально-гносеологические представления, занимающие значимое место в контексте субкультур членов и руководителей социального взаимодействия. Существенную роль они играют в общекультурном контексте взаимодействия. В организационном аспекте выделенные представления становятся проблематичными и требуют принятия решений стратегического, тактического и оперативного характера. Ценностным ядром психолого-акмеологической доминанты выступают смыслы – способности членов социального взаимодействия, позволяющие своевременно разрешать проблемы социально-психологического характера. Ценностное ядро психолого-акмеологической доминанты экстерезорируется в сферу социального взаимодействия, где представляет его смысловую характеристику, которая обуславливает стратегию

развития. Стратегия социального взаимодействия обусловлена его экономикой, политикой, философией, системой взаимоотношений, обеспечивающих выполнение социального заказа; принятием ситуации взаимодействия, формулированием целей взаимодействия, динамичной позицией, способами и оценкой самовыражения личности в процессе взаимодействия.

Экономика социального взаимодействия отражается в его рентабельности, оптимальности, обусловлена представлениями членов о цели взаимодействия, способах её достижения, используются ресурсы каждого члена и кооперации в целом и эффективности их совместной деятельности. Если в кооперации имеет место традиция увеличения эффекта достижения, то стремление членов социального взаимодействия к повышению эффективности деятельности непременно связано с улучшением условий их жизнеобеспечения и существования взаимодействия. Тогда мера соотношения двух факторов экономики взаимодействия – времени и энергетических затрат членов социального взаимодействия – зависит от их мотивационно-смысловой ориентации. Если руководитель понимает истинный смысл своей деятельности, заботится о судьбах вверенных ему людей и стремится сделать условия труда более комфортными, стать профессионалом, чтобы получать удовольствие от своей деятельности, он больше тратит энергии и сил на выработку стратегии, технологии взаимодействия, тем самым добивается оптимальности времени латентного периода, взаимодействия, т. е. времени появления продукта взаимодействия, соответствующего цели. Чем менее профессионален руководитель, тем менее оптимальны стратегия взаимодействия, мера ответственности за каждое действие, степень психического напряжения, внимательность, умение своевременно оценить и скорректировать социальную ситуацию.

Истинный смысл оптимальности социального взаимодействия не только в получении продукта, соответствующего нормам социального заказа, не в оценке, рефлексии происшедшего, но творческой активности партнеров в достижении взаимопонимания, которое предполагает сопереживание иерархического порядка ценностей, передающихся доминантой, определяющих нормы взаимодействия; понимание мира бытия партнеров, выраженного в мыслях, открытых познанию на эмоционально-интуитивном и рефлексивно-логическом уровнях, осознание динамики своего Я. В сопряжении с параметрами социальной ситуации, восприятии и оценивании каждым членом взаимодействия себя в качестве независимой части взаимозависимого целого, т. е. в качестве субъекта-партнера. В этом есть значимость доминанты. В этом случае доминанта социального взаимодействия выступает в качестве «символического преобразователя» оптимальности диалога, паттернов действий, поведения членов взаимодействия. Преобразование, оптимизация экономической базы социального взаимодействия происходят за счёт процесса управления имеющимися в наличии руководителя ресурсами и политики социального взаимодействия.

Политика социального взаимодействия связана с целеполаганием, распределением функций между партнерами, своевременным принятием решения, оптимальностью организации обратной связи. Она детерминирована, с одной стороны, совокупностью установок, мнений, форм, критериев, традиций, правил, обязанностей, требований взаимодействия, с другой – искусством субъектов упрощать ситуацию взаимодействия, редуцировать ее до модели, с которой можно работать наличными интеллектуальными средствами. Достоверность модели зависит от полноты учета составляющих ситуацию взаимодействия партнеров и объективности их представления. Объективность информации о ситуации может быть искажена эгопотребностями личности (потребностью в престиже, доминировании, аффилиации, безопасности, индивидуальности, покровительстве, познании и др.), системой притязаний. Политика предусматривает решение стратегических, тактических и технологических задач взаимодействия. Доминанта социального взаимодействия феноменально высвечивает политику взаимодействия и актуализирует необходимость полной объективации творческой активности каждого члена в социальном взаимодействии. Актуализация партнеров в процессе социального

взаимодействия заставляет обращаться к структуре общественного сознания, что зафиксирована в виде суждений, идей, смыслов, понятий, представлений, категорий.

Когда доминанта социального взаимодействия предстает в виде поступков и действий его членов, в которых слито слово и дело, то, говорят, субъект поступает в соответствии с ожиданиями. Она интериоризуется партнерами и образует сознательно-бессознательный слой-основание, при помощи которого оказывается возможным личности разместить себя в мире ценностей, составляющих и выражающих содержание культуры взаимодействия и способы актуализации утверждения социальной значимости.

Доминанта социального взаимодействия предстает его участникам в виде гуманистической ценности, значимости, понятий, категорий совместной творческой деятельности, общественного мнения, социально-психологического климата и стиля взаимодействия.

Политика социального взаимодействия обуславливает процесс интеграции личностного и социального. Если психолого-акмеологическая доминанта опосредует аргументированный выбор стратегии взаимодействия на основе определения возможностей и оценки ситуации взаимодействия, доминанта социального взаимодействия детерминирует систему отношений между партнерами, их Я-концепцию, представления друг о друге и ситуации взаимодействия в целом, то способ самовыражения и самосовершенствования субъектов в процессе интеграции и регуляции социального взаимодействия становится оптимальным.

В условиях относительной замкнутости уровней социального взаимодействия психолого-акмеологическая доминанта является ведущей и осуществляет регуляцию системы взаимодействия по типу субординации. В этом случае она оказывается как бы неким выделенным суждением, смыслом в мире взаимодействия, присутствующим на разных его уровнях, метахарактеристикой уровней развития социального взаимодействия. Именно она является основным внутренним механизмом регуляции направления и динамики изменения компонентов социального взаимодействия.

Чаще всего при осуществлении регуляции субъект создает модель условий оптимального использования своего творческого потенциала в совместной деятельности, которая позволяет определить функциональное единство внешней и внутренней регуляции процесса социального взаимодействия, точно дифференцировать сходные в нем явления по их реальной функции.

В зависимости от того, осуществляет доминанта процесс субъективации либо процесс интеграции, наибольшая регуляция социального взаимодействия различна. В процессе субъективации испытывают наибольшую регуляцию: 1) психические состояния партнеров; 2) самоотношения; 3) процесс принятия решений; 4) смыслы-значения; 5) профессиональный и социальный опыт. В процессе интеграции регулируются: 1) социально-психологический климат; 2) уровень активности общности; 3) межличностные отношения; 4) ценности, мотивационно-смысловые установки группы; 5) цели и нормы взаимодействия и совместной деятельности.

Следует отметить, что регулирование социального взаимодействия осуществляется в условиях связи субъективной модели самовзаимоотношений и самопрограммирования его членов. При этом следует заметить, что звено самопрограммирования не детерминируется субъективной моделью условий, и поэтому в нем отчетливо проявляется рост противоречия между самостоятельностью субъекта, строящего свою деятельность в системе собственных интересов, и определенной целью группы.

В процессе анализа нами выделена тесная функциональная связь психолого-акмеологической доминанты с субъективной моделью условий. Доминанта детерминирована не условиями взаимодействия, а их субъективной моделью. Однако изменение модели не приводит к изменению психолого-акмеологической доминанты. Для того чтобы произошло изменение психолого-акмеологической доминанты, член взаимодействия непременно должен оценить

модель изменения условий как требование к изменению своей доминанты. Однако субъект при неизменной модели условий может изменить психолого-акмеологическую доминанту на более соответствующую, по его мнению, политике взаимодействия или стараться изменить политику взаимодействия для укрепления и улучшения своей социальной позиции.

Вышеизложенное показывает, что модели условий и психолого-акмеологическая доминанта у субъекта не формируются автоматически и не являются прямой функцией инструкций и реальных условий взаимодействия, а обусловлены его системообразующей функцией, ценностью. Отбор субъектом значимой информации и поиск недостающей, таким образом, детерминируется его психолого-акмеологической доминантой, в свете которой одни условия взаимодействия сразу оцениваются как значимые, другие – как индифферентные по отношению к социальной позиции. Следовательно, для того чтобы оценить взаимосвязь в интересах общей цели, необходимо актуализировать смысловую составляющую социального взаимодействия и личностные смыслы в отраженных актах взаимодействия.

На основании изложенного можно предположить, что социально-гносеологические представления, включенные в основание психолого-акмеологической доминанты, есть модели значимых условий взаимодействия и социальной позиции члена социального взаимодействия. Следовательно, изменение социальной позиции любого члена взаимодействия влечет за собой изменение психолого-акмеологической доминанты, политики, экономики, социального взаимодействия.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская, К.А. Рубинштейновская категория субъекта и её различные методологические значения / К.А. Абульханова-Славская // Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – С. 34–50.
2. Кожухарь, Г.С. Формы межличностной толерантности: критериальные признаки и особенности / Г.С. Кожухарь // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 3. – С. 30–41.
3. Нестик, Т.А. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ. Ч. I / Т.А. Нестик // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30. – № 1. – С. 52–64.
4. Ранние этапы развития субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – С. 270–309.

ЛИЧНОСТНАЯ ГИБКОСТЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ

Деятельность менеджеров, профессиональная успешность, личностная гибкость.

Основой современных рыночных стратегий, ориентированных на поддержку конкурентоспособной продукции, является эффективная управленческая деятельность. В связи с этим изучение структуры личности менеджера, его управленческих способностей и учет этих факторов при отборе на управленческие должности могут рассматриваться в качестве одного из условий оптимизации процесса управления.

Теоретические проблемы структуры личности руководителя рассматривались в трудах известных ученых А.К. Гастева, Е. Гизелли, П.М. Керженцева, А.И. Китова, А.Г. Ковалева, Е.С. Кузьмина, Р. Лайкерта, Б.Д. Парыгина, П. Рассела, В.Ф. Рубахина, Р. Стогдила, Л.И. Уманского, Ф. Фидлера, А.В. Филиппова, А. Файоля, Р. Эванса. Большой вклад в решение данного вопроса внесли отечественные исследования в области психологии управления, деятельности и личности руководителя, проводимые А.А. Деркачом, А.Л. Журавлевым, В. Зазыкиным, Т.С. Кабаченко, А.В. Карповым, В.В. Новиковым, А.Л. Свенцицким, Р.Х. Шакуровым [Кабаченко 1997].

Сложная по содержанию и динамичная управленческая деятельность требует от менеджера умения своевременно находить оптимальные решения, касающиеся различных сфер деятельности: интеллектуальной, социально-коммуникативной, организационной культуры, технологической. Это становится возможным при условии развития способности творческого поиска нестандартного решения возникающих проблем, способности к эффективному управлению.

При проведении анализа деятельности и личностных качеств руководителей было выявлено наличие личностной гибкости.

Структура личностной гибкости, ее основные компоненты и характеристики для различных сфер профессиональной деятельности рассматривались в работах зарубежных и отечественных психологов. Б. Асверус описал личностные особенности современного немецкого предпринимателя, одной из основных черт которого является умение эффективно участвовать в совместной деятельности, проявляя гибкость и пластичность поведения. Изучение многообразия тех способов, которыми ученые интерпретируют новое и уже принятое знание, результаты наблюдений, и того, каким образом эта гибкость используется ими в своих целях, осуществлялось в работах Т. Пинча, А.В. Шкурко. В исследованиях И.И. Васильевой, Т.В. Корниловой рассматривались составляющие гибкости для предпринимателей, менеджеров и юристов. В работах А.А. Деркача, Л.А. Степновой разработана концепция «гибкость» связана с изучением проблемы компетентности государственных служащих.

Исследование проблемы личностной гибкости в профессиональной деятельности менеджера в отечественной психологии осуществлялось в области комплексного структурно-функционального изучения управленческой деятельности (А.Ф. Ануфриев, Л.М. Аболин, И.Н. Грызлова, Б.В. Кулагин, Р.Л. Кричевский, В.К. Калинин). Было установлено, что одним из основных личностно-профессиональных качеств, способствующих формированию и развитию продуктивной профессиональной Я-концепции, является личностная гибкость. В большинстве исследований личностная гибкость определяется как интегративная качественная характеристика личности, обусловленная действием взаимодействующих под-

систем: когнитивной, эмоционально-волевой и ценностно-смысловой (Б. Асверус, А.А. Деркач, Д.Н. Завалишина, Л.М. Митина, Н.А. Менчинская, Н.В. Кузьмина, Т.В. Корнилова, Д.А. Ошанин, Л.А. Степнова, В.Д. Шадриков) [Завалишина 2005; Митина 1996].

Личностная гибкость менеджеров нами рассматривается как интегративный инвариант, определяющий динамику осознания личностью своего места в ситуации выбора и организации профессиональной деятельности, обуславливающий уровень продуктивности личности менеджера в профессиональной деятельности. Личностную гибкость мы представляем как интегративную качественную характеристику личности, обусловленную действием взаимодействующих трех подсистем: когнитивной, эмоциональной и ценностно-смысловой.

Результаты пилотажного исследования профессиональной деятельности менеджеров начального и среднего звена, проведенные в 2007–2008 гг., позволили выделить четыре группы менеджеров, сходных по особенностям успешности профессиональной деятельности. Проведен анализ личностной гибкости для каждой из групп.

Менеджеры первой группы обладают ярко выраженными лидерскими качествами, позволяющими транслировать и актуализировать их ценности в группе. Эти качества обеспечивают связи личностных характеристик менеджеров. Это сочетание качеств, которые позволяют менеджеру без организационных ограничений принимать оптимальные решения и, следовательно, гибко реализовать себя в различных социально-производственных ситуациях. Данные сочетания не накладывают на профессиональную деятельность дополнительных ограничений, что позволяет успешному менеджеру принимать оптимальные решения и гибко реагировать в различных ситуациях.

Для менеджеров второй группы повышение уровня сложности профессиональной деятельности увеличивает стремление к углубленной её детализации и самопознанию. Высокая реализованность, присущая менеджерам этой группы, обеспечена специфическим диапазоном сочетаний функций и характеристик, который приводит к эффективному решению поставленных задач.

Третью группу составляют менеджеры-исполнители, достижение успешности профессиональной деятельности которых заключается в строгом выполнении своих должностных и функциональных обязанностей, поэтому они предпочитают применять стандартные пути и решения, используя творческие подходы только при внешнем давлении. Диапазон сочетаний когнитивных функций и личностных характеристик у менеджеров третьей группы обладает некоторой особенностью, которая обеспечивает успешность только в условиях «приказ-выполнение».

У менеджеров четвертой группы выявлены сложные и взаимоисключающие сочетания когнитивных функций и личностных характеристик, создающие значительные трудности для адекватной оценки показателей профессиональной деятельности и индивидуальных возможностей, что приводит к неуспешности профессиональной деятельности.

На основе анализа трех групп успешных менеджеров можно выделить личностные сферы, своеобразное сочетание которых обуславливает успешность профессиональной деятельности менеджеров. К ним относятся: ценностно-смысловая, сфера отношений (межличностных и личностных самоотношений), когнитивная, эмоционально-волевая. Ценностно-смысловая сфера имеет сложную интегративную структуру, основу которой составляет сочетание образов, ценностей-способностей Я-профессионал. Именно данное сочетание позволяет личности считать себя успешной / неуспешной и обеспечивает личностную гибкость.

На основании анализа исследований, проведенных отечественными и зарубежными психологами, нами условно выделены факторы развития и проявления личностной гибкости менеджеров. Среди них ведущее место занимают следующие факторы: социальные, психологические и психофизиологические.

К социальным факторам относятся: специфика социально-экономической ситуации в России, изменения, возникающие в ходе проведения реформ, смена мотивов и ориентиров хозяйственной активности социальных субъектов, системы норм производственной и деловой жизни, номинальные правовые установки жизни организации (М. Аргайл, К.А. Абульханова, В.В. Знаков, В.А. Бодров, А.И. Донцов, Е.М. Иванова, Н.А. Ошуркова, Е.В. Юнина).

В качестве психофизиологических факторов, способствующих развитию и проявлению личностной гибкости, в контексте нашего проекта можно выделить: динамичность свойств высшей нервной деятельности (А.С. Батуев, Н.Н. Данилова, А.Л. Крылова, А.Р. Лурия, И.П. Павлов, И.М. Сеченов, К.В. Судаков, Б.М. Теплов), эмоционально-мотивационную гибкость как следствие вегетативного компонента (К.Е. Изард, П.В. Симонов, Е.Д. Хомская, Н.Я. Башова, В.Н. Мясищев), гибкость функциональных систем (П.К. Анохин, Н.П. Бехтерева, П.В. Бундзен, Ю.Л. Гоголицин, А.Р. Лурия, В.Д. Небылицина, И. Сакураи, Е.Н. Соколов, Е.Д. Хомская), гибкость волевых процессов посредством волновой активности мозга (И.В. Страхов, Н.Д. Левитов, А.И. Высоцкий, И.Д. Ладанов), гибкость формирования системы саморегуляции (Б.Н. Безденежных, Л.Г. Дикая, В.И. Моросанова, Е.А. Осадчая, Л.А. Совинкина, А.С. Кузнецова).

В систему психологических факторов развития и проявления личностной гибкости менеджеров мы включаем личностные качества: эмоционально-мотивационную гибкость (Н.Е. Водопьянова, Д.С. Жилкин, Ю. Мельник, А.Б. Серебрякова, Е.С. Старченкова), коммуникативную компетентность (А.А. Деркач, А.Г. Ковалев, Г.С. Никифоров, Г.С. Михайлов, Г.С. М.Ф. Секач), когнитивную гибкость (Дж. Браун, Д.Н. Завалишина, Е. Лангер, Б.М. Теплов), социальный интеллект (Э. Торндайк, Г. Оллпорт, Ю.Н. Емельянов, В.Н. Куницына, А.И. Савенков), социальное мышление (К.А. Абульханова, Е.Б. Старовойтенко, Н.Т. Селезнева), стратегию жизни (К.А. Абульханова, В.В. Знаков); мотивацию; социально-психологические характеристики: возможность самостоятельно осуществлять профессиональную деятельность, разрабатывать стратегические планы развития организации, проводить нововведения (А.А. Бодалев, А.Л. Журавлев, Е.А. Климов, Я.Л. Коломинский, Г.В. Косых, Н.Н. Обозов, А.И. Пригожин, А.Л. Свенцицкий, R. Brown, T. Caplow).

Достижение успеха в деятельности необходимо рассматривать «в качестве системного единства процессов социальной адаптации, самореализации личности и её самоутверждения в социуме» [Ивашкин 2007 : 6], поэтому на основании проведенных исследований нами были выделены психосоциальные факторы развития и проявления личностной гибкости менеджеров: саморазвитие в пространстве когнитивных, эмоционально-волевых и ценностно-смысловых отношений, направленных на достижение определенной цели и обеспечивающих интеграцию личностных и профессиональных смыслов; личностно-профессиональная саморегуляция, детерминирующая специфику проявления общих способностей в профессиональной деятельности при понимании под способностями ансамбль свойств, необходимых для успешного осуществления какой-либо деятельности, включая в них систему личностных отношений, эмоциональные и волевые особенности (А.Г. Ковалев, В.Н. Мясищев).

Используемые в системе психологического сопровождения эффективные технологии развития личностной гибкости позволят обеспечить динамику осознания будущими менеджерами своего места в ситуации выбора и организации продуктивной деятельности, что, в свою очередь, является основой их профессионального самосовершенствования как на психосоциальном, так и на социальном уровнях профессиональной подготовки. Личностная гибкость обеспечивает личностное саморазвитие в учебно-профессиональной среде вуза и интеграцию регулятивно-прогностических способностей и личностных ценностей образа Я-профессионал, с одной стороны, и осознание профессиональной ситуации и выбора продуктивной профессиональной деятельности будущих менеджеров – с другой.

Библиографический список

1. Завалишина, Д.Н. Практическое мышление: Специфика и проблемы развития / Д.Н. Завалишина. – М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2005. – 376 с.
2. Ивашкин, А.Г. Психологические основы развития профессиональной успешности личности муниципального руководителя: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / А.Г. Ивашкин. – М.: 2007.
3. Митина, Л.М. Профессиональная социализация личности / Л.М. Митина, Р.Л. Кричевский // Проблемы профессиональной социализации личности / под. ред. Л.М. Митиной. – Кемерово, 1996. – С. 7–22.
4. Кабаченко, Т.С. Психология управления / Т.С. Кабаченко. – М.: Российское педагогическое агентство, 1997. – 324 с.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕДОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ СИБНАРОБРАЗА 20-30-х гг. XX в.

Сибнаробраз, педологическая служба, педологическая «работа по детям», обследовательская практика в школе, педагогическая диагностика, стандарты «сибирского ребенка».

В школьной практике Сибнаробраза 20 – начале 30-х гг. XX в. учитель, ответственно подходивший к своей работе, остро нуждался в постоянном сочетании знания детей с оценкой дидактической эффективности собственного труда. В повседневной практике бессистемное, некритическое отношение к этим вопросам неизбежно вело не только к поверхностному суждению о ребёнке, но и к усреднённости всех педагогических требований и установок, к стандартизации обучения и воспитания. Объективная информация могла быть использована для оптимизации педагогического процесса, повышения качества педагогического труда. Поэтому учителя поддерживали идею педологизации учебно-воспитательной работы.

С окончанием Гражданской войны в Сибири этот процесс происходил в несколько этапов, по ряду объективных причин, не совпадавших с ходом педологизации учебных заведений России (это тема отдельной статьи). Первоначально обследование (1919–1927 гг.) носило ограниченный характер и не выходило за рамки наработки теоретической и методической базы. Реализовывалось оно силами педологов-энтузиастов по двум направлениям: выявления психофизических «стандартов сибирского ребёнка» и выработки на их основе действенных методик рационального построения учебного процесса в сибирской школе (*научно-теоретическое направление*), а также оказания диагностической и коррекционной помощи в обучении и воспитании нуждающимся детям (*прикладное направление*).

Как и в западной части страны, в Сибири существовало двойное подчинение педологической работы – Наркомздраву и Наркомпросу. Это мало смущало сибирских педологов-энтузиастов. Взяв на себя задачу всестороннего изучения «сибирского ребёнка» при отсутствии дипломированных педологов, свою деятельность они вынужденно строили в тесном сотрудничестве со школьными врачами, воспитателями и другими членами школьного коллектива. Такое сотрудничество одобрил Всероссийский съезд заведующих Губсоцвосами (март 1923 г.). Позднее в резолюциях I Педологического съезда (1927 г.) в части, посвященной педдиagnostической работе в школе, прямо рекомендовалось «установить в каждом детском учреждении реальное сотрудничество врачей, педагогов и педологов» [ЦГАРФ. Ф. 1575. 331 : 29–30].

Эти рекомендации реализовывались через введение в состав школьных советов и другие органы ОНО врачей (школьно-санитарных), педологов, психиатров [ЦГАРФ 1575. 331 : 26]. Кроме этого, в каждом районе создавались санитарно-педологические комиссии, а в каждом детском учреждении – санитарные тройки [АААКК. Р.137. 17 : 273]. Опыт функционирования такой комиссии был отражен в отчете за 1928 г. профшколы г. Красноярска. Состояла она из трёх врачей и заведующего учебной частью и ориентировала свою работу не только и не столько на обслуживание нужд педагогического процесса (изучение дидактической эффективности методов обучения; мотивации учения и т. д.), а фактически выполняла функцию комиссии по психотехническим испытаниям (занималась диагностикой способностей, отбором «отклоняющихся» и талантливых детей).

Тем не менее комиссии являлись первым опытом организации педологической помощи школе на постоянной основе (а позднее, с созданием инфраструктуры педологической службы составили её первичные структурные подразделения). Обследовательский, измерительный уклон в ее работе, сортировка учащихся объяснялись врачебным влиянием на понимание сути диагностики. Развернуть работу в педагогическое русло в условиях сибирской школы оказалось сложно из-за отсутствия специалистов и перегруза в работе комиссий.

Как свидетельствуют статистические данные, на одного школьно-санитарного врача или педолога в г. Красноярске приходилось 6 школ. В округах губернии еще больше. Охватить такое количество детей в условиях развернувшегося всеобщего было нереально. К тому же деятельность педолога подкреплялась соответствующими инструкциями Наркомпроса, а врача – инструкциями Наркомздрава. В силу их частых разночтений даже конкретные функциональные обязанности и предназначение в школе педолога и врача, их роль в комиссии не были определены. В самом общем виде определялись только направления их совместной деятельности:

– *педдиagnostическое*, в ходе которого выявлялись «болевыe точки» в школе, школьном коллективе и отдельной личности;

– *коррекционно-консультативное*, которое предполагало педологическое воздействие на школьный коллектив или отдельную личность, выработку рекомендаций, позволяющих успешно устранить выявленные «болевыe точки»;

– *профилактическое*, которое заблаговременно предупреждало все «болевыe точки» и тем самым предотвращало их появление;

– *просветительское*, которое предполагало пропаганду и распространение педологических знаний в учительском коллективе, среди родителей и детей.

В сложившихся условиях, поскольку научно-исследовательская работа педолога была ориентирована Наркомпросом на школу, на рационализацию учебно-педагогического процесса и подкреплялась методическими разработками центральных педологических учреждений, широко дискутировался вопрос о возможности вести эту работу учителями (которые в отсутствие педологов-специалистов широко привлекались к обследованию).

Сторонники и противники вовлечения учителя в диагностическую работу приводили свои резоны. Первые считали, что именно учитель имел возможность повседневно наблюдать ученика, тогда как педолог и врач в силу специфики своей деятельности были лишены этой возможности. К тому же именно учитель проводил в жизнь конкретные коррекционно-воспитательные воздействия [Рубинштейн 1973 : 185]. Педолог, исходя из поставленного диагноза, определял лишь общее, приблизительное содержание таких воздействий. Вторые утверждали, что учителя не обладают достаточными знаниями и навыками в педологии. Не обладают «элементарной педологической культурой» [ЦГАРФ. Ф. 1575. 195 : 1].

Дискуссии по этому вопросу не привели к его разрешению. В то же время как сторонники, так и противники были едины в том, что, исходя из потребностей практики, необходимо каждого учителя научить вычленять из круга проблем учебно-воспитательного процесса те, которые имели педологическую природу, всячески поднимать уровень общепедологических знаний и культуры учителей, укреплять контакты школьных учителей в вопросах педдиagnostики со специалистами-педологами и под руководством последних. Реально же, поскольку сибирские педологи имели колоссальную рабочую нагрузку и минимум времени для её выполнения, они концентрировали своё внимание на «отклоняющихся от нормы детях» и на выработке «стандартов» выявления и коррекции норм проявлений «сибирского ребёнка». Остальные дети тоже нуждались в педологических консультациях (начиная от выявления учебных способностей и заканчивая профориентацией), поэтому учитель должен был взять (и брал) на себя основную часть этой работы, но строго по материалам (тестам, анкетам, оп-

росникам и т. д.), подготовленным для него педологическим кабинетом района или города и под постоянным контролем школьного педолога. Таким образом, учитель выполнял только техническую часть работы, а обработка данных и рекомендаций находилась в компетенции педологических кабинетов. С ними школы устанавливали тесную связь.

В этих условиях при выполнении решения Наркомпроса о педологизации педагогического процесса во всех учебных заведениях, с одной стороны, четко обозначилась необходимость сибирских учителей участвовать в обследовании (из-за нехватки квалифицированных кадров педологов), с другой – проявилась невозможность, а часто и неспособность учителей вести эту работу. Руководство ЕнгуБОНО, дабы устранить эту проблему, пришло к идее создания постоянной педологической службы. В этой связи в итоговых материалах конференции по педологическому двухнедельнику 1927 г., положившему начало систематической педдиagnostической помощи школе и формированию структур педологической службы в г. Красноярске, отмечалась необходимость концентрации сил и правильной организации труда педологов. Решение этой задачи виделось через переход от разрозненных усилий школьных коллективов к единству в смысле планирования, объёма, содержания, а также руководства, которое осуществлялось через педологический кабинет города, функционировавший при педтехникуме [АААКК. Ф. Р.137 145 : 109].

На местах это проходило через кооперацию усилий нескольких лиц, нацеленных на педологическую работу школы, объединенных в педологические комиссии. Все педологические вопросы решались коллегиально [Шнейдер 1931 : 80]. Одним из важнейших принципов коллегиальности работы педологической комиссии учебных заведений являлся принцип *коллективного обсуждения проблем и принятия решений* по любым вопросам. Таковыми являлись: утверждение районных программ и методик изучения детей; утверждение решений о направлении ребят в спецклассы или школы и т. д. При этом при обсуждении педолог выступал лишь как более квалифицированный специалист, фактически не влияя на решение, что не гарантировало от случайностей и ошибок [Шнейдер 1931 : 82].

Основой принятых решений в работе комиссий являлся *демократический централизм*. Коллегиальность предусматривала сочетание общей и личной ответственности члена комиссии (ячейки, бригады) за порученное дело, что было слабым местом в работе педологических комиссий, т. к. персональная ответственность исключалась, а коллективная оказывалась слишком безликой, ослабляющей ответственность за принятое решение. Особенно это сказалось в период, когда увлечение педологией стало всеобщим и началась практика отбора детей для обучения в спецшколах. Педолог не мог влиять на решение педологической комиссии, большинство которой составляли учителя и администраторы школ, решавшие таким образом свои профессиональные проблемы. Поэтому педологами повсеместно поднимался вопрос совершенствования методик такого отбора, до минимума сводящих возможность ошибки.

Всплеск обследования в Сибири в середине 20-х гг. требовал выработки новых, более совершенных и простых методик, а также переработки и адаптации к местной специфике и наличному «кадру» старых обследовательских методик. Вести эту работу мог только научный коллектив, но такой, который бы постоянно соприкасался с повседневной практикой школ и участвовал в обследовании. После двухнедельника 1928–29 учебного года эта работа уже строилась на основе «единства» в сотрудничестве (планирование, объём и содержание) педологических комиссий школ [АААКК. Ф. Р.137. 145 : 110].

Анализ архивного материала позволяет утверждать, что с середины 20-х гг. начинается быстрая трансформация педологических комиссий в лаборатории и кабинеты, которые организовывались при педагогических ИНО (институты народного образования) и педагогических техникумах, домах работников просвещения [АААКК. Ф. Р.137. 145 : 110; ЦГАРФ. Ф. 1575. 395 : 1; 196 : 8], расширяются масштабы их деятельности, увеличиваются штаты ра-

ботников (такая практика к 1925 г. уже имелась в Центральной России). Постепенно эти кабинеты и лаборатории стали основными районными педологическими центрами. Например, в г. Красноярске «постоянно действующая комиссия стала консультацией по педологии при доме работников просвещения» [АААКК. Ф. Р.137. 108 : 153]. В таких центрах сосредоточивались силы педологов, которые могли осуществить научно-исследовательскую работу и практическую помощь, ориентированные не на отдельные школы, а на район или город. К концу 20-х гг. назрела необходимость организовать единый центр, работающий на все школы города или района, чтобы он функционировал достаточно длительное время «на постоянной основе» и под единым руководством.

В этом отношении весьма своевременными оказались совместное положение Наркомпроса и Наркомздрава РСФСР «О проведении массовой педологической работы по всестороннему изучению детства» (1928 г.) и Постановление СНК СССР «О повышении уровня межведомственной плановой комиссии по педологии» (август 1928 г.), которые окончательно передавали педологию в подчинение Наркомпроса. В Сибири, как и в России, начался процесс размежевания педолого-педагогической работы с врачебно-педологической, что ускорило перестройку структуры педологической службы на местах. Начала складываться сеть самостоятельных учреждений при методкабинетах, ОНО, ДРП, ОПУ. Между ними возникали отношения взаимосвязи, соподчинения и иерархии. Например, головным научно-методическим центром Енисейской губернии стал педологический кабинет педтехникума [АААКК. Ф. Р.137. 145 : 110]. Именно он нес основную научно-методическую нагрузку по изучению «сибирского ребёнка», по выработке «общесибирского учебно-воспитательного стандарта», а также приспособлению сибирского варианта программ ГУСа к возможностям «сибирского ребёнка». Одновременно кабинет выполнял экспертную функцию при межведомственной педологической комиссии СибОНО. В нее входили ведущие педологи, педагоги и врачи губернии. Помимо этого, кабинет оказывал повседневную помощь в практической работе педологических комиссий, санитарных троек, педологов и учителей сельских и городских школ, в решении возникавших учебно-воспитательных проблем, в налаживании поддержания контакта с родителями, педкоррекционной помощи детям [АААКК. Ф. Р.137. 70 : 23; 1480 : 27 177].

Чёткое взаимодействие педологических структур педагогических учреждений и городского педологического кабинета сложилось не сразу, т. к. работники кабинетов первоначально понимали свою задачу лишь в научной обработке получаемых из школ материалов с целью «выработки» и установления общегородских «стандартов», а не в конкретной помощи школьным педологам и учителям в их работе. Окружные методические бюро ОкрОНО были вынуждены воздействовать на педологический кабинет города, побуждать к своевременно удовлетворению запросов с мест [АААКК. Ф. Р.137. 108 : 153–154; 145 : 101, 110]. В обязанности кабинетов вменялось установление тесных связей со школами путём посылки, запросов, обмена материалами, опытом педологической работы, в частности через сборник распоряжений [АААКК. Ф. Р.137. 112 : 76–77; 145 : 101–102].

Впоследствии городской педологический кабинет возглавил всю педологическую работу школ районов и города. Взаимосвязь со школами была недостаточно отлажена и скромна по масштабам, осуществлялась в основном через переписку, личные встречи на конференциях и курсах, в подготовке которых педологические кабинеты принимали непосредственное участие. Помимо этого, педологи городских кабинетов участвовали в выездной работе в сельских районах, округах, но это случалось очень редко и лишь по просьбе с мест.

Районные педологические кабинеты и школьные комиссии, проводя основную исследовательскую и консультационную работу, занимали очень важное промежуточное положение в структуре государственной педологической службы. Повсеместное внедрение педологического сознания в деятельность учителя актуализировало педологическую службу школы.

Районные педологи кабинета должны были выступать в качестве передаточного звена от школьной практики к педологической теории.

Педологическая служба, благодаря этому звену, получала прежде всего возможность более оперативно и точно учитывать актуальные запросы школы, явилась звеном, увязывающим педологическую теорию с практикой, и наоборот [АААКК. Ф. Р.137. 145 : 111]. Педологические кабинеты осуществляли постоянную научную связь с педологическими центрами, институтами, кафедрами европейской части страны. Сотрудничали с ведущими педологами страны (С.С. Моложавым, А.Б. Залкиндом, О.В. Трахтенбергом, К.Н. Корниловым, П.П. Блонским и др.). Апробировали и адаптировали их диагностические методики к условиям воспитания и обучения «сибирского ребёнка» [ЦГАРФ. Ф. 2306. 297 : 31-об]. Вся обследовательская работа в школах городов и районов проводилась по документам (анкетам, опросникам, схемам, тестам и т. д.), присылаемым из педологических кабинетов [АААКК. Ф. Р.137. 108 : 154]. Результаты обследований возвращались в педологические кабинеты и направлялись затем в педологические центры, институты, кафедры европейской части страны для их обработки и выдачи конкретных рекомендаций по каждому конкретному случаю.

Разграничение функций устраивало всех. Наличие звена районных педологических кабинетов избавляло массу учителей от «тяжкой обязанности» заниматься «педологическим творчеством» по выработке обследовательских методик и их улучшению, оставляя им только чисто техническую элементарную функцию в ходе обследования, а педологов-теоретиков – от научных поисков в одиночку, давало им более широкие возможности проверки методик. Обилие материала, накапливавшегося в архивах РПК, давало пищу для коллективной методической работы. Но она всё больше приобретала чисто «технический» уклон (в разработку теоретико-методических вопросов школьной диагностики), рос разрыв *диагностической работы с формирующей*, которая полностью ложилась на учителей. Поэтому, определяя перспективы развития школьной педдиagnostики, педологи РПК делали вывод о необходимости расширения низового звена педологической службы – деятельности *школьного педолога*. Себе же отводили роль посредника между ним и научными центрами.

Итак, изучение и анализ исторического материала позволяют сделать следующие выводы.

В означенный период работа по систематическому обеспечению педологической помощи учебно-воспитательным учреждениям Сибнаробраза находилась в стадии становления. Вследствие местных условий она проходила в иные, нежели в России, сроки и не завершилась структурным оформлением педологической службы региона.

Формирование инфраструктуры педологической службы успешнее реализовывалась в городах, где имелись наиболее подготовленные специалисты, через естественную кооперацию усилий в планировании и реализации обследовательской деятельности с постепенным углублением соподчиненности и иерархии ячеек службы.

Формирование педологической службы в регионе осуществлялось без расчёта на педолога-специалиста, как это было в России. В работе педологической службы принимали участие школьные педагоги, врачи, воспитатели.

Вследствие вышесказанного складывание инфраструктуры педологической службы затянулось до 1936 г.

Библиографический список

1. АААКК. Ф.Р.137. Оп. 1. Д. 17. С. 273. Д. 70. Л. 23. Д. 108. Л. 153–154. Д. 112. Л. 76–77. Д. 145. Л. 101–102, 109, 110, 111. Д. 1480. Л. 27, 177.
2. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М., 1973. – С. 185.
3. ЦГАРФ. Ф. 1575. Оп. 1. Д. 331. Л. 26, 29–30. Оп. 4. Д. 195. Л. 1. Д. 196. Л. 8. Д. 395. Л. 1. Ф. 2306. Оп. 10. Д. 297. Л. 31-об.

4. Шнейдер, Н. Некоторые предпосылки методики и организации педологической работы в массовой школе / Н. Шнайдер // Педология. – 1931. – № 2. – С. 80, 82.

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ МЕЖДУ КРЕАТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫМИ ПАРАМЕТРАМИ ИМИДЖА РУКОВОДИТЕЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ И ЕГО САМООЦЕНКОЙ

Имидж, руководитель, статус лидера, профессиональные качества, параметры самооценки, стрессоустойчивость.

В последнее время понятие «имидж» заняло прочное место в нашем лексиконе. Если десять лет назад этот термин можно было встретить лишь в узкоспециальных изданиях, то в последние годы он стал все чаще не только использоваться, но и исследоваться. Об имидже рассуждают политики, бизнесмены, журналисты. Слово «имидж» часто используется в периодической печати, телепередачах, рекламе. В сознании современного человека все более закрепляется представление об имидже как об определенной ценности, от наличия и качества которой зависит жизненный успех.

Изучение особенностей имиджа руководителя образовательного учреждения дает возможность подходить целенаправленно к его формированию, использовать его как ресурс для налаживания контакта с различными группами общественности и поддержания с ними гармоничного взаимодействия. Также знание особенностей имиджа руководителя, работающего в системе образования, позволит целенаправленно формировать имидж организации, что даст возможность ей занять более выгодную позицию на рынке образовательных услуг, а следовательно, функционировать более эффективно.

При проведении исследования мы опирались на теоретическое описание имиджа, предложенное А.А. Деркач и Е.Б. Перельгиной. Имидж определяется как «символический образ субъекта, создаваемый в процессе взаимодействия» [Деркач, Перельгина 2006 : 120]. Данный теоретический подход к рассмотрению имиджа опирается на положения социальной психологии и акмеологии и отражает его существенные характеристики.

В имидже руководителя отражаются следующие персональные характеристики: возраст, пол, уровень образования, наличие-отсутствие физических дефектов, культура, коммуникабельность (приветливость, открытость, доступность в общении, улыбчивость), правильность речи, характер руководителя, тип его личности, индивидуальный стиль принятия решений и т. д.

Наиболее важными социальными характеристиками, отражающимися в имидже руководителя, являются статус лидера, модели ролевого поведения, связь с различными социальными группами, социальная принадлежность, нормы и ценности, которых придерживается лидер.

Проведенное нами исследование направлено на изучение взаимозависимости имиджа руководителя образовательного учреждения и его самооценки.

В качестве метода исследования был выбран метод семантического дифференциала на основе оценок имиджа руководителя образовательного учреждения сотрудниками данных учреждений и самооценок руководителей. В качестве критериев оценки были выбраны профессионально важные качества руководителя.

Профессионально важные качества – «это индивидуальные свойства субъекта деятельности, которые необходимы и достаточны для ее реализации на нормативно заданном уровне и которые значимо и положительно коррелируют хотя бы с одним (или несколькими) ее основными результативными параметрами – качеством, производительностью, надежностью» [Психология труда 2003 : 190].

Профессионально важные качества являются теми воспринимаемыми и измеряемыми свойствами, которые находят свое отражение в имидже руководителя.

Респондентам предъявлялся опросный лист, включающий 20 высказываний, характеризующих профессионально важные качества руководителя. Интервьюируемому необходимо было оценить степень своего согласия с данным утверждением, поставить в соответствующей графе: если полностью согласен – +3; если согласен – +2; если скорее согласен, чем не согласен – +1; если совершенно не согласен – -3; если не согласен – -2; если скорее не согласен, чем согласен – -1; если нет возможности ни согласиться с высказыванием, ни отвергнуть его – 0.

По результатам опроса был проведен расчет коэффициентов корреляции с использованием R Спирмана. Данный расчет был выполнен с целью установления взаимозависимости между имиджем и самооценкой руководителей образовательных учреждений.

По данным корреляционного анализа, между параметрами имиджа руководителя образовательного учреждения и особенностями самооценки были выделены те параметры самооценки, с которыми обнаружены значимые корреляционные связи.

Наибольшее число положительных значимых корреляционных связей, исходя из оценки сотрудников, обнаружили креативно-коммуникативные параметры имиджа и самооценки руководителей.

Значимость данных параметров для формирования имиджа руководителя подтверждена многочисленными исследованиями. Коммуникация и творчество имеют прямое отношение к эффективности работы руководителя.

Коммуникативные качества (контактность, разговорчивость, общительность, готовность к обсуждению, сила убеждения, аттрактивность, обаяние, дружественное отношение к организации, уверенная манера держать себя) имеют существенное значение для деятельности менеджера. Руководитель затрачивает на общение (в виде речевой коммуникации) более трех четвертей своего рабочего времени, поэтому важность данного качества бесспорна.

Креативность мы рассматриваем как «способность к творческому решению задач» [Кричевский 1998 : 31]. Это качество является признаком сильного руководителя. Креативность рассматривается в двух плоскостях: с точки зрения инновационной деятельности – «в ней руководитель выступает как творец, социальный архитектор»; как способность «видеть элементы новизны, творчества в деятельности других людей, в частности подчиненных, и поддерживать их начинания» [Кричевский 1998 : 32].

Высокая самооценка руководителей по шкале «креативность» взаимосвязана с оценкой сотрудников по этому же параметру и относительно таких качеств, как «предприимчивость» ($r = 0,32$), «ответственность» ($r = 0,21$), «готовность выслушивать мнение других» ($r = 0,27$), «упорство» и «стремление к достижениям» ($r = 0,25$), «умение эффективно использовать время» ($r = 0,23$), «общительность» ($r = 0,23$). Следовательно, если руководитель оценивает себя как «креативного», то сотрудники склонны оценивать его как предприимчивого, ответственного работника, готового выслушать другое мнение, упорного, стремящегося к достижениям, умеющего эффективно использовать время, добросовестного, доминирующего, уравновешенного, уверенного, общительного, обладающего навыком расстановки кадров, обаятельного и здорового.

В свою очередь, высокая самооценка руководителей по шкале «общительность» имеет прямую положительную связь с оценкой сотрудников относительно таких качеств, как

«предприимчивость» ($r = 0,25$), «упорство» ($r = 0,22$), «доминантность» ($r = 0,23$), «ответственность» ($r = 0,25$), «креативность» ($r = 0,22$). Следовательно, если руководитель приписывает себе такое качество, как «общительность», то в глазах сотрудников занимает выигрышную позицию сразу по нескольким критериям. «Общительных» руководителей сотрудники оценивают как предприимчивых, стратегически мыслящих, ответственных работников, стремящихся к достижениям, готовых выслушать другое мнение, креативных, упорных, умеющих эффективно использовать время, добросовестных, беспристрастных, доминантных, обаятельных и здоровых.

Наибольшее число отрицательных корреляционных связей между самооценкой руководителей и мнением сотрудников наблюдается по шкале «стрессоустойчивость». Из 16 значений только 4 имеют положительную направленность. Положительная взаимосвязь обнаружена между «стрессоустойчивостью» (самооценка руководителей) и «обаянием», «навыком расстановки кадров», «широтой взглядов». Отрицательная взаимосвязь наблюдается между «стрессоустойчивостью» и такими качествами, как «упорство» ($r = -0,24$), «ответственность» ($r = -0,18$), «здоровье» ($r = -0,19$). Следовательно, если руководитель оценивает себя как «стрессоустойчивого», то в оценках сотрудников он предстает как безответственный, недобросовестный, неуверенный, нерешительный, уступчивый, не признающий других мнений и необщительный, нездоровый, импульсивный, не умеющий эффективно использовать свое время, предпочитающий традиционные способы деятельности и неупорный, но обаятельный, обладающий широтой взглядов и владеющий навыком расстановки кадров. Данный результат можно объяснить, если учесть специфику педагогических коллективов, члены которых, как правило, отличаются высокой эмоциональностью. Поэтому стрессоустойчивость как способность контролировать свои эмоциональные проявления в условиях значительных психических нагрузок может восприниматься «безразличием к работе организации и попустительством».

Следует отметить, что наименьшее количество корреляционных связей с мнением сотрудников обнаруживает такой параметр самооценки руководителей, как «стратегичность». Положительная взаимосвязь наблюдается между данным качеством и «доминантностью» и «готовностью выслушивать мнение других», «здоровьем», «общительностью» «предприимчивостью», «упорством»; отрицательная – связана с «решительностью». Такая картина вполне объяснима, если принять во внимание процесс разработки стратегии. Вышеперечисленные качества являются условием успешного формирования и внедрения стратегии.

Проделанный анализ позволяет выявить следующие тенденции в характере связи самооценки и имиджа руководителя образовательного учреждения:

- существует взаимозависимость между имиджем руководителя образовательного учреждения и его профессиональной самооценкой – сотрудники образовательных учреждений высоко оценивают руководителя по тем критериям, относительно которых он сам оценивает себя высоко;

- выделяются отдельные параметры имиджа, с которыми обнаруживается наибольшее количество значимых связей: наибольшее число положительных значимых корреляционных связей обнаружили креативно-коммуникативные параметры имиджа и самооценки руководителей – оценку сотрудниками указанных профессионально важных качеств мы определяем как системаобразующую при формировании имиджа руководителя образовательного учреждения.

На основании этого мы делаем вывод о конгруэнтности имиджа и профессиональной самооценки руководителя образовательного учреждения.

Библиографический список

1. Деркач, А.А. Акмеологические основы развития профессионала / А.А. Деркач. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004. – 752 с.
2. Деркач, А.А. Социальная психология и акмеология: формирование имиджа / А.А. Деркач, Е.Б. Перельгина. – М.: Изд-во НОУ СГИ, 2006. – 480 с.
3. Кричевский, Р.Л. Если вы руководитель. Элементы психологии менеджмента в повседневной работе / Р.Л. Кричевский. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Дело, 1998. – 400с.
4. Психология труда: учеб. для студ. высш. учеб. завед. / под ред. проф. А.В. Карпова. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 352 с.

РОЛЬ РЕЧИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОИЗВОЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Речь, произвольное поведение, онтогенез, регулирующая функция речи, внутренняя, внешняя речь.

Проблема формирования произвольного поведения – одна из ключевых проблем психологии и физиологии. Одним из ключевых моментов в осуществлении произвольного акта является его «оречевление». Научная проблема исследования заключается в том, что не в полной мере изучен психофизиологический механизм произвольного поведения. Решение данной проблемы позволит выявить эффективные формы воспитания и обучения саморегуляции поведения детей дошкольного и школьного возраста.

Цель исследования: теоретический анализ проблемы взаимосвязи речи и формирования произвольного поведения в онтогенезе. Данный аспект является частью научного поиска решения проблемы формирования произвольного поведения у учащихся с нарушенным интеллектом.

Научная новизна заключается в систематизации материала по формированию произвольного поведения в онтогенезе; во вскрытии психофизиологических механизмов влияния речи на формирование произвольного поведения.

Для понимания механизма формирования произвольного поведения у детей, необходимо опираться на концепции физиологического развития (И.М. Сеченов, И.П. Павлов, Н.А. Бернштейн, П.К. Анохин и др.) и концепции психического развития ВПФ (Л.С. Выготского П.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия и др.).

И.С. Беритов писал, что произвольное движение человека характеризуется наличием сознательных целей, которые намечаются для удовлетворения личных и социальных потребностей путем словесного планирования деятельности. Отсюда характерной особенностью произвольных актов является не только их сознательный характер, но и связь со второй сигнальной системой (по И.П. Павлову), т. е. с мышлением и речью.

Вскрыть механизм влияния слова на двигательное поведение удалось И.П. Павлову. Он впервые сформулировал исходные положения о двух сигнальных системах. И.П. Павлов указывал на то, что *вторая сигнальная система подчиняется в своем функционировании общим законам высшей нервной деятельности, однако вносит в последнюю «чрезвычайную прибавку» в виде отвлечения и обобщения первых сигналов действительности.*

И.П. Павлов считал, что «непроизвольное можно сделать произвольным, но достигается это теперь при помощи второй сигнальной системы»⁴.

Человек по принципу условного рефлекса вырабатывает способность по словесному сигналу воспроизвести определенное двигательное представление и, опираясь на него, – определенный двигательный акт. Л.А. Орбели замечает в связи с этим, что обезьяна может имитировать действия человека, но объяснить ей, что следует сделать то или иное движение, невозможно.

Большая заслуга в изучении словесного управления произвольными движениями принадлежит Л.С. Выготскому. Согласно его представлениям, первоначальная роль речи в управлении произвольными движениями сводится к тому, что ребенок научается подчинять свои

⁴ Павловские среды. Протоколы и стенограммы физиологических бесед. В 3 т. Т. 1. – М.; Л., 1949. – С. 337.

действия словесным требованиям взрослых. В дальнейшем уже собственная речь ребенка служит организатором его поведения. При этом речь претерпевает своего рода эволюцию: вначале ребенок организует свою деятельность с помощью громкой речи, затем она постепенно свертывается, превращаясь во внутреннюю речь [Лурия 1957], или исчезает совсем (Е.Н. Соколов).

Развитие речевой регуляции моторных функций составляет центральную проблему физиологии и психологии произвольных движений человека. «Лишь благодаря слову произвольные действия могут приобрести тот собственно преднамеренный и сознательный характер, который качественно отличает их от так называемых произвольных движений животных» [А.В. Запорожец 2000].

Управление моторикой, осуществляемое на ранних ступенях онтогенеза исключительно путем непосредственной сигнализации, в ходе дальнейшего развития начинает производиться при непрерывно возрастающем участии словесной системы, выступающей как в виде словесных указаний и требований окружающих людей, так и в виде намерений самого ребенка, сформулированных с помощью внешней или внутренней речи.

Значение речи в превращении двигательных функций из непроизвольных, неосознаваемых в произвольные, сознательно регулируемые издавна отмечалось в научной литературе. Так, отечественный анатом и педагог П.Ф. Лесгафт указывал на роль слова в формировании у ребенка умения сознательно управлять своими движениями.

Согласно культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, главным средством овладения своим поведением является речь. Овладение речью и повышение ее роли в регуляции поведения составляют существо развития произвольности поведения человека. Овладение речью не может рассматриваться как частный момент в развитии произвольности; здесь происходят кардинальные изменения в отношении ребенка к внешнему миру и к себе, влекущие качественную перестройку всей психической жизни. Как отмечал Выготский, благодаря речи ребенок вступает в отношения с ситуацией не непосредственно, но через посредство речевых знаков, которые становятся орудиями овладения собой. Это позволяет обрести относительную свободу от ситуации и преобразовать импульсивные движения в планируемое, организованное поведение [Выготский 1983. Т. 6 : 24].

Но овладение речью в онтогенезе происходит не сразу и не дается ребенку в готовой форме. Оно вырастает из последовательных изменений психологических структур и проходит ряд этапов. При этом речь как явление многомерное развивается одновременно по нескольким линиям. В контексте интересующей нас проблемы можно выделить две основные линии развития речи и, соответственно, две ее функции – коммуникативную и регулятивную.

Речь возникает и первоначально развивается в онтогенезе как средство общения со взрослым. Параллельно с развитием коммуникативной, активной речи происходит процесс становления ее регулятивной функции. Л.С. Выготский представлял этот процесс следующим образом.

Источником речи для себя (т. е. регулирующей речи) является социальная речь ребенка, адресованная взрослому. На первых этапах ребенок воспринимает адресованные ему указания взрослого и подчиняет им свое поведение. Затем, обращаясь ко взрослым за помощью, он управляет их поведением. На третьем этапе ребенок организует собственное поведение по социальному типу, применяя к себе тот способ поведения, который он раньше применял к другому. Таким образом, речь из категории интерпсихической становится интрапсихической.

Основываясь на этих представлениях Выготского, А.Р. Лурия выдвинул положение о том, что анализ развития произвольного действия у ребенка следует начинать с исследования способности выполнять речевую инструкцию взрослого. При выполнении речевой инструкции действия ребенка коренным образом отличаются от непроизвольных движений: в его основе лежат неврожденные потребности, и в то же время оно не возникает как ответ на не-

посредственно воспринимаемую ситуацию. Действие по инструкции является опосредованным речевым знаком как средством овладения своим поведением, что открывает возможность дальнейшего развития саморегуляции. «То, что сегодня ребенок выполняет как результат словесной инструкции взрослого, он сможет завтра выполнить в ответ на приказ, сформулированный в плане собственно внутренней речи. Поэтому выполнение словесной инструкции может рассматриваться как простейшая модель произвольного действия, несущая в себе все его основные черты и вместе с тем, ввиду относительной простоты, удобная для исследования» (А.Р. Лурия, А.Г. Полякова).

Процесс постепенного формирования возможности подчиняться речевой инструкции взрослого у ребенка первых трех лет жизни стал предметом специальных исследований. В результате этих исследований накоплено большое количество наблюдений, которые позволяют проследить различные этапы этого пути (Л.А. Орбели, Бронштейн, Дж. Брунер, А.С. Полякова, В.А. Розанова, Е.В. Субботский, Е.О. Смирнова и др.).

Однако в представлениях о связи произвольных реакций с речевыми сигналами имеется еще много неясного. Некоторые ученые, вслед за И.П. Павловым, полагают, что применяя речевой сигнал вместо первосигнального условного, можно произвольно вызвать произвольные реакции (А.Г. Иванов-Смоленский, В.С. Мерлин, [Трауготт, Баллонов, Личко 1957]). В соответствии с этой точкой зрения П.В. Симонов считает, что произвольной является реакция, которая может быть осуществлена или задержана по словесному сигналу (своему или чужому), обозначающему эту реакцию или ее прекращение.

В то же время М.Н. Валуева считает такое условие отнесения реакций к разряду произвольных недостаточным. По ее мнению, истинная произвольность возникает при известном отчуждении следов ранее испытанного воздействия от ситуации, в которой это воздействие имело место. Способность использования нервных следов вне той ситуации, где они сформировались, комбинирование следов в новые, ранее не встречавшиеся комбинации делают поведение человека произвольным [Валуева 1967].

Создание человеком новых комбинаций произвольных действий происходит при участии внутренней речи, она выступает в роли инструмента мышления, а не в качестве заменителя внешнего условного раздражителя. В связи с этим произвольные действия нельзя отождествлять с классическими условными рефлексам (хотя условно-рефлекторный механизм может в них и использоваться), и прежде всего потому, что произвольные действия – это действия мотивированные, а значит, сознательные.

Участие второй сигнальной системы в произвольных реакциях еще не дает повода определить произвольность как только речевое управление поведением. Это обусловлено тем, что в онтогенезе речь появляется позже произвольных действий и для произвольности реакций необходимо наличие других признаков, в частности представлений (образа) как регулятора действия.

Таким образом, теоретический анализ проблемы позволил выявить основные концептуальные положения, механизмы взаимодействия речи и произвольного поведения, а также установить противоречия в имеющихся фактах. Необходимо подчеркнуть важность проблемы исследования произвольного поведения и ее связи с речью как фактором формирования личности.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. Формирование произвольного поведения подчиняется законам высшей нервной деятельности человека и связано с двигательной системой.
2. Формирование произвольного поведения тесным образом связано с формированием речевой деятельности индивида и подчинено законам развития речи и ее функций.
3. Процесс развития навыка саморегулирования собственным поведением проходит длительный период и требует специально организованной системы обучения.

Библиографический список:

1. Валуева, М.Н. Произвольная регуляция вегетативных функций организма / М.Н. Валуева. – М., 1967.
2. Выготский, Л.С. Собр. соч. Т. 3, 5, 6 / Л.С. Выготский. – М., 1983.
3. Запорожец, А.В. Психология действия. Избранные психологические труды / А.В. Запорожец. – М.; Воронеж, 2000.
4. Лурия, А.Р. О генезисе произвольных движений / А.Р. Лурия // Вопросы психологии. – 1957. – № 6.
5. Симонов, П.В. О филогенетических предпосылках воли / П.В. Симонов // Вопросы психологии. – 1971. – № 4.
6. Смирнова, Е.О. Развитие воли и произвольности в раннем онтогенезе / Е.О. Смирнова // Вопросы психологии. – 1990. – № 3.
7. Трауготт, Н.Н. Очерки физиологии высшей нервной деятельности / Н.Н. Трауготт, Л.Я. Баллонов, А.Е. Личко. – М., 1957.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА СТУДЕНТАМИ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Одиночество, психологические, социально-демографические факторы, шкала одиночества, пятифакторный опросник, анкета.

Для достижения цели исследования, вынесенной в заглавие статьи, целесообразно, на наш взгляд, использовать следующие методические инструменты.

1. Модифицированная шкала одиночества UCLA Д. Рассела и М. Фергюсона.
2. Пятифакторный опросник личностных свойств Х. Тсуيي.
3. Социально-демографическая анкета.

Модифицированная шкала одиночества UCLA относится к глобальному одномерному подходу в изучении переживания одиночества (ПО). О последнем можно говорить там и тогда, где и когда сам человек осознает неполноценность своих межличностных отношений. Люди вряд ли будут считать себя одинокими, если у них нет внутреннего переживания этого состояния [Пепло 1989 : 171]. Исходя из положения о том, что ПО есть состояние, испытываемое человеком в результате осознания им недостатка отношений различных уровней, оценка эмоционального фона возможна лишь в спектре отрицательных эмоций. А высказывание человека «я одинок» может быть воспринято как информация о неблагополучии. Шкала Рассела – Фергюсона позволяет диагностировать уровень субъективного ПО. С помощью этой методики выявляются индивиды с различной степенью ПО: низкой, средней, высокой. Шкала одиночества UCLA составлена так, что позволяет диагностировать депривацию потребностей личности с трех сторон: эмоциональной, когнитивной, психосоциальной. Анализ аффективной стороны личности позволяет увидеть эмоциональные составляющие, характерные для переживания индивидом состояния одиночества. Изучение когнитивной стороны дает информацию о наличии или отсутствии ПО, которое возникает при определении на когнитивном уровне недостатка значимых контактов. Исследование психосоциальной стороны выявляет дисбаланс тех психосоциальных связей, которые являются причиной возникновения ПО и / или сопутствуют ему.

Впоследствии шкалу Д. Рассела модернизировал М. Фергюсон [Райгородский 2004 : 77, 78]. Модернизированный вариант шкалы одиночества UCLA относительно краток (20 утверждений), удобен в применении (ответы в континууме «никогда – часто»), обладает высокой достоверностью и является обоснованным при определении различных уровней ПО.

Вторым методическим инструментом исследования является «Пятифакторный опросник личностных свойств» в версии японского психолога Х. Тсуيي. Каковы этапы его создания? Какие способы измерения личности ему предшествовали?

Первой попыткой подобного ряда явилась так называемая «Теория черт личности», выдвинутая в 1937 г. Gordon Willard Allport (1897–1967) [Allport 1937]. В последующих работах он развил свою теорию [Allport 1961, 1968]. Согласно Allport, черта личности – это самая значительная единица анализа для изучения и понимания индивида. Черты личности объединяют устойчивость поведения человека во времени и в различных ситуациях. В зависимости от широты спектра их влияния они могут быть классифицированы по трем уровням –

кардинальные, центральные, вторичные. Allport выделял общие и индивидуальные черты. Общие – это те, по которым можно сопоставить большинство людей в пределах данной культуры, в то время как индивидуальные относятся к характеристикам, свойственным какому-либо человеку, и не могут быть критерием для сравнения людей. Факторными конструктами измерения личности, по мнению автора, могли стать «восемь основных критериев определения черты личности».

Английский теоретик факторного анализа Raymond Bernard Cattell (1905–1998) вошел в историю как основоположник «Структурной теории личности». Согласно Cattell, черты личности представляют собой гипотетические конструкции, предрасполагающие человека к устойчивому поведению с течением времени и в различных обстоятельствах [Cattell 1946]. Проведя обширную исследовательскую работу, Cattell пришел к выводу о том, что основополагающая структура личности образована примерно шестнадцатью исходными чертами [Cattell 1965]. Они более известны в связи со шкалой «Sixteen Personality Factor Questionnaire, 16 PF». Исходные черты могут быть разделены на конституциональные и сформированные окружающей средой. Автор различает также общие и уникальные черты. Итак, согласно Cattell, конструктами измерения индивидуальных свойств человека являются «шестнадцать личностных факторов (16 PF)».

Третий выдающийся теоретик измерения психологических свойств и характеристик личности – немец, работавший в Англии, Hans Jurgen Eysenck (1916–1997). Основные положения его «теории типов личности» были разработаны с применением метода факторного анализа [Eysenck 1947]. Иерархическая модель структуры личности Eysenck включает типы, черты личности, поведенческие и специфические реакции. Типы представляют собой континуумы, на которых между двумя экстремумами располагаются характеристики индивидов. Eysenck разработал несколько опросников для оценки трех суперчерт, лежащих в основе его иерархической модели личности. Последним из них является «Eysenck Personality Questionnaire, EPQ» (Личностный опросник Айзенка) [Eysenck 1975]. Этот методический инструмент содержал пункты, релевантные трем факторам, образующим структуру личности (экстраверсия – интроверсия, стабильность – нестабильность, психопатия). Кроме того, EPQ включал в себя шкалу лжи для выявления склонности личности к фальсификации ответов с целью показать себя в более привлекательном свете.

Эти идеи были развиты американскими психологами Robert R. McCrae и Paul T. Costa. В 1978–1983 гг. они с помощью методов кластерного и факторного анализа сконструировали трехфакторную модель основных личностных свойств под названием NEO-I: Neuroticism – Extroversion – Openness Inventory (методика нейротизма – экстраверсии – открытости). Тем самым был создан надежный плацдарм для дальнейшего поступательного движения.

В 1985–1989 гг. соавторы к трем факторам добавили еще два: дружелюбность (Agreeableness) и добросовестность (Conscientiousness). Так появилась первая в истории пятифакторная модель личностных свойств. Официально она стала называться NEO PI (NEO Personality Inventory), а неофициально – для удобства запоминания английских названий факторов – OCEAN. Количество пунктов в тестовых заданиях увеличилось со 109 до 181.

В 1992–1996 гг. McCrae и Costa переработали свою методику. Число факторов они оставили прежним. Однако у каждого из них появилось по 6 факторов. Для выявления одного фактора предлагалось ответить на восемь вопросов. То есть общее число пунктов в опроснике увеличилось со 181 до 240 (5x6x8) единиц. Некоторые факторы изменили свое содержание и, следовательно, наименование. Для удобства запоминания теперь уже не английских, а русских названий стала употребляться аббревиатура ОСЭАН: Открытость, Сознательность, Экстраверсия, Альтруистичность, Нейротизм.

Официально третью (и пока, по нашим сведениям, последнюю) пятифакторную модель McCrae и Costa в научной литературе принято кодировать «NEO PI-R» или «Revised NEO Personality Inventory» (пересмотренный личностный опросник

NEO), но чаще его называют «Big five» («Большая пятерка»). Она предназначена для взрослых (от 18 лет) мужчин и женщин без психических патологий. Опросник к настоящему времени переведен с английского более чем на 30 языков, в том числе на голландский, китайский, корейский, немецкий, русский, эстонский [12].

В 1998 г. японец Х. Тсуйи, адаптируя «NEO PI-R» для соотечественников, предложил биполярность каждого фактора: экстраверсия – интроверсия, привязанность – отдаленность, контролирование – естественность, эмоциональность – эмоциональная сдержанность, игривость – практичность. По мнению автора, новая версия позволяет полнее охарактеризовать личность, так как каждый полюс черты отражает ее своеобразие [13].

Цель, к которой постоянно стремится психологическая наука, – это лаконичность и одновременно полнота описания личности. Японская версия «Big five» представляет собой набор из 75 парных, противоположных по своему значению стимульных высказываний. Иными словами, суммарное число структурных единиц оказалось в 1,6 раза (240:150) меньше, чем в американской версии опросника. Стимульный материал оценивается по пятизначной шкале.

«Большая пятерка» в настоящее время широко используется как зарубежными, так и отечественными психологами. Это дало основание для формулирования положений пятифакторной теории личности. Последняя постулирует общечеловеческую универсальность пятифакторной структуры, генетическую детерминацию черт личности и хода их онтогенетического развития, иммунитет черт личности к пожизненному опыту и т. д. Все, что было сказано об этапах появления на свет японской версии «Big five», в предельно сжатом виде представлено в следующей таблице.

Мы полагаем, что диагностические данные, полученные в результате использования опросника Х. Тсуйи вполне могут рассматриваться как психологический факторный конструкт ПО студентами.

Третьим методическим инструментом является социально-демографическая анкета. По аналогии с методикой Тсуйи мы предложили биполярный подход для каждого социально-демографического фактора: мужчины – женщины, младшие – старшие, состоящие в браке – вне брака, проживающие дома – вне дома, горожане – селяне, «технари» – гуманитарии.

Факторные конструкты измерения свойств личности

№ п/п	Автор, годы	Теории, подходы	Методические инструменты
1	Allport G.W., 1937–1968	Теория черт личности	Перечень критериев определения черт личности (8 пунктов)
2	Cattell R.B., 1946–1965	Структурная теория черт личности	Шестнадцать личностных факторов (16 PF)
3	Eysenck H.J., 1947–1975	Теория типов личности	Личностный опросник Eysenck (EPQ)
4	McCrae R.R., Costa P.T., 1979–1996	«Большая пятерка»	Личностный опросник NEO (240 вопросов)
5	Тсуйи Х., 1998	Биполярный подход к «Большой пятерке»	Сокращенный вариант личностного опросника NEO (75 пар утверждений)

Первый фактор: мужчины – женщины. Проблема ПО студентов в гендерном аспекте напрямую связана с их психосоциальным развитием. Согласно Erikson, в этот период жизни освоение половой роли представляет собой едва ли не основную задачу индивидуума. Сюда входят: закрепление представлений о себе как о существе мужского или женского пола, принятие соответствующего набора поведенческих характеристик и т. п. Расхождение в претензиях на выполнение определенной сексуальной роли и возможность ее осуществления порождает у индивидуума сексуальную агрессивность и ПО [Эриксон 2006]. У женщин менее, чем у мужчин, выражен высокий уровень ПО, потому что им легче окунуться в бытовые и учебные заботы, нежели мужчинам. По нашему мнению, существенным фактором, влияющим на ПО современных мужчин-студентов, является увеличение времени, проводимого ими за телевизором, видео, персональным компьютером или ноутбуком. Это приводит к сужению возможностей для раскрытия внутреннего мира, к уменьшению разнообразия обсуждаемых тем, к депривации потребностей и, как следствие, к самоощущению ПО.

Второй фактор: младшие – старшие. На наш взгляд, эвристический потенциал возрастного аспекта ПО может быть раскрыт с помощью концепции «психосоциального моратория» Erikson [Erikson 2006]. Этим термином обозначается санкционированный обществом период между детством и взрослостью, в течение которого индивидуум имеет возможность экспериментировать с целью нахождения социально-приемлемой идентичности и роли. Продолжительность и интенсивность протекания этого периода различны. Но если к концу не удастся сформировать свою идентичность, индивид глубоко страдает, что, в свою очередь, может послужить причиной проявления у него ПО. Однако категорию «возраст» признать причинным фактором ПО можно лишь условно. Это объясняется тем, что не возраст сам по себе, а социальная ситуация развития, то есть личностные и социально-демографические изменения, связанные с возрастом, влияют на остроту и характер ПО. Черты и свойства, приписываемые культурой общества людям различных возрастных страт, задаются им в качестве норм. Таким образом, инварианты возрастных процессов, связанных с ПО, осознаются с различной степенью и модальностью.

Третий фактор: состоящие в браке – вне брака. Один из главных признаков современной демографической модернизации заключается в переносе центра тяжести социального контроля над семейным поведением людей с социетального на индивидуальный уровень. Эта новация плохо вписывается в традиционные нормы человеческого общения и нередко воспринимается как свидетельство кризиса современной семьи. Однако не следует забывать и о

другой чаше весов: расширение свободы выбора в семейной области, увеличение возможности удовлетворения личных потребностей, самореализация, равенство партнеров и т. д. Одновременное пребывание на двух подвижных «чашах весов» вызывает чувство социальной неуверенности, психологического дискомфорта и, как следствие, – ПО. Людям, его испытывающим, труднее вступить в брак. Поэтому, вероятно, среди холостых и незамужних удельный вес с ПО несколько больше, чем среди женатых и замужних. Однако и супружеские пары нередко испытывают самоощущение ПО. «Утрачиваются не люди, но отношения с ними». Самые частые причины одиночества в семейной жизни – это заикленность на себе, неуверенность в своей привлекательности, робость и закрытость. Возникающие проблемы супруги, как правило, решают внутри семьи, не вынося «сор из избы», что повышает степень их психологического дискомфорта и находит отражение в более высоком уровне ПО.

Четвертый фактор: проживание дома – вне дома. Первую группу составляют студенты, живущие в квартире с родственниками или отдельно. Вторую – студенты, проживающие в общежитии, коммунальной квартире (возможны другие варианты). Известно, что личность оценивает социальные контакты как желательные, когда испытывает психологическую потребность в отношениях с другими людьми. Ожидание желательных отношений может зависеть от предыдущего опыта. Например, если первокурсник, впервые надолго покинувший родной дом, не встречает в студенческом общежитии или у хозяев съемного жилья «помогающего» отношения, то возникает чувство неудовлетворения. Тем самым сравнение ожидаемых и действительных социальных контактов может вызвать отрицательные эмоциональные реакции по отношению к другим людям и явиться критической точкой для самоощущения ПО. У «домашних» студентов, вероятно, имеют место собственные причины для ПО. В силу относительной замкнутости места проживания и / или родительского контроля они ограничены в возможности завязывать новые социальные контакты, удовлетворяющие их потребность в общении, во взаимоотношениях со сверстниками.

Пятый фактор: горожане – селяне. Для нынешнего состояния российского общества характерны промежуточные маргинальные слои. Причем ситуация усугубляется значительным дисбалансом положения селян и горожан, имеющих, так сказать, неодинаковую степень маргинальности. Человек, порвавший связи с малой родиной, оторвавшийся от своих социальных корней, испытывает чувство постоянной неудовлетворенности, не без основания видя ее главную причину в общественных переменах. Поведение выходца из сельской глубинки уже не вписывается в рамки прежней системы отношений и еще не вписывается в рамки новой системы. Он живет одновременно в двух мирах, не будучи полностью адаптированным ни к одному из них. Интеграция личности такого человека затруднена, его сознание раздваивается, он легко теряет ориентиры, впадает в агрессивность или, напротив, в социальную апатию. И, как следствие всего, испытывает острое самоощущение ПО.

Шестой фактор: «технари» – гуманитарии. На наш взгляд, между студентами-гуманитариями и студентами технических специальностей, если смотреть на них с позиции исследуемой проблемы, существует глубинное качественное отличие. Причины последнего, с нашей точки зрения, кроются в различных стратегиях восприятия, мышления и памяти. Они же обуславливают профессиональный выбор, проявляются в особенностях и силе ПО. В ходе учебного процесса различие углубляется. В программу обучения учителя-гуманитария включены педагогическая практика и психолого-педагогические дисциплины и, следовательно, использованы нетипичные для других вузов и факультетов образовательные технологии – тренинги, ролевые и имитационные игры, воспитательные мероприятия и т. п. Специфика подобного рода технологий состоит в том, что в их центре находится личность. Специфика усвоения, например, технологии выплавки металлов иная. Здесь существуют достаточно определенные правила, оформленные в физико-математические формулы, строгие чертежи и схемы зависимости, которые нужно запоминать и переносить. Это те структурно-

функциональные отношения, которые характеризуют мир предметный, вещный. Они сложны и определяются структурой связей, которые достаточно стабильны, можно сказать, неизменны. При изучении инженерно-технических дисциплин стратегию поиска задает усвоенная структурно-функциональная рамка. Кроме того, овладение такими науками, как «Соппротивление материала», «Теоретическая механика», «Математический анализ» и другие, требует сверхэксплуатации памяти. В условиях же любой сверхэксплуатации по закону компенсации снижается эффективность сопряженных психических процессов. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что студенты-«технари» менее рефлексивны, недостаточно способны к тонкому психологическому анализу человеческих взаимоотношений и глубокому проникновению во внутренний мир другого человека.

На основании сказанного можно сделать вывод, что для исследования проблемы переживания одиночества студентами в зависимости от психологических, социально-демографических факторов целесообразно использовать методики, указанные в начале статьи:

- модифицированную шкалу одиночества UCLA Д. Рассела и М. Фергюсона, включающую 20 утверждений и позволяющую классифицировать выборочную совокупность испытуемых по уровню ПО на три группы;
- пятифакторный опросник личностных свойств Х. Тсуи, состоящий из 75 парных высказываний и дающий возможность дифференцировать респондентов на группы в зависимости от наличия тех или иных биполярных психологических факторов;
- социально-демографическую анкету, включающую в свой состав 8 позиций, которые обеспечили условия для группировки испытуемых по восемь диад социально-демографических факторов.

Этот инструментарий позволяет всесторонне и комплексно исследовать феномен ПО студентов в зависимости от психологических и социально-демографических факторов.

Библиографический список

1. Блейк, В. Поговорки ада / В. Блейк // Цит. по: Кларк, М., Эндерсон, Б.Г.
2. Пепло, Л.Э. Одиночество и самооценка / Л.Э. Пепло, М. Мицели, Б. Мораш // Лабиринты одиночества: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 169–191.
3. Райгородский, Д.Я. Практическая психодиагностика: Методы и тесты: учебное пособие / Д.Я. Райгородский. – Самара: Издат. дом «Бахра-М», 2004. – 672 с.
4. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Э. Эриксон. – 2-е изд. – М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. – 341 с.
5. Allport, G.W. Personality: A psychological interpretation / G.W. Allport. – N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1937.
6. Allport, G.W. Pattern and growth in personality / G.W. Allport. – N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1961.
7. Allport, G.W. The person in psychology: Selected essays / G.W. Allport. – Boston: Beacon Press, 1968
8. Cattell, R.B. Description and measurement of personality / R.B. Cattell. – N.Y.: World Book, 1946.
9. Cattell, R.B. The scientific analysis of personality / R.B. Cattell. – Baltimore: Penguin Books, 1965.
10. Eysenck, H.J. Dimensions of personality / H.J. Eysenck. – London: Routledge & Kegan Paul, 1947.
11. Eysenck, H.J. The inequality of man / H.J. Eysenck. – London: Temple Smith, 1975.
12. <http://mirslouvrei.com/content/psy/BOLSHAJA-PJATERKA-1159.html>.
13. <http://psytest.info/content/view/9/9>.

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Э.А. Бабаев

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ВИЗИТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР А.Н. КОСЫГИНА В КАНАДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Внешняя политика Канады, советско-канадские отношения, переговоры.

Политика Канады в отношении Советского Союза на протяжении ряда лет не отличалась самостоятельностью и конструктивным подходом. В межвоенный период руководство страны вслед за Лондоном проводило во многом реакционную политику (дипломатические отношения были установлены лишь в 1942 г.), а в первые десятилетия «холодной войны» выступала верным союзником США, полностью разделяя их курс на «сдерживание коммунизма».

В истории советско-канадских отношений переломным стал 1971 г. В мае состоялся первый в истории двусторонних отношений официальный визит премьер-министра Канады Пьера Эллиота Трюдо в Советский Союз [Бабаев 2007 : 157–162]. В октябре страну кленового листа с ответным официальным визитом посетил Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин. В отечественной историографии эта тема практически никем не была исследована, поэтому ее рассмотрение, на наш взгляд, представляет определенный научный интерес.

Накануне визита советского «премьера» П.Э. Трюдо на пресс-конференции 14 октября сделал заявление. В нем он отметил, что ожидает от предстоящего визита А.Н. Косыгина продолжения диалога, существующего между двумя странами уже несколько лет и укрепившегося в результате его поездки в СССР. «В соответствии с подписанным нами в Москве протоколом, – резюмировал канадский лидер, – мы согласились продолжать обмен мнениями по международным и двусторонним проблемам, и в этом заключается цель визита Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина» [Заявление П.Э. Трюдо 1971 : 1].

А канадская пресса предстоящему визиту советской делегации посвятила пространные комментарии, причем в большинстве из них подчеркивался факт значительного улучшения двусторонних отношений. Так, в редакционной статье столичной газеты «Saturday citizen» отмечалось, что «приезд премьера Косыгина – более чем ответный визит вежливости на посещение премьер-министром Трюдо Советского Союза». Сегодня, по мнению автора статьи, целью советской внешней политики являются полная ликвидация «холодной войны» и рас-

ширение торговли. «Поэтому мистер Косыгин может рассчитывать на теплый прием», – заключает канадская газета [В интересах сотрудничества 1971 : 2].

18 октября глава правительства СССР и сопровождающие его лица прибыли в оттавский аэропорт «Аплендс». Там высоких гостей в сопровождении парламентской делегации встретил лично премьер-министр Канады П.Э. Трюдо.

Во второй половине дня в зале заседаний правительства в здании канадского парламента начались двусторонние переговоры. С советской стороны в них приняли участие Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин, Председатель Совета Министров Грузинской ССР Г.Д. Джавахишвили, министр морского флота СССР Т.Б. Гуженко, заместитель министра иностранных дел СССР С.П. Козырев, заместитель председателя Госплана СССР М.И. Мисник, а также посол СССР в Канаде Б.П. Мирошниченко. С канадской стороны – премьер-министр Канады П.Э. Трюдо, лидер правительства в Сенате П. Мартин, министр иностранных дел страны М. Шарп, его первый заместитель Э. Ритчи, парламентский секретарь премьер-министра Б. Дансон и специальный помощник П.Э. Трюдо по международным делам А. Хэд [Советско-канадские переговоры 1971 : 1].

День 19 октября выдался весьма насыщенным. Утром в столичном клубе «Ридо» А.Н. Косыгин дал завтрак в честь премьер-министра Канады П.Э. Трюдо. На нем он заявил: «Мы, конечно, учитываем, что Советский Союз и Канада принадлежат к разным социально-экономическим системам. В силу этого могут иметь и имеют место различия в оценках и подходах наших стран к тем или иным событиям в мире, к вопросам внутреннего развития обеих стран. Но это не может служить препятствием для развития советско-канадского сотрудничества в пользу разрядки международной напряженности» [В интересах добрососедства и взаимопонимания... 1971 : 4]. После полудня в Зале конфедерации парламента канадское правительство в свою очередь в честь руководителя правительства СССР дало обед, во время которого А.Н. Косыгин и П.Э. Трюдо обменялись речами. Канадский лидер назвал первый приезд «преьера» Советского Союза историческим событием для Канады.

На следующий день в правительственном центре конференций Оттавы А.Н. Косыгин дал пресс-конференцию, на которой поделился впечатлениями о ходе своего официального визита в Канаду. «В эти дни, – сказал А.Н. Косыгин, – уже состоялись наши контакты с премьер-министром П.Э. Трюдо, членами правительства Канады, с представителями различных кругов канадской общественности, канадскими рабочими, интеллигенцией, учеными. Это полезные и дружественные контакты. То, что мы видим здесь, в Канаде, дает представление о достоинствах этой страны, высоком уровне ее экономического развития и технической культуры» [Пребывание Косыгина в Канаде 1971 : 1–2].

Председатель Совета Министров СССР также отметил, что в ходе бесед с канадским лидером у них состоялся обстоятельный обмен мнениями по вопросам международного положения и двусторонних советско-канадских отношений. Вновь было подтверждено обоюдное стремление правительств СССР и Канады к дальнейшему укреплению отношений взаимного доверия и добрососедства. «В отношениях наших двух стран, – подчеркнул А.Н. Косыгин, – нет вопросов, которые нельзя было бы решить с учетом взаимных интересов и которые служили бы помехой на пути развития дружественного сотрудничества. Более того, у СССР и Канады немало сходных проблем в области экономического развития. Советское правительство имеет в виду и дальше действовать в направлении расширения всесторонних связей между Советским Союзом и Канадой» [Пребывание Косыгина в Канаде 1971 : 2].

По результатам переговоров в Оттаве 20 октября 1971 г. А.Н. Косыгин и П.Э. Трюдо подписали Общее соглашение об обменах между Советским Союзом и Канадой. Его основные положения гласили:

1. Правительства Советского Союза и Канады будут поощрять и развивать обмен и прочие формы сотрудничества в области науки, техники, образования, культуры и спорта на основе взаимной выгоды.

2. Оба правительства будут также поощрять и поддерживать обмен визитами ученых, обмен научной информацией и выполнение существующих соглашений между научными организациями двух стран.

3. Правительства двух стран будут также поощрять и поддерживать контакты и обмен в области сельского хозяйства, рыболовства, горного дела и энергетики, охраны природы и окружающей среды, а также в сфере развития природных ресурсов [Советско-канадское соглашение 1971 : 1].

Соглашение сроком на четыре года вступило в силу со дня его подписания. Заканчивая оттавскую часть визита, советская делегация встретилась с руководством канадского парламента: торжественный прием устроили спикер Сената Ж. Дешатле и спикер Палаты общин Л. Ламурэ [А.Н. Косыгин в Канаде 1971 : 4].

Утром 21 октября Председатель Совета Министров СССР и сопровождающие его лица отбыли из Оттавы специальным поездом в Монреаль. На оттавском вокзале, украшенном советскими и канадскими государственными флагами, А.Н. Косыгина провожали премьер-министр Канады П.Э. Трюдо, члены правительства и другие официальные лица. Среди провожающих были главы дипломатических представительств, аккредитованные в Канаде. В поездке по стране (а кроме Монреаля, планировалось посетить также Ванкувер, Эдмонтон и Торонто) советскую делегацию сопровождали лидер правительства Канады в сенате П. Мартин и парламентский секретарь премьер-министра Б. Дансон.

Муниципалитет Монреаля дал завтрак в честь А.Н. Косыгина, на котором мэр города Жан Драпо и Председатель Совета Министров СССР обменялись дружественными тостами. Затем А.Н. Косыгин посетил перевалочную базу «Фернес Уити» и осмотрел монреальский морской порт, где он тепло побеседовал с моряками советского торгового судна «Кировск», находившегося в это время в порту.

Вечером премьер-министр провинции Квебек Р. Бурасса дал обед в честь высокого советского гостя. Он дал высокую оценку только что подписанному соглашению об обменах между Советским Союзом и Канадой и провозгласил тост за процветание советского народа.

В ответном слове А.Н. Косыгин подчеркнул, что самое важное в отношениях между странами – это доверие одного народа к другому. «Беседы с премьер-министром П.Э. Трюдо и встречи в Квебеке, – сказал А.Н. Косыгин, – создают уверенность в том, что взаимное доверие между двумя странами и народами будет расти и что связи в области науки, культуры и других сферах будут укрепляться» [Пребывание А.Н. Косыгина в Канаде 1971 : 1].

На следующий день Председатель Совета Министров СССР посетил домостроительный комбинат компании «Атко лимитед» в окрестностях Монреаля. Это предприятие специализируется на производстве блочно-панельных передвижных домов, предназначенных для использования в арктических районах и других труднодоступных зонах. Советский руководитель провел встречу с рабочими комбината и его менеджментом, на которой президент компании Р.Д. Саусери попросил передать теплые приветствие и наилучшие пожелания советскому народу.

А.Н. Косыгин поблагодарил за гостеприимство и объяснил свое желание посетить именно это предприятие: «Сейчас, когда люди идут в новые необжитые районы, особенно в таких странах, как Советский Союз и Канада, естественно, что такое производство, как этот комбинат, имеет огромное значение. Мы с удовольствием знакомимся с вашим предприятием, мы приветствуем советско-канадское сотрудничество и цель нашего визита в Канаду – укрепить его» [Поездка продолжается 1971 : 1].

Вечером 23 октября советская делегация прибыла в Ванкувер, где по прилету состоялась встреча Председателя Совета Министров СССР с премьер-министром провинции Британская Колумбия Т. Беннетом. На следующий день правительство Канады в отеле «Ванкувер» дало обед в честь главы правительства Советского Союза и сопровождающих его лиц. С канадской стороны на обеде присутствовали лидер правительства в сенате П. Мартин, министр общественных работ А. Лейнг, парламентский секретарь премьер-министра Б. Дансон, другие официальные лица, а также представители деловых кругов и канадской общественности.

Министр общественных работ А. Лейнг от имени правительства Канады, премьер-министра П.Э. Трюдо и канадского народа приветствовал А.Н. Косыгина. «Географические условия и климат вашей страны, – сказал Лейнг, – такие же, как у нас в Канаде. Наши обширные пространства и огромные ресурсы ставят неограниченные задачи перед нашими народами. Мы располагаем общими возможностями, и необходимым для нас общим условием является обеспечение прочного мира, необходимость предотвращения военных конфликтов. Мы, канадцы, полагаем, что такие визиты, как ваш, в огромной степени способствуют перспективам сохранения мира» [Поездка по Канаде 1971 : 1].

Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин в ответной речи выразил искреннюю признательность за гостеприимство и радушный прием, оказанный ему в Канаде. «Наше пребывание в Ванкувере, – сказал А.И. Косыгин, – дает возможность познакомиться с некоторыми, как мне кажется, характерными особенностями жизни Канады. Ванкувер интересен не только своими промышленными предприятиями, прекрасно оборудованным портом, своими культурными и научными центрами. Порт замечателен и тем, что здесь особенно хорошо чувствуешь, какую огромную роль играет в современной жизни, и в том числе в жизни Канады, процесс международного общения.

Конечно, широкое международное общение, в котором столь активно участвует ваш замечательный город, в значительной степени является результатом тенденции в развитии промышленности, техники, науки. Современный научно-технический прогресс служит мощным стимулом расширения контактов, обмена информацией, сотрудничества.

Мы также не сомневаемся в том, что по мере расширения наших обменов будет еще более возрастать и международное значение советско-канадских связей, поскольку их развитие будет способствовать утверждению в практике международных отношений принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Тем самым советско-канадское сотрудничество послужит делу укрепления мира во всем мире» [Поездка по Канаде 1971 : 2]. Глава Советского правительства провозгласил тост за процветание Канады, за благополучие канадского народа, за развитие советско-канадского сотрудничества.

Затем А.Н. Косыгин на судне «Принц Джордж» осмотрел порт Ванкувера – главный незамерзающий порт на западном побережье Канады, а также посетил завод компании «Макмиллан Блоудел». Его очень заинтересовала продукция завода – стройматериалы, целлюлоза, фанера, картон, широко используемые в промышленном и жилищном строительстве провинции Британская Колумбия. Высокого советского гостя на заводе приветствовал президент местного совета лесной промышленности Дж. Дрейский.

Завершив визит в Ванкувер, А.Н. Косыгин специальным самолетом канадских вооруженных сил прибыл в столицу провинции Альберта – город Эдмонтон. В Эдмонтонском аэропорту главу Советского правительства встречали министр сельского хозяйства Канады Х.А. Олсон, премьер-министр провинции Альберта Э. Логхид, другие министры правительства этой провинции. Сразу по прибытии Председатель Совета Министров СССР и сопровождающие его лица направились на никелевый завод компании «Шеррит Гордон майнс», где у них состоялась встреча с президентом фирмы Д.Д. Томасом. В заявлении для печати, розданном корреспондентам, подчеркивалось, что «“Шеррит Гордон майнс” приветствует

возможность участвовать в программе сотрудничества с Россией в области индустриального применения науки и технологии».

После осмотра этого предприятия советские гости направились в административный центр города Эдмонтон, где премьер-министр провинции Альберта Э. Логхид дал обед в честь А.Н. Косыгина. Во время обеда Э. Логхид и А.Н. Косыгин обменялись дружескими тостами.

Премьер-министр Альберты отметил, что одна четвертая часть всего канадского экспорта в Советский Союз идет из провинции Альберта. Жители провинции рады визиту главы Советского правительства, сказал он, они весьма заинтересованы в дальнейшем развитии отношений с Советским Союзом и будут содействовать укреплению этих отношений.

Вечером того же дня высокий советский гость отбыл из Эдмонта в крупнейший город провинции Онтарио – Торонто. В аэропорту его встречали министр национальной обороны Канады Д. Макдональд и другие официальные лица. 25 октября Канадская ассоциация промышленников дала в здании Онтарио-ского научного центра обед в честь А.Н. Косыгина. С канадской стороны в нем приняли участие президент ассоциации Ж. Фильон, лидер правительства в Сенате П. Мартин, министр обороны Д. Макдональд. В своей приветственной речи Ж. Фильон отметил, что визит главы советского правительства – незабываемое событие, сотрудничество между нашими странами уже начало расширяться, а представители канадского делового мира стремятся к развитию торговых связей с СССР. В ответном слове Косыгин поблагодарил хозяев за радушный прием и заявил, что и дальше намерен укреплять политические и экономические связи с Канадой [Визит в Канаду завершен 1971 : 1]. Утром 26 октября из Торонто советская делегация отбыла на Кубу.

На следующий день в газетах «Правда» и «Известия» было опубликовано Совместное коммюнике о пребывании в Канаде Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина. В нем стороны выразили удовлетворение общей тенденцией к улучшению советско-канадских отношений и выразили убеждение, что всестороннее развитие добрососедских отношений отвечает национальным интересам народов Советского Союза и Канады, содействует разрядке международной напряженности.

Лидеры стран также подтвердили, что дальнейшее развитие обменов и сотрудничества, особенно в научной, технической, культурной, а также в других областях является прочным фундаментом для укрепления дружественных отношений на основе взаимной выгоды. В целях дальнейшего развития деловых связей между СССР и Канадой стороны выразили намерение продолжить переговоры о расширении сотрудничества в области воздушного сообщения и морского судоходства.

В области международных отношений обе стороны высказались за мирное сосуществование двух общественно-политических систем, за прекращение гонки вооружений и достижение всеобщего и полного разоружения [Советско-канадское коммюнике 1971 : 4].

Канадская пресса помимо официального коммюнике опубликовала ряд пространных комментариев, в которых всячески превозносились результаты двусторонних переговоров. Их авторы старались особенно подчеркнуть личное участие и заинтересованность П.Э. Трюдо и А.Н. Косыгина в состоявшемся диалоге.

Высокие оценки визита А.Н. Косыгина в Канаду не случайны. Это был первый в истории двух стран официальный визит советского руководителя такого ранга в страну кленового листа. Он дал импульс существенному улучшению двусторонних отношений, которые в 1970-е гг. вышли на новый качественный уровень в политической, торгово-экономической и культурной сферах. Так, например, Общее соглашение об обменах, направленное на поощрение и развитие гуманитарного сотрудничества, подписанное П.Э. Трюдо и А.Н. Косыгиным 20 октября 1971 г. послужило правовой базой для хоккейной суперсерии СССР–Канада 1972 г. и последующих аналогичных встреч.

Библиографический список

1. А.Н. Косыгин в Канаде // Правда. – 22 октября 1971 г.
2. Бабаев, Э.А. Первый официальный визит премьер-министра Канады Пьера Эллиота Трюдо в Советский Союз / Э.А. Бабаев // Россия и зарубежье: актуальные проблемы истории: материалы конференции молодых ученых, студентов и аспирантов, посвященной 65-летию исторического факультета КГПУ им.В. П. Астафьева / отв. ред. Э.А. Бабаев; Краснояр. гос. пед. ун-т им. Астафьева. – Красноярск, 2007.
3. В интересах добрососедства и взаимопонимания. Советско-канадские переговоры // Правда. – 20 октября 1971 г.
4. В интересах сотрудничества // Известия. – 1971. – 19 октября.
5. Визит в Канаду завершен // Известия. – 1971. – 27 октября.
6. Заявление П.Э. Трюдо // Известия. – 1971. – 14 октября
7. Поездка по Канаде // Известия. – 1971. – 26 октября.
8. Поездка продолжается // Правда. – 1971. – 24 октября.
9. Пребывание А.Н. Косыгина в Канаде // Известия. – 1971. – 23 октября.
10. Пребывание Косыгина в Канаде // Известия. – 1971. – 22 октября.
11. Советско-канадские переговоры // Известия. – 1971. – 20 октября.
12. Советско-канадское коммюнике // Правда. – 1971. – 27 октября.
13. Советско-канадское соглашение // Известия. – 1971. – 22 октября.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ-ПОЛИТОЛОГОВ)

Социализация, опрос студентов-политологов, политическая информация, воспитание, гражданская позиция.

Политическая социализация – это процесс усвоения индивидом ценностей и норм политической культуры, присущих конкретному обществу и позволяющих эффективно выполнять политические роли и функции и тем самым обеспечивать сохранение самого общества и политической системы [Мухаев 2005 : 265]. Вхождение человека в политическую жизнь предполагает овладение им определенными политическими ценностями, нормами и образцами поведения, способами политической деятельности, а также творческое активное отношение к ним. Процесс этот отличается непрерывностью и отсутствием очерченных границ, он продолжается на протяжении всей человеческой жизни.

Политическая социализация включает в себя познавательную, воспитательную и практическую деятельность в их единстве и способствует формированию свойств политической субъективности. В задачи учебного процесса вуза входят:

- 1) формирование интереса у студентов к политической информации и активности к ее поиску;
- 2) воспитание привычки к самостоятельной оценке происходящих политических событий;
- 3) формирование умения защищать свою гражданскую позицию.

С помощью политической социализации студенты приобретают основные жизненные ориентации:

- получают определенную сумму общепринятых политических знаний;
- усваивают политические ценности, придающие определенный смысл их жизни;
- формируют установки, с которыми они подходят к политическим объектам (доверие, согласие, симпатии, почтительность, апатия, недоверие, враждебность и др.).

Наличие политических знаний, опыта и культуры помогают личности избежать участи заложника политических игр различных социально-политических сил.

Процесс вхождения человека в политику сложен и опосредован множеством факторов. В их числе прежде всего противоречивость самой политической жизни, где сиюминутные и перспективные потребности, интересы и цели неразрывно взаимосвязаны и переплетены.

Чем выше уровень приобщения личности к политике и политической культуре, тем отчетливее проявляются ее политическая самостоятельность и сформированность позиций, позволяющих избирательно усваивать предлагаемые властью политические ценности и цели.

Политическая социализация личности предполагает ее индивидуализацию: у каждой личности собственные наклонности, предпочтения, ориентации и уровни усвоения культуры, которые оказывают прямое влияние на их индивидуальный выбор. Отсюда достаточно широкий диапазон типологии политических индивидуальностей. Одни полностью принимают общепринятые стереотипы, не внося своих корректив; лица, обладающие качествами лидера, способны возбуждать эмоции и активность у других; третьи успешно манипулируют идеями; наконец, есть и индифферентные по отношению к политике личности.

В реальном процессе политической социализации человек приобретает социально-политические свойства, необходимые для определения своего места в обществе и достижения

достаточного уровня стабильности политической системы, если ей удастся выработать у своих граждан принятые в обществе политические знания, ценности и установки.

В связи с введением новой специальности («Политология») на историческом факультете КГПУ появилась потребность в отслеживании уровня политической социализации студентов-политологов, осуществляемой в ходе учебного процесса. Для этой цели был выбран объект исследования – студенты-политологи I–IV курсов исторического факультета. На данной специальности обучаются 86 студентов. Приняли участие в социологическом опросе 65 студентов (75,5 %). Опрос и обработка анкет проводились в сентябре – декабре 2008 г.

Для данного объекта исследования характерна высокая географическая мобильность. Красноярцы составляют 56,9 % от числа опрошенных, иногородние – 44,1 %. Это представители из разных городов и районов края (Норильск, Канск, Ачинск, Минусинск, Енисейск, Абакан, Сосновоборск, Железногорск, Тайшет, Назарово, Мотыгино и др.).

По уровню университетской успеваемости респонденты разделились следующим образом: 29,2 % – отличники, 41,5 % – учатся на отлично и хорошо, 29,3 % – на удовлетворительно.

Из десяти включенных в анкету личностных качеств, которые респонденты отметили как свойственные им: ответственность – 43 %, решительность и настойчивость – 41,5 %; воспитание в себе трудолюбия – 64 %, независимость – 63 %.

Недооценивают, к сожалению, студенты такие качества: воображение – всего только 27,6 %, толерантность – 21,5 %, доброжелательность – 18 %. А ведь эти качества в большей мере необходимы политологу как консультанту и аналитику. Умение общаться с властью и теми, кто нуждается в услугах политолога, имеет непосредственное отношение к успешной профессиональной деятельности в будущем. Следует подчеркнуть, что это на сегодня наиболее уязвимое место в характеристике портрета респондента.

Об искренности ответов на поставленные вопросы свидетельствуют признания студентами слабых сторон своего характера. Так, 60 % опрошенных указали, что им присуща лень; 21,5 % – неорганизованность, 13,8 % – необязательность. И только 24,3 % отметили, что подобные недостатки им не присущи.

Из числа опрошенных 61,5 % считают, что человек сам является творцом своей жизни и своего счастья, и только 7,6 % согласны с утверждением: «человек – игрушка в руках судьбы и обстоятельств». 36,9 % испытывают ощущения, что дальше так жить нельзя.

Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство студентов-политологов рассчитывают на собственные силы и готовы к совершенствованию личных качеств.

О социальном самочувствии респондентов можно судить по их ответам на вопрос о том, как они воспринимают современную Россию. Содержание большинства ответов характеризует лояльность студентов к существующему режиму и их терпимое отношение к трудностям, которые они считают вполне преодолимыми – 53,8 %, а 25 % респондентов уверены, что у России большое будущее; испытывают чувство гордости за свою Родину 15,3 %.

Удовлетворены всеми аспектами своей жизни лишь 24,6 %, остальные – частично. Такой результат свидетельствует о том, что не все возможности для самореализации используются в достаточной мере. Это осознают 55 % студентов-респондентов. Осознание этого факта может стимулировать активность студентов в этом направлении.

Вместе с тем студенты высоко оценивают возможности получения профессионального образования – 69 %, среднюю оценку дают возможности получения информации по интересующим вопросам 40 %. На наличие высокой возможности открыто выражать свои убеждения указали 38,7 %, средней – 35,3 % и низкой – 26 %.

Подавляющее большинство респондентов имеют свою позицию по отношению к происходящим политическим событиям – 67 %; 36 % готовы ее отстаивать по мере возможностей.

Из числа опрошенных 60 % студентов воспринимают себя в качестве самостоятельного субъекта и самодостаточной личности; 24,6 % воспринимают себя как часть целого (нации, страны и т. п.), 15,3 % затруднились дать ответ на данный вопрос.

Анализ анкет по студенческим группам показал, что большинство из тех, кто воспринимает себя как часть целого, – это студенты первого и второго курсов. Их ответы можно объяснить тем, что они пока не располагают достаточными политологическими знаниями.

Наиболее сложными в процессе политической социализации являются восприятие индивидом политических ценностей и интегрирование их в свою личность.

Анализ итогов опроса студентов показывает, что в ранжировании предложенных в анкете ценностей существует большой разброс мнений. На первом месте оказались такие ценности, как жизнь (36,9 %), чувство собственного достоинства (9,2 %), свобода (7,4 %), образование (6,1 %), здоровье (6,1 %), семья (6,1 %). Следует отметить, что данные показатели довольно низкие. Существенно недооценивается свобода как общечеловеческая ценность. Можно предположить, что причиной является то, что наш народ за свободу не боролся, а она была дарована «сверху» в том виде, в каком мы ее имеем. Кроме того, молодое поколение не знает, что такое цензура, о чем можно говорить на занятиях и о чем опасно. Поэтому они не в состоянии определить должное место этой ценности для себя.

Занижена оценка чувства собственного достоинства. Уважительное отношение к себе – залог уважения со стороны других. Эта ценность отсутствовала при тоталитарном режиме, где человек превращался в «винтик» общего механизма и его всегда можно было заменить. В таких условиях находилось несколько поколений советских людей. Освободить их сознание от рабства невозможно в короткий срок. Данная ценность только начинает утверждаться в российском массовом сознании, в том числе и среди студенчества, что и подтверждают полученные данные.

Таким ценностям, как индивидуализм, респонденты ответили третье – седьмое места (27,6 %), а коллективизму – десятое и одиннадцатое (6,1 %). Эти данные свидетельствуют о том, что коллективизм сегодня многими воспринимается как ценность советского образа жизни, когда осуществлялось усреднение личности и приоритет отдавался общественным интересам за счет личных. Однако коллективизм является общечеловеческой ценностью, которая способствует развитию личностных качеств, необходимых для общения, адаптации к окружающей среде. Кроме того, без развитого чувства коллективизма проявляются негативные свойства индивидуализма, такие как эгоизм, своекорыстие и др. Только в совокупности коллективизм и индивидуализм обеспечивают наиболее полную самореализацию личности.

В условиях рыночных отношений явно занижен интерес респондентов к частной собственности. Она оказалась на 10–13 местах (20 %), конкуренции отведены 8–10 места (15,1 %), 13, 15, 16 места (15,3 %). Таким образом, только 50 % опрошенных придадут значение в своей жизни этим новым для российского менталитета ценностям.

Позиции студентов по отношению к ценностям во многом определяются их экономическим положением, социальным статусом и теми конкретными политическими событиями, свидетелями которых они являются.

Образцами социального поведения, как известно, служат социальные нормы права. Право опосредует экономические и нравственные отношения, направляет их развитие, способствует совершенствованию. Нормы права в определенной степени предопределяют процесс политической социализации.

Об отношении респондентов к правозаконности свидетельствуют следующие показатели. Большинство считает себя обязанным соблюдать правовые нормы, проявлять уважение к правам других. Под правом понимают юридическую ответственность за свои действия и поступки (79 %). Отдают предпочтение не закону, а справедливости 13,3 %.

История и политология

Вместе с тем 30,8 % считают, что честным путем трудно чего-либо добиться, а 21,5 % готовы пойти на дачу ложных показаний в суде, 26,1 % могут продать свой голос на выборах, 24,3 % приняли бы участие в демонстрации в интересах определенных политических сил за особую плату. При этом делаются оговорки: из-за отсутствия необходимых материальных средств.

Приемлемым считают совершение экстремистских действий 24,3 % опрошенных студентов. Эти данные заставляют задуматься над тем, в каком направлении может использоваться студенческий максимализм при ухудшении социально-политической ситуации в стране или регионе.

В подготовке специалиста-политолога ведущую роль играют освоение политической культуры, выработка собственного отношения к политике и политической системе в целом, развитие способности оказывать плодотворное влияние на политический процесс в целях эффективного его функционирования.

Анализ итогов опроса свидетельствует, что только около 50 % респондентов проявляют повышенный интерес к политике, безразлично относятся 3 % (явно избравшие специальность не по призванию). Хорошо представляют то, что происходит сегодня в политике, 67,6 %, знают, что делать, чтобы голос их был услышан, 43 %.

В данном случае важное значение имеет уровень подготовки студентов по специальным предметам. Не случайно на эти вопросы затруднились ответить 40 %. Это в основном студенты первого курса, которые политологию в первом семестре еще не изучали.

Прогресс политической социализации в обществе зависит от характера отношений индивида и власти. Человек может пассивно принимать господствующие в обществе стереотипы. Но может и активно взаимодействовать с властью, вносить свой вклад в совершенствование политической жизни.

Показателем связи между властью и человеком является уровень доверия к политическим институтам и общественным организациям.

В нашем исследовании по этому вопросу получены следующие результаты. Представим их на сравнительной таблице.

Таблица

Данные о доверии граждан к институтам РФ

Наименование институтов и организаций	Количество доверяющих студентов-политологов в %, 2008 г.	Количество доверяющих граждане РФ в %, 1998 г.
Президенту РФ	70	86
Губернатору Хлопонину	60	60
Российской армии	53	51
Правительству РФ	52	50
Совету Федерации	60	30
Государственной думе	50	32
Телевидению	67	47
Прессе	64	35
Судебной системе	60	30
Политическим партиям	52	16
Церкви	60	64

Из приведенной таблицы видно, что у студентов показатели доверия к политическим институтам значительно выше общероссийских (за исключением доверия к президенту и церкви). Причины этих различий видятся в том, что опросы проводились в разные периоды времени (в 1998 и 2008 гг.). Известно, что 1998 г. был не лучшим годом для России. Изменения, происшедшие к концу 2008 г., заметно повысили степень доверия к власти.

В любом обществе основу недоверия к политическим институтам составляет отчуждение людей от политики и политической системы. Встречи президента с гражданами России, ежегодные Послания Президента Федеральному собранию, выступления по телевидению несомненно способствуют приобщению людей к политике и их осознанному политическому выбору.

В процессе анализа итогов исследования обнаружено некоторое противоречие. Так, 41,5 % из опрошенных студентов являются носителями такой ценности, как социальная справедливость, и в то же время 38 % предпочли бы жить в обществе социального равенства. Данное противоречие обусловлено отождествлением ценностей «социальная справедливость» и «социальное равенство». Социального равенства быть не может, т. к. люди отличаются друг от друга разными способностями и тем вкладом, который вносят в общественное достояние. Распределение всем поровну есть прямое нарушение принципа социальной справедливости. Равенство допускается и реализуется лишь перед законом, в политических правах и стартовых возможностях.

Около 50 % студентов-респондентов выбрали общество индивидуальной свободы, т. е. их можно характеризовать как носителей либеральных и демократических ценностей.

Итак, на основе проведенного анализа результатов социологического опроса студентов-политологов мы получили интересные и полезные знания об объекте обучения, что несомненно скажется положительно на характере взаимоотношений преподавателя и студента.

Выявление слабых сторон, характеризующих респондентов, позволит определить аспекты преподавания, на которые должно быть обращено особое внимание. К ним следует отнести усиление формирования политического, правового и морального сознания значительной части респондентов.

Проделанная нами работа открывает возможности для совершенствования учебного процесса, стимулирует поиск новых методов и подходов к тем, кого мы обучаем.

Кроме того, полученные в ходе исследования материалы, будут использованы студентами при подготовке докладов на научную студенческую конференцию по теме «Политическая социализация личности».

Таким образом, можно утверждать, что подобные исследования позитивно влияют на студентов, так как заставляют их задуматься над многими проблемами политической реальности и выразить к ним свое отношение. Преподаватели, в свою очередь, получают представление об уровне знаний студентов, об эволюции процесса познания и его результативности.

Библиографический список

1. Мухаев, Р.Т. Теория политики / Р.Т. Мухаев. – М., 2005.
2. Полис. – 2008. – № 2. – С. 90–91.

ЭКОНОМИКА

Г.И. Поподько, О.С. Нагаева

МЕХАНИЗМ СОГЛАСОВАНИЯ ПОТРЕБНОСТИ В КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРАХ С НАПРАВЛЕНИЯМИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Квалифицированные кадры, образование, занятость, рынок образовательных услуг, учебные заведения.

Изменение потребности экономики Красноярского края в высококвалифицированных специалистах определяется перспективами инновационного развития основных отраслей специализации, реализацией крупных инвестиционных проектов по освоению природных ресурсов, изменением специализации экономики региона. Состояние трудового потенциала края характеризуется наличием территориальных, отраслевых и профессиональных диспропорций. Это обуславливает необходимость разработки эффективной *региональной политики*, основанной на оценке состояния ситуации на рынке труда и совершенствовании механизма подготовки специалистов с целью сбалансированности спроса и предложения на квалифицированную рабочую силу.

Целью настоящей работы являлись разработка инструментария региональной политики формирования и регулирования потребности в профессиональных кадрах и определение механизма рационального использования трудового потенциала Красноярского края на основе анализа и прогнозирования спроса на трудовые ресурсы. Методологической основой проведенного исследования является комплексный подход к совершенствованию системы высшего профессионального образования с целью ориентации системы подготовки кадров на удовлетворение потребностей в специалистах соответствующей квалификации в разрезе основных направлений специализации.

В настоящее время эта тема становится все более актуальной. Анализу процессов, происходящих на рынке труда и рынке образовательных услуг, посвящены работы многих известных ученых: В.Н. Васильева, А.Г. Коровкина, З.А. Васильевой, А.Е. Лапина, М.В. Заводовской и др.

В ходе работы была выполнена оценка уровня развития системы высшего профессионального образования Красноярского края и определены направления ее совершенствования с целью обеспечения будущей потребности основных отраслей специализации в высоко-

коквалифицированных кадрах на основе прогноза занятости и с учетом сценариев экономического развития региона на период до 2025 г.

Проведенный анализ занятого населения Красноярского края по уровню образования свидетельствует об изменении профессионально-квалификационной структуры занятого населения с развитием рыночных отношений (табл. 1).

Таблица 1

Распределение населения по уровню образования, %

№ п/п	Показатели	1989 г.	2002 г.	2006 г.
1	Население, всего, в т.ч.	100	100	100
2	– высшее профессиональное	12.6	21.0	22.4
3	– неполное высшее	1.5	3.0	2.0
4	– среднее профессиональное	33.0	35.4	25.3
5	– начальное профессиональное	14.6	14.2	15.6
6	– среднее (полное) общее	22.3	17.6	25.8
7	– основное общее	14.8	7.8	8.5
8	– начальное общее, не имеют нач. общего	1.2	1.0	0.5

Если в начале 90-х гг. 52,9 % работающих имело начальное профессиональное и среднее общее образование, то к началу 2000-х гг. возросла доля лиц, имеющих высшее и неполное высшее образование (с 14,1 % в 1989 г. до 24,4 % в 2006 г.). При этом сократилась доля лиц, имеющих среднее профессиональное образование (с 33 % в 1989 г. до 25,3 % в 2006 г.). Эти данные свидетельствуют о наличии тенденции замены специалистов, имеющих среднюю квалификацию, на высшую, что объясняется как объективными, так и субъективными причинами. Так, рост удельного веса занятого населения с высшим образованием в экономике края определяется растущими требованиями рынка на новые «рыночные» профессии, ранее не востребованные и неизвестные. При этом следует отметить, что потребность в высококвалифицированных кадрах растет не в сфере промышленного производства, где в основном сохраняется низкоквалифицированный тяжелый труд, а в сфере обслуживания – торговле, страховании, банковской сфере, управлении и т.д. За последние годы резко выросла потребность в управленческих кадрах среднего и высшего звена (специалистах по менеджменту) во всех сферах деятельности.

Повышенная потребность экономики Красноярского края в квалифицированных кадрах объясняет высокий уровень занятости лиц, имеющих высшее и среднее профессиональное образование. Самый высокий уровень занятости (85,6 % – 85,8 %) наблюдается среди населения, имеющего высшее образование. Самый низкий уровень (13,6 % – 14,5 %) – среди лиц, не имеющих образования. Это во многом объясняет стремление молодежи получить высшее образование.

Для обеспечения потребности экономики региона квалифицированными специалистами необходима развитая система образования.

Система профессионального образования Красноярского края представлена широким кругом образовательных учреждений высшего, среднего специального и начального образования (табл. 2).

**Число учреждений высшего, среднего специального
и начального профессионального образования**

№ п/п	Число учреждений профессионального образования	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
1	Высшее	14	13	14	14	14	14	14
2	Среднее специальное	66	66	66	65	66	64	62
3	Начальное профессиональное	89	91	92	93	93	92	89

Процесс подготовки специалистов считается сбалансированным, если количество учебных заведений начального и среднего профессионального образования в 6–7 раз превышает количество высших учебных заведений. В Красноярском крае число средних специальных и начальных профессиональных учебных заведений больше числа вузов в 11 раз. Это свидетельствует о том, что в настоящее время требуется существенная реформа системы образования с целью ее оптимизации.

Несмотря на значительное количество образовательных учреждений начального профессионального и среднего специального образования в Красноярском крае, в последние годы основной контингент обучающихся в учебных заведениях приходится на высшие учебные заведения. Численность студентов в вузах в 2006 / 2007 уч. г. на 30 % выше, чем число учащихся в учреждениях начального и среднего специального образования. Привлекательность высшего образования является не только общекраевой, но и российской, и мировой тенденцией

[Васильев и др. 2007]. В последние годы рост массовости высшего образования наблюдается во многих странах и в России в целом. Но в Красноярском крае этот процесс идет более ускоренными темпами.

Вместе с тем в настоящее время наблюдается противоречие между потребностью в квалифицированных кадрах не только существующих, но и новых профессий и невозможностью качественной подготовки специалистов из-за отсутствия средств и профессиональных возможностей у образовательных учреждений. Это приводит к тому:

1. Происходит отток молодых людей за пределы края с целью получения более качественного образования в других регионах и за рубежом.
2. Предприятия испытывают острый дефицит в квалифицированных кадрах, что приводит к необоснованным экономическим потерям.
3. Учебные заведения в погоне за количеством студентов вынуждены открывать «модные» специальности, не всегда востребованные на региональном рынке труда, увеличивать долю платных студентов, повышать плату за обучение.
4. Большинство учебных заведений высшего и среднего специального образования «размывают» свою специализацию, расширяя круг специальностей для подготовки студентов, не обеспечивая тем самым должный уровень образования.

При анализе образовательной системы Красноярского края представляется необходимым оценить выпуск специалистов в системе высшего образования по профессионально-квалификационным характеристикам. Распределение студентов высшего профессионального образования по укрупненным группам специальностей представлено в табл. 3.

Распределение студентов высшего профессионального образования Красноярского края по специализации обучения (%)

Годы	Численность студентов, всего	В том числе учебных заведений по специализации						
		производства и строительные	сельско-хозяйственные	транспорта и связи	экономические и права	медицинские	университеты классические, пединституты, пединституты	культуры и искусства
2001	100	53.6	12.0	-	7.0	3.0	23.6	0.8
2002	100	52.3	13.0	0.5	8.0	3.0	22.4	0.8
2003	100	48.6	12.0	1.6	12.5	3.0	21.3	1.0
2004	100	47.2	13.0	1.8	13.0	3.0	21.0	1.0
2005	100	47.6	12.5	2.2	12.0	3.0	21.7	1.0
2006	100	47.0	12.5	2.2	13.1	3.0	21.6	0.6

Анализ представленных данных свидетельствует о заметном снижении доли подготовки студентов для промышленного сектора и строительства (на 6,6 п.п.). Это связано с изменением специализации экономики региона и уменьшением ее индустриализации. Заметное снижение подготовки специалистов отмечено и по педагогическим специальностям. С одной стороны, здесь сказывается уменьшение потребности в педагогах по причине уменьшения численности детей в связи с резким падением рождаемости, а с другой – определенным конкурентом в подготовке квалифицированных педагогов высшим учебным заведениям стали средние специальные учебные заведения. Наряду с этим в распределении студентов по специализации растет доля специалистов по экономике и праву. Развитие рыночных отношений в стране определило высокую потребность предприятий в экономистах и юристах различной специализации. Несмотря на то что многие высшие учебные заведения края открыли факультеты по подготовке названных специалистов, потребность в них остается высокой. Говорить сегодня о некотором переизбытке названных профессий преждевременно. Уровень подготовки специалистов для сельского хозяйства и медицины остается практически неизменным в течение длительного времени. Это определяется не только потребностью в названных специалистах, но и возможностью узкоспециализированных учебных заведений. Открывшаяся специализация по обучению специалистов для транспорта и связи востребована, и наблюдается рост доли специалистов, получающих профессию для названных отраслей хозяйства. Потребность и уровень подготовки специалистов для культуры и искусства остаются неизменно низкими.

Однако, несмотря на указанные тенденции, в крае сохраняется явно выраженная индустриальная подготовка специалистов. Гуманитарные науки, такие как экономика и право, педагогическое образование, медицина, культура и искусство, в общем объеме выпуска занимают менее 50 % (в отличие от тенденции, наблюдаемой и в развитых образовательных центрах, и в среднем по России, где выпуск специалистов гуманитарной направленности составляет 61 %) [Васильев и др. 2007].

Для обоснования направлений совершенствования системы подготовки квалифицированных кадров в крае необходимо определить потребность основных отраслей специализации в высококвалифицированных специалистах. Прогноз потребности экономики Красноярского края в квалифицированных кадрах строился на основе оценки масштабов занятости и профессиональной структуры дополнительной потребности в кадрах, а также перспективной

политики развития экономики региона [Коровкин 2001; Лапин 2002]⁵. Прогнозируются следующие основные тенденции в развитии спроса на квалифицированные трудовые ресурсы в Красноярском крае.

1. Потребность в квалифицированных кадрах будет возрастать в отраслях, ориентированных на инновационное развитие: транспорт, строительство, в том числе дорожное, сельское хозяйство, сфера услуг, наука.
2. Перспективы развития некоторых отраслей экономики (добыча и переработка нефти и газа, лесопереработка, развитие пищевой промышленности, транспортное строительство) в крае обуславливают необходимость открытия или возрождения подготовки названных специальностей.

Расчет выпуска специалистов в системе высшего профессионального образования Красноярского края строился на основе следующих прогнозов.

На период до 2025 г. инновационный характер развития экономики Красноярского края определяет повышенную потребность экономики в специалистах высшего профессионального образования, в том числе гуманитарных наук.

Доля государственного финансирования подготовки специалистов высшего образования будет сокращаться в общем объеме подготовки специалистов в среднем на 0,6 % в год и составит к 2025 г. 47,8 % от общей численности студентов.

Бюджетное финансирование подготовки специалистов с высшим образованием будет осуществляться в основном в рамках выполнения государственного заказа.

Прогноз выпуска специалистов высшего профессионального образования на период до 2025 г. по направлениям специализации представлен в табл. 4.

Таблица 4

Структура выпуска специалистов ВПО по направлениям специализации на период до 2025 г. (в %)

№ п/п	Направления специализации	2008 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2025г.
1	Производства и строительные	41.3	39.2	35.4	33.0	33.0
2	Сельскохозяйственные	17.9	18.9	21.3	23.0	23.5
3	Транспорта и связи	0.5	0.5	0.9	1.5	2.0
4	Экономические и права	13.3	14.5	16.7	16.4	16.4
5	Медицинские	3.2	3.7	4.0	5.0	5.0
6	Педагогические	23.0	22.4	20.7	20.0	19.0
7	Культуры и искусства	0.8	1.0	1.0	1.1	1.1
8	Всего	100	100	100	100	100

Как показывает прогноз выпуска квалифицированных специалистов, удовлетворение потребности экономики в квалифицированных кадрах требует изменения структуры их подготовки. Так, в период до 2025 г. продолжится тенденция сокращения доли выпуска специалистов для отраслей производства и строительства. Это связано с падением потребности промышленных предприятий края в специалистах традиционных профессий в связи с возможной модернизацией и изменением специализации некоторых крупных предприятий края. Выпуск традиционных производственных профессий должен обеспечить лишь замену выбывающего квалифицированного состава работников промышленных предприятий.

В связи с перспективами развития сельского хозяйства в крае с целью обеспечения «продовольственной безопасности» прогнозируется рост потребности в квалифицированных специалистах для сельского хозяйства. Тенденция роста выпуска специалистов экономичес-

⁵ Прогноз осуществлялся на основе имитационной модели Красноярского филиала НИИ Труда.

ких профессий и права будет продолжаться до 2015 г. После этого наступит стабилизация объемов их подготовки по причине насыщения рынка труда специалистами данной профессии. В связи с влиянием демографических процессов в период до 2025 г. будет наблюдаться снижение потребности в квалифицированных педагогических кадрах. Стабильными останутся объемы подготовки кадров для медицины, культуры и искусства.

В качестве основных элементов механизма сбалансированности спроса и предложения на квалифицированную рабочую силу предлагается:

1. Изменение системы подготовки кадров. На первый план должна быть вынесена практическая ориентация подготовки будущих специалистов. Усилена направленность на специализацию подготовки будущих квалифицированных кадров.
2. Разработка региональной программы поддержки и развития социально значимых и востребованных специальностей вузов Красноярского края, осуществляющих их подготовку.
3. Рассмотрение государственного заказа как важного инструмента подготовки квалифицированных кадров, сформированного на основе потребности экономики края в специалистах высокой квалификации с учетом перспективного развития производительных сил Красноярского края и реализации крупномасштабных инвестиционных и инновационных проектов.
4. Изменение системы финансирования. В подготовке специалистов высшего и среднего специального образования основным источником финансирования должно стать платное образование. Бюджетное финансирование должно обеспечивать выполнение государственного заказа, подготовку специалистов из среды социально незащищенных категорий населения и открытие социально-значимых специальностей.

Библиографический список

1. Алашеев, С.Ю. Методика среднесрочного прогнозирования кадровых потребностей экономики региона / С.Ю. Алашеев, Т.Г. Кутейницина, Н.Ю. Посталюк. – Самара: Профи, 2003. – 84 с.
2. Васильев, В.Н. Рынок труда и рынок образовательных услуг в субъектах РФ / В.Н. Васильев, В.А. Гуртов, Е.А. Питухин. – М.: Техносфера, 2007. – 680 с.
3. Коровкин, А.Г. Динамика занятости и рынка труда: вопросы макроэкономического анализа и прогнозирования / А.Г. Коровкин; РАН. Ин-т народнохоз. прогнозирования. – М.: МАКС-Пресс, 2001. – 319 с.
4. Лапин, А.Е. Региональный рынок труда: Мониторинг, модели «labor economics» и государственная политика / А.Е. Лапин. – Ульяновск: УаГПУ, 2002. – 328 с.

РЕЦЕНЗИИ

А.Д. Васильев

РУССКОЕ ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Словарь – это воплощенный критерий лингвистических теорий... На смену человеку-лексикографу едва ли придет машина-лексикограф.

О.Н. Трубочёв

Русская историческая лексикология, источниковедение, словарь.

Одной из главных особенностей лексики является ее тесная и непосредственная связь с жизнью народа – носителя и творца языка. Важная черта словарного состава – его открытость; внутри поистине безбрежного океана слов под воздействием ряда факторов постоянно происходят сложные эволюции, приводящие со временем к переосмыслению тех или иных лексических единиц, к их утрате и к возникновению новых. Определить эти процессы наилучшим образом, описать и классифицировать их способна историческая лексикология.

Именно «за словом и за его смыслом всегда стоит нечто большее – коллективный опыт народа, его дух, его подлинное величие» [Трубочёв 2004 : 18]; ср.: «Исторический анализ – лишь производная форма непосредственного анализа самих говорящих субъектов» [Виноградов 2005 : 32]. Таким образом, объяснительный потенциал исторической лексикологии для изучения и познания многих лингвоментальных феноменов чрезвычайно высок. Однако для получения максимально точных результатов необходима надежная база фактических данных, которые компактно сосредотачиваются прежде всего в исторической лексикографии. В свою очередь, при разработке словаря любого жанра, в том числе и диахронного, одним из исходных условий является строгая верификация источников: установление их точной датировки, зачастую – территориальной приуроченности и, конечно же, безукоризненно правильное прочтение материала, прояснение его семантики, начиная с определения значений всех слов, имеющих в конкретном тексте. Ведь «каждое слово представляет собой особый микромир, в котором отражается какой-то кусочек реальной действительности или отклонений от неё» [Филин 1984 : 16].

Освещение широкого круга проблем, относящихся к компетенции прежде всего лингвистического источниковедения, но при этом зачастую оказывающихся ключевыми и для историко-лексикографических и историко-лексикологических исследований, поиски наиболее эффективных методов восстановления исконного облика слова и его семантизации в словаре следует считать весьма актуальными: ведь «все прочие уровни языка манифестируются

только через лексику» [Трубачёв 2004 : 154]. Этим вопросам посвящена монография Л.Ю. Астахиной «Слово и его источники. Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект» (М.: МГУП, 2006. – 368 с.).

Автором монографии проделана весьма значительная и тщательная работа по обобщению опыта, накопленного отечественными лингвистами, которые занимались изучением древнерусских текстов и их публикациями, а также исследованиями истории слов на материале памятников письменного периода существования русского языка. Основной пафос этой книги видится в определении особой роли лингвистического источниковедения, его места в познании эволюций словарного состава, начиная с отдельных лексических единиц – и до лексико-семантических и тематических групп слов, применительно как к исторической лексикографии, так и к исторической лексикологии. Причем Л.Ю. Астахина, исходя из собственного богатого исследовательского опыта, достаточно уверенно декларирует статус лингвистического источниковедения как самостоятельной отрасли науки, со своими общетеоретическими установками и своими категориями и методами.

Первая глава книги – «Слово в источнике» – посвящена анализу причин появления в публикациях историко-лингвистического профиля интересных во многих отношениях лексических единиц, которые, строго говоря, и нельзя так именовать, поскольку в языковой реальности они никогда не присутствовали, но были обязаны своим возникновением на страницах специальных изданий некоторым обстоятельствам. Подобные псевдолексемы (а иногда и словосочетания) квалифицируют с помощью различных терминов и терминовидов, например: «несуществующие», «фантастические», «призрачные», «слова-фантомы», «мнимые слова», «лексикографические фикции», «псевдонеологизмы». Л.Ю. Астахина предпочитает для обозначения таких феноменов термин «псевдогапаксы»: «Термин **гапакс** ... относят к слову, употребленному один раз в какой-либо ситуации... к слову, о котором ничего неизвестно, кроме его единственной фиксации» (с. 13–14). **Псевдогапаксы** же «стали фактом письменного языка, т. к. были зафиксированы в опубликованных памятниках письменности, иногда – в исторических словарях и в Картотеке ДРС, но их в языке нет и никогда не существовало» (с. 14). Автор рассматривает около ста впечатляющих примеров псевдогапаксов (еще свыше сорока перечислены в приложении), появившихся на страницах разных изданий; по его мнению, главные причины этого заключаются в ошибочном чтении и понимании сплошного (без интервалов между словами) рукописного текста либо публикатором, либо выборщиком – при создании картотек – вследствие собственных заблуждений или некомпетентности. Чтобы обнаружить псевдогапаксы, весь массив которых, как считает Л.Ю. Астахина, можно подразделить на десять групп в зависимости от так называемого «дефекта», из-за которого одно слово принято за другое (с. 40–47), «необходим не только тщательный лингвистический анализ текста, а иногда – чьё-то сомнение, догадка, лингвистическая зоркость лексикографа-историка, который встречается с массой еще никем не описанной лексики не изученных в филологическом аспекте источников» (с. 15). Кроме того, автор справедливо настаивает на разработке (точнее, может быть, совершенствовании?) методологии и методики исследования источников по истории русской лексики (с. 54).

О них рассказывается во второй главе монографии. В качестве теоретических основ лингвистического источниковедения Л.Ю. Астахина приводит прежде всего положения, выдвинутые С.И. Котковым в книге «Лингвистическое источниковедение и история русского языка», где, в частности, даются определение обобщенного понятия «лингвистический источник» и его разносторонние характеристики, благодаря чему разграничиваются понятия «памятник» и «источник», автор рецензируемой монографии в развитие понятия категории «лингвистическая содержательность» предлагает дифференцировать определяющие её кри-

терии в зависимости от конкретного вида источника: является ли он так называемым естественно сложившимся текстом, либо источником с заранее заданными свойствами и по происхождению вторичным. К последним относятся картотеки, лексиконы, словоуказатели и словари. Совершенно справедливо, что «именно в словарях проявляется наибольшая обобщенность авторской мысли... Не только субъективный фактор накладывает отпечаток на лингвистическую содержательность такого источника, как словарь, но и культурное состояние общества, развитие других наук, влияющих на отражение языковых явлений в словаре» (с. 59). Что же касается именно исторической лексикографии, то в ней «каждая словарная статья – это маленькое исследование по истории слова» [Богатова 1984 : 125].

Далее автор в качестве главной задачи лингвистического источниковедения выдвигает и введение в научный оборот памятников письменности путем их издания, а также развитие эдиционной теории, вслед за С.И. Котковым относя к понятию **подготовка** исследования памятника для издания и издание его для исследования (с. 65 и др.). Классифицируя разные группы источников (с. 65–70), Л.Ю. Астахина особое внимание оправданно уделяет разноаспектным характеристикам Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв., которая действительно «стала средоточием широких историко-культурных изысканий и своеобразным самостоятельным источником» (с. 71); оценивается лексическая содержательность КДРС, квалифицируются её особенности (с. 72–94).

В третьей главе монографии наиболее наглядным образом демонстрируется важность учета специфики источника для конкретного историко-лексикологического исследования. Соответственно выделяются следующие варианты: источники, отразившие лексический процесс «от конкретного к абстрактному»; источники, отражающие смещение родо-видовых соответствий в тематической группе; история лексико-семантической группы в источниках, естественно сложившихся, и в источниках с заданными свойствами (заслуживает особого упоминания изящный и точный историко-лексикологический этюд, описывающий судьбы слов *игра, потеха, потешение, забава, веселье* – с. 173–185); взаимодополняющие источники; источники, раскрывающие историю одного слова; источники, не выявляющие семантики слова.

Следует согласиться с тем, что «при правильном и достаточном подборе источников, естественно сложившихся, и источников с заданными свойствами можно проследить и описать историю лексических процессов, семантическую эволюцию отдельных слов, лексем регионального бытования, тематических и лексико-семантических групп слов во временном пространстве, начиная от первых письменных памятников языка. При определении круга необходимых источников первостепенная роль должна отводиться анализу их лингвистической (в частности, лексической) содержательности» (с. 214).

Пожалуй, почти совершенно самостоятельной значимостью обладает четвертая глава монографии – «К истокам лингвистического источниковедения», являющаяся своеобразной книгой в книге. Это развернутый и довольно подробный (с. 215–301) историко-научный очерк, в котором рассказывается о становлении и развитии отечественного источниковедения на протяжении более двух столетий. Здесь приводятся сведения (в том числе и малоизвестные) об основных этапах жизни и научного творчества таких исследователей-источниковедов, как Г.Ф. Миллер, И.К. Кирилов, В.Н. Татищев, И.С. Барков, Н.И. Новиков, К.Ф. Калайдович, А.А. Шахматов, Б.А. Ларин и др.; некоторые эпизоды их биографий были подлинно драматичны: постижение истины и ее отстаивание даже и в академических дискуссиях далеко не всегда оказываются абсолютно благостными.

В заключение Л.Ю. Астахина подводит итоги своего несомненно полезного и интересного исследования. Правда, хотелось бы всё-таки более определенно уточнить, существует ли лингвистическое источниковедение в течение почти двухсот лет (с. 9, 304), или же оно зародилось в русистике в начале 60-х годов XX в.

(с. 7, 303), а также получить информацию о том, на какой стадии разработки находится сегодня неоднократно упоминаемый в книге академический обобщающий труд по русской исторической лексикологии. В тексте монографии встречаются также единичные самоповторы, что объясняется, на наш взгляд, как широтой круга охватываемых проблем, обилием фактического материала, так и вполне понятным энтузиазмом автора, пишущего о любимой науке, которой отданы многие годы жизни и повседневного кропотливого труда. Главные цели, ставившиеся автором, достигнуты: суммированы сведения о лингвистическом источниковедении, показано его тесное взаимодействие с русской исторической лексикологией при работе над историческим словарем, намечены новые подходы к характеристике источников по истории русской лексики.

Библиографический список

1. Богатова, Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии / Г.А. Богатова. – М., 1984.
2. Виноградов, В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1995. – С. 5–34.
3. Трубачев, О.Н. Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового союза славян / О.Н. Трубачев. – М., 2004.
4. Филин, Ф.П. Историческая лексикология русского языка: проспект / Ф.П. Филин. – М., 1984.

АННОТАЦИИ

Филология

А.Б. Бушев

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ В БЛОГОСФЕРЕ

Статья посвящена социальным и культурным аспектам блогерства, особенностям языкового и коммуникативного взаимодействия, видам дискурса в современной блогосфере. Проводится анализ политического дискурса в Интернете на примерах масс-медийного освещения предвыборных кампаний. Подчеркиваются характерные изменения дискурса и его представления в эпоху компьютерных технологий.

С.В. Киприна

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОВЕСТИ ДЖ. ОЛДРИДЖА «ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ПЛЕВАКИ МАК-ФИ»

Рассматривается литературное творчество писателя, анализируется данная повесть, а также выявляются сходства сюжетных линий между повестью Дж. Олдриджа и романами Уильяма Голдинга «Повелитель мух» и Сьюзен Хилл «Я в замке король».

Е.И. Пинженина

КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В ПОНИМАНИИ ГЕРОЕВ РОМАНА И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

Понимание концепта «счастье» героями И. А. Гончарова является одним из оснований объединения романов «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв» в трилогию, кроме того, позволяет выявить неожиданные сходства в характерах Обломова и Штольца.

И.В. Ревенко

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТОВОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В РАССКАЗЕ В.П. АСТАФЬЕВА «ТРОФЕЙНАЯ ПУШКА»

Статья посвящена выявлению особенностей реализации текстовой категории времени в рассказе В.П. Астафьева. Временной план повествования определяется, исходя из точки отсчета времени описываемых событий и значений, которые возникают в тексте при взаимодействии семантики видо-временных глагольных форм с другими элементами контекста (лексические конкретизаторы времени, показатели времени циклического и исторического).

А.О. Тойтукова

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ИМЕНОВАНИИ ЛИЦ
МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО ПОЛА**

В данной статье осуществляется попытка выявить особенности отражения гендерных различий на уровне лексических инноваций в связи с социальными ролями мужчин и женщин и сферами их деятельности.

Философия

И.С. Барсуков

Границы диалектики И. Канта

В статье обсуждается значение критической философии Канта для развития диалектики. Раскрываются основания, на которых Кант определяет логические границы в осуществлении безусловного синтеза, и особенности понимания Кантом внутреннего противоречия самосознания, что позволяет сделать вывод о совпадении метода критической философии и метода критикуемой им метафизики.

Ю.А. Бондаренко

**АВТОРИТАРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ
КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ**

В статье сделана попытка проследить эволюцию российского режима власти начиная с древних времен, определить первые зародыши демократических и авторитарных основ, выявить историческую закономерность в смене политических систем. Показаны цикличность сменяемых режимов власти, а также особенный путь развития российской «авторитарной демократии», отражены попытки прогнозирования основных тенденций в трансформации существующего политического режима.

А.В. Зберовский

**Анализ российской демократии методами культурологии:
к постановке проблемы**

В статье идет речь о постановке проблемы исследования современных демократических режимов методами культурологии как науки, что позволяет улучшить понимание демократических процессов, эволюции демократического режима в трансформирующейся России, проанализировать демократические ценности, отношения народа, элиты и государства при демократии.

М.Ю. Зырянов

**Социально-философский анализ правового воспитания
(некоторые аспекты)**

Предпринятый социально-философский анализ современного правового воспитания позволяет наметить направления по развитию педагогической науки. Обосновывается необхо-

димось учета в педагогическом процессе материалистической обусловленности правового воспитания, особенно в экономически поляризующемся обществе. Показывается различие правового и морального сознания, акцентируется внимание на недопустимости их отождествления. Рассматриваются возможные последствия противопоставления сущего и должного состояния правосознания.

Л.А. Королева, А.А. Королев

**МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В СССР. 1940–1980 гг.
(по материалам Среднего Поволжья)**

В статье анализируется состав мусульманского духовенства в Средневолжском регионе (возрастной критерий, уровень образования и т.д.), исследуется деятельность служителей исламского культа (организационное устройство, религиозная практика, элементы модернизации культа и т.д.), раскрываются основные направления советской государственно-религиозной политики в отношении ислама в 1940–1980 гг.

Л.В. Логунова

СВОБОДА И ЦЕННОСТЬ ПРОШЛОГО

В статье рассматривается понятие времени как ценности прошлого.

К.А. Хлопков

**ЗНАЧЕНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ
В ПРОЦЕССЕ МАНИПУЛЯЦИИ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ**

В статье рассказывается о возрастающем значении информации в современном мире. Сегодня мир уже вступил в информационную эру своего развития. В связи с этим ученые констатируют, что влияние, которое оказывает информация на человека, зачастую носит манипулятивный характер. Даны определения терминам «массовое сознание» и «манипуляция массовым сознанием», обозначены признаки информационного общества.

М.Б. Щавелёва

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ
НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ**

Статья посвящена проблеме влияния массовой культуры на потребителя. Массовая культура – одна из прибыльных отраслей экономики – имеет соответствующие названия: «индустрия досуга», «коммерческая культура». Она располагает целым арсеналом средств воздействия на сознание аудитории, формирует специфическое «игровое» мировоззрение, искажает предстающую перед молодежной аудиторией картину мира путем стереотипов, исполненных насилием и страхом.

Педагогика и психология

Н.Л. Кольчикова

**ЭТНОКУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД В СИСТЕМЕ ЛИТЕРАТУРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В ШКОЛАХ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ**

Статья посвящена проблемам литературного образования в современной национальной школе, в частности, в ней обосновывается важность использования этнокультурного аспекта, который предполагает сопоставительный анализ художественных произведений русской и родной литературы на основе типологической общности и контактных связей в контексте воспитания уважительного отношения к общероссийским духовным и культурным ценностям, а также к национальным традициям русской и хакской культуры.

Н.Т. Селезнева, Е.А. Куркотова

**ЗНАЧЕНИЕ ПСИХОЛОГО-АКМЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДОМИНАНТЫ
В РЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Психолого-акмеологическая доминанта формирует смысловую характеристику социального взаимодействия, детерминирует систему отношений между партнерами, регулирует их Я-концепцию, представление друг о друге, ситуации взаимодействия в целом и способ самовыражения.

Т.Ю. Тодышева

**ЛИЧНОСТНАЯ ГИБКОСТЬ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ**

Статья посвящена анализу факторов успешности профессиональной деятельности менеджеров. Основной предмет изучения – особенности психолого-акмеологического влияния личностной гибкости менеджеров на успешность профессиональной деятельности.

С.Н. Ценюга

**К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕДОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ СИБНАРОБРАЗА 20–30-х гг. XX в.**

Всестороннее изучение и анализ богатейшего наследия практики педологической работы в Советской России начала XX в. вызывает закономерный интерес к генезису этого явления в Сибири. Под этим термином мы понимаем зарождение предпосылок, процедур и организационно-институционального оформления структур педологической работы, их развитие, становление и последующую трансформацию.

Е.В. Челазнова

**ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ МЕЖДУ КРЕАТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫМИ
ПАРАМЕТРАМИ ИМИДЖА РУКОВОДИТЕЛЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ И ЕГО САМООЦЕНКОЙ**

Статья посвящена изучению взаимозависимости имиджа руководителя образовательного учреждения и его профессиональной самооценки.

Е.А. Черенёва

Роль речи в формировании произвольного поведения

Статья посвящена теоретическому анализу проблемы формирования произвольного поведения у детей. Проанализированы особенности влияния речи на формирование произвольного поведения. Указаны некоторые механизмы формирования произвольного поведения в онтогенезе и основные взаимосвязи с речевой деятельностью.

Е.Ю. Яблокова

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА СТУДЕНТАМИ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Для всестороннего и комплексного исследования феномена переживания одиночества студентами в зависимости от психологических и социально-демографических факторов целесообразно использование: модифицированной шкалы одиночества UCLA Д. Рассела и М. Фергюсона, пятифакторного опросника личностных свойств Х. Тсуйи, социально-демографической анкеты. Набор перечисленных инструментов оказался необходимым и досточным для реализации поставленной проблемы.

История и политология

Э.А. Бабаев

**ОФИЦИАЛЬНЫЙ ВИЗИТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
А.Н. КОСЫГИНА В КАНАДУ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)**

Статья посвящена такой малоисследованной в отечественной историографии теме, как обмен официальными визитами глав советского и канадского правительств, состоявшийся в 1971 г. Автор сосредоточил свое внимание на переговорах А.Н. Косыгина с канадским руководством в Оттаве и на посещении им крупнейших городов страны: Монреаля, Ванкувера, Эдмонта и Торонто.

Л.Г. Лисина, И.М. Чудинова

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ
(НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ-ПОЛИТОЛОГОВ)**

В статье представлены результаты анализа социологического опроса студентов (сентябрь – декабрь 2008 г.) и выводы по теме «Политическая социализация студентов-политологов исторического факультета КГПУ».

Экономика

Г.И. Поподько, О.С. Нагаева

**МЕХАНИЗМ СОГЛАСОВАНИЯ ПОТРЕБНОСТИ В КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРАХ
С НАПРАВЛЕНИЯМИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**

В статье рассматривается проблема совершенствования механизма подготовки квалифицированных кадров в Красноярском крае. Дан анализ профессионально-квалификационной структуры занятости и рынка образовательных услуг. Определены перспективные направления структуры подготовки квалифицированных кадров.

Рецензии

А.Д. Васильев

**РУССКОЕ ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Освещение широкого круга проблем, относящихся к компетенции лингвистического ис-

ABSTRACTS

Philology

A.B. Bushev

SOCIAL AND CULTURAL PHENOMENON OF COMMUNICATION IN BLOGS

Communication, computer information technologies, media discourse, discourse in blogs, barbarisms, vulgarisms, stereotypes, creativity in the language

The paper sheds light upon social and cultural implications of creating blogs in the Internet, it discusses the characteristic traits of this discourse and dwells on its cultural value. The paper is devoted to the analysis of political discourse in the Internet. The author tackles various examples of mass media discourse of electoral and political campaigns and highlights the way the Internet media changed it.

S.V. Kiprina

**HUMANISTIC TRADITION IN THE NARRATIVE
«THE TRUE STORY OF SPIT MACPHEE» BY JAMES ALDRIDGE**

James Aldridge. Childhood images.

The literary works by the author are discussed and the motives and structure of the above-mentioned narrative are analyzed. Similarity between plotlines of this narrative and the novels «Lord of the Flies» by William Golding and «I'm the King of the Castle» by Susan Hill is examined.

E.I. Pinzhenina

**CONCEPT OF «HAPPINESS» IN THE PERCEPTION OF THE CHARACTERS
OF I. GONCHAROV'S NOVEL *OBLOMOV***

I.A. Goncharov, novel trilogy, «Obломov», character sketch of Obломov, character sketch of Olga Ilyinskaya, character sketch of Andrey Shtoltz, concept of «happiness», concept of «love», concept of «passion».

Understanding the concept of «happiness» by the characters of I. Goncharov is one of the basic reasons for associating his three novels — *The Usual Story*, *Obломov*, and *The Precipice* in the trilogy. Besides it allows us to see some unexpected features of likeness in the characters of Obломov and Shtoltz.

I.V. Revenko

**TEXT TEMPORAL CATEGORY REALIZATION IN THE STORY
BY V. P. ASTAFIEV «CAPTURED CANON»**

Temporal reference point, tense-aspect meanings, real time, historical time, cyclic time, time dimension of the text.

The article is devoted to disclosing the peculiarities of the text temporal category in the story «Captured Canon» by V. P. Astafiev. The Temporal dimension of narration is determined issuing from the reference point of the described events and the meanings which appear in the text on the basis of interaction between the semantic character of tense–aspect verb forms, on the one hand, and other elements of the context (lexical time specifiers, indicators of cyclic and historical time), on the other one.

A.O. Toitukova

LEXICAL INNOVATIONS IN NAMING MALES AND FEMALES

Lexical innovations, adoptions, neologisms, nominative models.

In the given article the author is trying to reveal peculiarities of expressing gender differences on the level of lexical innovations in relation with social roles of males and females and their spheres of activity.

Philosophy*I.S. Barsukov***LOGICAL BOUNDS OF KANT'S DIALECTICS***Dialectics, metaphysics, subjective idealism, consciousness, self-consciousness, intellect, contradiction of self-consciousness.*

In this article the meaning of the critical philosophy of E. Kant for the development of dialectics is discussed. The article also reveals the reasons on the basis of which E. Kant determines the logical limits in performing the absolute synthesis and the peculiarities of E. Kant's understanding of the inside contradictions of self-consciousness. This allows to make a conclusion about the concurrence of the critical philosophy method and the method of metaphysics which was criticized by him.

*Yu. A. Bondarenko***AUTHORITARIAN TENDENCIES IN RUSSIAN DEMOCRACY AS A HISTORICAL TRADITION***Russian democracy, authoritarianism, totalitarianism, political regime, evolution, transformation, people, tradition, power.*

The article deals with the issue of Russian regimes' evolution, beginning with the ancient times. There is an attempt to determine the first seeds of democratic and authoritarian fundamentals as well as historic regularity in the change of political systems. Cyclic character of replacing power regimes is revealed. A particular way of the development of Russian «authoritarian democracy» is shown. An attempt to forecast the main tendencies in the transformation of the current political regime is undertaken.

*A.V. Zberovskiy***ANALYSIS OF RUSSIAN DEMOCRACY BY METHODS OF CULTUROLOGY: FORMULATION OF THE PROBLEM***Democracy, culture, democratic traditions, values and sense, people, democratic elite and state.*

The article is devoted to the problem-formulation for studying democratic regimes by methods of culturology as science. This approach will allow to improve understanding of democratic processes in modern Russia, to analyze democratic values and the relations of people at large with the elite and the state leadership under democracy.

*M. Yu. Zyryanov***SOCIAL-PHILOSOPHIC ANALYSIS OF LEGAL EDUCATION (SOME ASPECTS)***Legal education, social-philosophic analysis, materialism, legal consciousness, open society, morals, law, legal culture, legal nihilism.*

The undertaken social-philosophic analysis of modern legal education allows to set the targets for the development of pedagogical science. The necessity of taking into account the materialistic conditionality of legal education in pedagogical process, particularly as regards economically po-

larized society, is proved. The distinction between legal and moral consciousness is shown, inadmissibility of their identification is emphasized. Possible consequences of the opposition between the actual and desirable conditions of legal consciousness are considered.

L.A. Korolyova, A.A. Korolyov

**MUSLIM CLERGY IN THE USSR. 1940 s –1980 s.
(ON THE BASIS OF THE MIDDLE VOLGA REGION MATERIALS)**

Muslim, Islam, clergy, Soviet state-religious policy, main trends, the Middle Volga region.

In the article the composition of Muslim clergy in the Middle Volga region (their age criterion, education level, etc.) is analyzed, the activity of Islam ministers (organizational structure, religious practice, elements of the cult modernization) is studied, the main trends of Soviet state-religious policy towards Islam in 1940-1980s are shown.

L.V. Logunova

FREEDOM AND VALUE OF THE PASSED

Freedom, Hegel, time, will, the past, philosophy.

In the article the notion of time as value of the past is considered.

K.A. Khlopkov

ROLE OF MASS MEDIA IN THE COURSE OF PUBLIC OPINION MANIPULATION

Public opinion, manipulation of public opinion, mass media, information society.

This article deals with the increasing value of information in the contemporary world. Today the world has already entered the information era of its development. In this connection scientists ascertain that influence which is imposed by information on the person is frequently of manipulative character. In the article the terms «mass consciousness» and «manipulation with public opinion» are defined and some signs of information society are specified.

M.B. Shchavelyova

SOME ASPECTS OF MASS CULTURE INFLUENCE ON PUBLIC CONSCIOUSNESS

Mass culture, ideological pressure, consciousness stereotypes.

The article is devoted to the problem of mass culture influence on the consumer. Mass culture, one of the most productive fields of economy, has got such names as «the industry of leisure», «commercial culture». It has quite a number of ways to affect the consciousness of the audience, it forms a specific «game-playing» outlook, distorts the world view of the young audience by means of violence and fear stereotypes.

Pedagogy and Psychology

N.L. Kolchikova

**ETHNO-CULTURAL APPROACH IN THE SYSTEM OF LITERARY EDUCATION
IN SCHOOLS OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA**

Ethno-cultural, methodology principles, national literature, cultural values, national traditions.

The article deals with the ethno-cultural aspect of literary education in schools of the Republic of Khakassia. The importance of using the ethno-cultural approach in teaching literature in the national school is discussed.

N.T. Selezneva, E.A. Kurkotova

**THE MEANING OF PSYCHO-ACMEOLOGICAL
DOMINANT IN REGULATING SOCIAL INTERACTION**

Psycho-acmeological dominant, regulation, semantic characteristic, social interaction, leader.

Psycho-acmeological dominant forms the semantic characteristic of social interaction, determines the system of relationships with partners, regulates their self-concept, ideas of each other, situations of interaction on the whole and the method of self-realization.

T.Yu. Todysheva

PERSONAL FLEXIBILITY IN MANAGERS' PROFESSIONAL ACTIVITY

Managers' professional activity, personal flexibility, factors of professional success.

This article presents the analysis of success factors in managers' professional activity. The major subject of study is the peculiarities of psycho — acmeological influence of managers' personal flexibility on success in their professional activity.

S.N. Tsenyuga

**ABOUT ORGANIZATION OF PEDAGOGY WORK IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS
OF SIBNAROBRAZ IN THE 20s — 30-s OF THE XXTH CENTURY**

Pedology work, Sibnarobraz, pedology committees, inspector work with children, «standard Siberian child», pedagogical diagnostics.

All-round study and analysis of the richest heritage of pedology practice in Soviet Russia of the beginning of the XXth century evokes natural interest in the genesis of this phenomenon in Siberia. By this term we denote the origin of the premises, procedures and organizational-institutional structure formation of pedology work, their development and subsequent transformation.

E.V. Chelaznova

INTERDEPENDENCE BETWEEN CREATIVE-COMMUNICATIVE PARAMETERS OF IMAGE

Image, head of educational establishment, leader status, professional qualities, parameters of self-estimation, stress-resistance.

The article suggests a study of interdependence between creative-communicative parameters of the head of educational establishment image and his professional self-estimation.

E.A. Cherenyova

THE ROLE OF SPEECH IN THE DEVELOPMENT OF VOLUNTARY BEHAVIOUR

Speech, voluntary behaviour, ontogenesis, regulating function of speech, inner and outer speech.

The article is devoted to a theoretic analysis of the problem of children's behaviour formation. The author analyzed the extent of speech influence on the formation of voluntary behaviour. The mechanisms of voluntary behaviour formation in ontogenesis have been determined, and major interconnections with speech activity have been shown.

E.Yu. Yablokova

LONELINESS PHENOMENON IN STUDENTS DEPENDING ON PSYCHOLOGICAL AND SOCIAL-DEMOGRAPHIC FACTORS: METHODOLOGICAL ASPECT

Loneliness, psychological, social-demographic factors, gradation of loneliness, 5-factor checklist, questionnaire.

In order to secure an all-round and universal research of the loneliness phenomenon in students depending on their psychological and social-demographic characteristics it is expedient to make use of: UCLA loneliness modified scale by P. Russel and M. Ferguson, 5-factor personal characteristics by H. Tsuye, social – demographic questionnaires. The set of these tools turned out to be necessary and sufficient for solving the problem in question.

History and Politology

E.A. Babaev

THE OFFICIAL VISIT OF THE SOVIET PRIME MINISTER A.N. KOSYGIN TO CANADA (BASED ON THE SOVIET PRESS)

International relations, Canadian foreign policy, Soviet-Canadian relations, official visit, negotiation.

The article is devoted such a poorly studied theme as the exchange of official visits made by the Canadian and the Soviet Prime Ministers in 1971. The author focused his attention upon Kosygin's negotiations with Canadian leadership in Ottawa and his visits to the main cities of the country: Montreal, Vancouver, Edmonton and Toronto.

L.G. Lisina, I.M. Chudinova

POLITICAL SOCIALIZATION OF STUDENTS

Socialization, students-politologists, political information, canvassing, education, sivil position.

The author of the article presents the results of the analysis of a sociological canvass of students (September – December 2008) on the subject «Political Socialization of Students-Politologists of the Faculty of History (KSPU)» and the conclusions regarding the analysis.

Economics

G.I. Popodko O.O. Nagaeva

**THE MECHANISM OF COORDINATING THE DEMAND IN SKILLED CADRES
WITH THE TRENDS IN SPECIALISTS' TRAINING REGARDING THE IMPLEMENTATION
OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE KRASNOYARSK TERRITORY**

Skilled cadres, education, employment, market of educational services, educational institutions.

In the article the author considers the problem of perfecting skilled personnel training in the Krasnoyarsk Territory. The analysis of professional-qualification structure of employment and of the educational services market is presented. Perspective trends in the development of skilled personnel training are suggested.

Reviews

A.D. Vasilev

RUSSIAN HISTORICAL-LINGUISTIC SOURCE STUDY: THEORY AND PRACTICE

Russian historical lexicology, source study, dictionary.

The article suggests a broad range of problems to be considered. They are related first of all to the competence of linguistic source study which quite frequently turn out to be crucial for historical-lexicographic research and for historical-lexicological research as well.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабаев
Эльчин Азизович

- кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории КГПУ им. В.П. Астафьева.
Т. 8(391)236-99-95; e-mail: elbabaev@mail.ru.

Барсуков
Игорь Сергеевич

- кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии КГПУ им. В.П. Астафьева, доцент кафедры философии, психологии и педагогики ККИП-КРО, директор МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 78», г. Красноярск.
Т. 8(391)213-39-92; e-mail: bis78@rumbler.ru.

Бондаренко
Юлия Алексеевна

- ассистент кафедры всеобщей истории КГПУ им. В.П. Астафьева. Т. 8(391)277-72-92; e-mail: bondarenko@vzletka.kspu.ru.

Бушев
Александр Борисович

- кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин филиала Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в г. Твери.
Т. 8(4822)42-72-01;
e-mail: alex.bouchev@list.ru.

Васильев
Александр Дмитриевич

- доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания КГПУ им. В.П. Астафьева.
Т. 8(391)221-68-96; e-mail: vasileva@kspu.ru.

Зберовский
Андрей Викторович

- кандидат философских наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, проректор по науке и инновациям КГПУ им. В.П. Астафьева.
Т. 8-902-990-51-68.

Зырянов
Михаил Юрьевич

- аспирант кафедры философии и социологии КГПУ им. В.П. Астафьева, член Союза российских писателей.
Т. 8(39195)2-32-74, +7-950-998-79-30;
e-mail: mik-zyr@rambler.ru;
www.zyryanov-srp.3dn.ru.

Киприна
Светлана Владимировна

- аспирант кафедры зарубежной литературы филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева.
E-mail: kiprina1707@rambler.ru.

Кольчикова
Наталья Лаврентьевна

- кандидат педагогических наук, доцент кафедры литературы института филологии Хакасского государ-

-
- Королева
Лариса Александровна** – ственного университета им. Катанова.
– доктор исторических наук, профессор Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, зав. кафедрой истории.
Т. 8-902-204-53-95; e-mail: korolevalar@yandex.ru.
- Королев
Алексей Александрович** – кандидат исторических наук, доцент Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, зам. зав. кафедрой истории по науке.
Т. 8(412)95-70-79; e-mail: sansan@pnz.ru.
- Куркотова
Екатерина Александровна** – ассистент кафедры психологии управления института психологии, педагогики и управления образованием КГПУ им. В.П. Астафьева.
Т. 8(391)254-27-01.
- Лисина
Лариса Георгиевна** – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой политологии и права КГПУ им. В.П. Астафьева.
Т. 8(391)277-72-95; e-mail: politol@inbox.ru.
- Логунова Лариса Валентиновна** – старший преподаватель кафедры философии и социологии КГПУ им. В.П. Астафьева.
Т. 8(391)211-12-59; e-mail: gendin@kspu.ru.
- Нагаева
Ольга Сергеевна** – младший научный сотрудник Красноярского отдела Института экономики и организации промышленного производства СО РАН. Т. 8(391)249-52-74, 8-902-925-21-34; e-mail: ecpro@mail.ru.
- Пинженина
Екатерина Игоревна** – аспирант кафедры русской литературы КГПУ им. В.П. Астафьева. Т. 8(391)291-25-81; e-mail: pinzhenina@mail.ru.
- Поподько
Галина Ивановна** – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Красноярского отдела Института экономики и организации промышленного производства СО РАН. Т. 8(391)249-52-74, 8-904-898-94-67; e-mail: pgi90@bk.ru.
- Ревенко
Инна Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева. Т. 8(391)261-63-52.
- Селезнева
Наталья Тихоновна** – доктор психологических наук, профессор института психологии, педагогики и управления образованием КГПУ им. В.П. Астафьева. Т. 8(391) 254-27-01; e-mail: celezneva@mail.ru.
- Тойтукова
Айнура Ормошевна** – аспирант кафедры современного русского языка КГПУ им. В.П. Астафьева. Т. 8(391)211-31-88; e-mail: vasileva@kspu.ru.
- Тодышева
Татьяна Юрьевна** – старший преподаватель кафедры психологии управления КГПУ им. В.П. Астафьева.
Т. 8(391)250-78-36; e-mail: ttodisheva@mail.ru.
- Хлопков
Кирилл Александрович** – аспирант Северо-Кавказского государственного технического университета.
E-mail: Kirill_kh@mail.ru.

-
- Ценюга**
Сергей Николаевич
- кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики КГПУ им. В.П. Астафьева.
Т. 8(391)220-03-94; e-mail: serzen@kspu.ru.
- Челазнова**
Екатерина Владимировна
- ассистент кафедры психологии управления института психологии, педагогики и управления образованием КГПУ им. В.П. Астафьева. Т. 8(391)254-27-01;
e-mail: catrin_310@mail.ru.
- Черенёва**
Елена Александровна
- кандидат педагогических наук, доцент кафедры коррекционной педагогики КГПУ им. В.П. Астафьева.
Т. 8(391)255-74-23.
- Чудинова**
Изида Михайловна
- доктор философских наук, профессор кафедры политологии и права КГПУ им. В.П. Астафьева.
Т. 8(391)277-72-95; E-mail: politol@inbox.ru.
- Щавелёва**
Марина Борисовна
- кандидат исторических наук, доцент кафедры истории религии и культуры исторического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Т. 8(831)431-07-62,
8-905-191-07-15; e-mail: for-shaveleva@yandex.ru
- Яблокова**
Екатерина Юрьевна
- аспирант кафедры психологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. E-mail: ekyablokova@yandex.ru.

ВЕСТНИК
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. АСТАФЬЕВА

2009 (2)

Редактор М.А. Исакова
Корректор С.Ю. Глазунова
Верстка М.Л. Гукайло

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ,
т. 211-01-25

Подписано в печать 15.09.09. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 19,06. Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ 326. Цена договорная

Отпечатано ИПК КГПУ,
т. 211-48-00

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас принять участие в очередных выпусках вузовского научного журнала «Вестник КГПУ им.В. П. Астафьева» 2009 г. по основным научным направлениям, представленным в университете.

В «Вестнике» публикуются основные научные результаты исследований научных школ вуза, диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Все статьи рецензируются. Статьи аспирантов сопровождаются представлением научного руководителя и публикуются бесплатно.

Статьи в бумажном и электронном вариантах просим направлять по адресу 660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, КГПУ им. В.П. Астафьева.

Справки можно получить по e-mail: vasileva@kspu.ru у ответственного секретаря «Вестника» Васильевой С.П., каб. 2–56, т. 8 (391) 211 31 88.

Требования к оформлению статей

Объем – не более 10 страниц. Формат MS Word (doc); интервал – 1,5; поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, нижнее и верхнее – 2 см; сноски в квадратных скобках [Иванов 2002 : 55]; нумерация источников – по алфавиту; шрифт Times New Roman; 14 пт; список литературы по алфавиту. В содержании статьи должны быть обозначены: научная проблема, цель исследования, научная новизна, научные выводы.

Приложение отдельным файлом: сведения об авторе (ученое звание, должность, место работы, телефон, электронный адрес), Ф.И.О. автора, заглавие (полужирный шрифт, выравнивание по центру) на русском и английском языках, краткая аннотация (не более 4–5 строк) на русском и английском языках, ключевые слова на русском и английском (не более 10; 12 пт).

Статьи рецензируются и редактируются. Тексты не возвращаются. **Материалы, не соответствующие данным требованиям, к публикации не принимаются.**

Журнал имеет ISSN 1995–0861, зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия и в ОАО Агентстве «Роспечать» как подписное издание с 01.01.2009, номер в каталоге НТИ 66001. Для получения журнала нужно оформить подписку и выслать нам копию квитанции (можно в электронном виде).

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

О.А. Ревенко

ВОСПИТАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Ключевые слова на русском языке (не более 10).

С наступлением XXI века проблема толерантности приобретает особую актуальность в связи с процессом глобализации и одновременным ростом этнического самосознания различных народов. В определенной мере сбывается печальный прогноз С. Хантингтона о перспективе масштабных конфликтов «не между социальными классами... а между народами различной культурной идентификации» [Хантингтон 2003: 24]. (Далее текст статьи.)

Библиографический список (по алфавиту)

1. Паина Л.И. Межэтническая интеграция – условия воспитания этнической толерантности // Вестник ОГУ. 2001. № 2. С. 41–49.
2. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке / под ред. И.Б. Голуб. 8-е изд., испр. и доп. М.: Айрис-пресс, 2002. 368 с.
3. Тавадов Г.Т. Этнология: словарь-справочник. М.: Наука, 1998. 516 с.
4. Хакимов Э.Р. Проблема изучения этнической толерантности педагогов в различных подходах. URL: <http://v3.udsu.ru/res/vuupsy>.

Приложение (отдельным файлом)

1. Сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, вуз, место работы, телефон, электронный адрес.
2. Ф.И.О., название статьи, аннотация на русском и английском языках (4–5 строк), ключевые слова на русском и английском языках (в пределах 10).

Для заметок